

К. П. ПОБЕДНОСЦЕВ

ПИСЬМА

К

АЛЕКСАНДРУ Ш

ОГЛАВЛЕНИЕ

1881 ГОД

1881 ГОД	2
1882 ГОД	6
1883 ГОД	7
1884 ГОД	16
1885 ГОД	22
1886 ГОД	31
1887 ГОД	42
1888 ГОД	56
1889 ГОД	68
1890 ГОД	71
1891 ГОД	73
1892 ГОД	78
1893 ГОД	80
1894 ГОД	83
ПРИЛОЖЕНИЕ	85

1

Бог велел нам переживать нынешний страшный день. Точно кара Божия обрушилась на несчастную Россию. Хотелось бы скрыть свое лицо, уйти под землю, чтобы не видеть, не чувствовать, не испытывать. Боже, помилуй нас.

Но для Вас этот день еще страшнее, и, думая об Вас в эти минуты, что кровав порог, через который Богу угодно провести Вас в новую судьбу Вашу, вся душа моя трепещет за Вас страхом неизвестного грядущего по Вас и по России, страхом великого несказанного бремени, которое на Вас положено. Любя Вас, как человека, хотелось бы, как человека, спасти Вас от тяготы в привольную жизнь; но нет на то силы человеческой, ибо так благоволил Бог.

Его была святая воля, чтобы Вы для этой цели родились на свет и чтобы брат Ваш возлюбленный, отходя к Нему, указал Вам на земле свое место.

Народ верит в эту волю Божию,— и по Его велению возносит надежду свою на Вас и на крепкую власть, Богом врученную Вам. Да благословит Вас Бог. Да ободрит Вас молитва народная, а вера народная да даст Вам силу и разум править крепкою рукою и твердою волей.

Вам достается Россия смятенная, расшатанная, сбита с толку, жаждущая, чтобы ее повели твердою рукою, чтобы правящая власть видела ясно и знала твердо, чего она хочет, и чего не хочет и не допустит никак. Все будут ждать в волнении, в чем ваша воля обозначится. Многие захотят завладеть ею и направлять ее.

Ваше Величество, позвольте мне сказать Вам в нынешний день. Первые дни Вашего царствования будут особенно знаменательны и требуют особой обдуманности и осмотрительности.

Я не могу успокоиться от страшного потрясения. Не могу отогнать от себя гнетущей меня заботы о Вас и о Вашей безопасности. Простите, что в эти скорбные часы прихожу к Вам со своим словом: ради Бога в эти первые дни царствования, которые будут иметь для Вас решительное значение, не упускайте ни одного случая заявлять свою

личную решительную волю, прямо от Вас исходящую, чтобы все слышали и знали: “Я так хочу”, или “я не хочу этого”.

Никакая предосторожность не лишняя в эти минуты. Не я один тревожусь: эту тревогу разделяют все простые русские люди. Сегодня было уже у меня несколько простых людей, которые все говорят со страхом и ужасом о Мраморном Дворце. Мысль эта вкоренилась в народ.

Заседание 21 марта у В. В. имело результатом покуда лишь сближение между лицами, на первый раз и это хорошо; я радуюсь, что со мною говорят без принуждения те, которые до сих пор избегали меня. С того дня я еще не видел никого из министров. Жду с нетерпением, когда мы соберемся для общего совещания. В. кн. Владимир Александрович заметил, что все бывшее доньше разногласие происходит лишь от недоразумений, но я боюсь, что эти недоразумения глубже, чем кажется, и должны обнаружиться всякий раз, когда придется не говорить только речи, а приступать к действиям и к распоряжениям. Нетрудно рассуждать, причем для избежания разногласий сглаживаются фразы, резкие оттенки взглядов и мнений; но когда надобно приступать к действию решительному, тут обнаруживается рознь и сила действия парализуется.

В публике ходили на прошлой неделе и продолжают до сих пор самые странные слухи и ожидания по случаю этого совещания. Многие были уверены, что 15, потом 17, 18 числа произойдет и объявится нечто необычное. Поднялись опять толки о представительстве — авось-либо теперь они затихнут. Но смущение не успокоится, я убежден в том, покуда правительство не заявит себя такими действиями, которые ни в ком не оставляли бы сомнения или раздвоенной мысли.

Смею думать, Ваше Императорское Величество, что для успокоения умов в настоящую минуту необходимо было бы от имени Вашего обратиться к народу с заявлением твердым, не допускающим никакого двоемыслия. Это ободрило бы всех благонамеренных прямых людей. Первый манифест был слишком краток и неопределен. Я попробую, если угодно будет, придумать соответственную редакцию и представить на Ваше усмотрение.

Вместе с тем продолжаю думать, что Вашему Величеству необходимо появиться в Петербурге. Постоянное, безвыездное пребывание Ваше в Гатчине возбуждает в народе множество слухов самых невероятных, но тем не менее принимаемых на веру. Нынче из народа уже спрашивали, правда ли, что Государя нет уже на свете и что это

скрывают. Распространение, усиление таких слухов может быть очень опасно в России, и люди злонамеренные, их ныне так много, пользуются ими, чтобы смущать народ. Много таких в России — все они ждут в волнении и страхе, в чем выскажется, куда направится настоящее правительство.

(Без даты)

2

Ваше Императорское Величество. Простите ради Бога, что так часто тревожу Вас и беспокою.

Сегодня пущена в ход мысль, которая приводит меня в ужас. Люди так развратились в мыслях, что иные считают возможным избавление осужденных преступников от смертной казни. Уже распространяется между русскими людьми страх, что могут представить Вашему Величеству извращенные мысли и убедить Вас к помилованию преступников. Слух этот дошел до старика гр. Строгонова, который приехал ко мне сегодня в волнении.

Может ли это случиться? Нет, нет, и тысячу раз нет — этого быть не может, чтобы Вы перед лицом всего народа русского, в такую минуту простили убийц отца Вашего, русского Государя, за кровь которого вся земля (кроме немногих, ослабевших умом и сердцем) требует мщения и громко ропщет, что оно замедляется.

Если бы это могло случиться, верьте мне, Государь, это будет принято за грех великий, и поколеблет сердца всех Ваших подданных. Я русский человек, живу посреди русских и знаю, что чувствует народ и чего требует. В эту минуту все жаждут возмездия. Тот из этих злодеев, кто избежит смерти, будет тотчас же строить новые ковы. Ради Бога, Ваше Величество,— да не проникнет в сердце Вам голос лести и мечтательности.

Вашего Императорского Величества
верноподданный

Константин Победоносцев

30 марта 1881 г. Петербург

3

По случаю нынешних ужасных событий святейший синод положил издать ко всему народу пастырское послание. Это будет соот-

ветствовать действительной потребности, отовсюду заявленной. Подобные примеры бывали в случаях гораздо менее важных, например, после истории Петрашевского в 1848 году.

Определение синода пропущено мною сегодня и на днях подлежит исполнению.

Копию с предполагаемого послания имею честь представить при сем Вашему Императорскому Величеству.

Перед Пасхую представляют обыкновенно на Высочайшее воззрение предположения о наградах по духовному ведомству. Если Вашему Императорскому Величеству благоугодно сохранить тот же порядок, то буду ожидать приказа, когда явиться с сим докладом в Гатчину.

Константин Победоносцев

*2 апреля 1881 года
Петербург*

4

Теперь простые люди преисполнены заботы о безопасности Вашего Императорского Величества: у многих эта забота непрестанная, не дающая покоя. Благодетельные прибегают к молитвам, или ищут оградить Вас почитаемую иконой или другой домашней святыней. Невозможно отвергать эти порывы горячего усердия.

Вчера пришел ко мне совсем простой человек, почтенный старик старожил города Томска, купец Хранов, приехавший сюда на время. У них сначала в лесу близ Томска, потом в самом Томске, в саду у Хранова, проживал в молитве пустынный неизвестного происхождения лет 25, и скончался в 1864 году, уже 90 лет от роду. Местные жители, особенно же сам Хранов, чтит его при жизни, как святого, и еще более чтят по смерти. Уверяют, что он предсказывал будущее и что многие получают исцеление на его могиле. Старик Хранов, по поводу покушений на жизнь Государя Императора, посылал Его Величеству портрет этого старца и разные известия о его предупреждениях и предсказаниях.

Теперь он привез с собой из Томска шапочку этого старца, которую хранил благоговейно в своем семействе и которой приписывает чудодейственную силу, рассказывая, что два раза, когда он брал ее с собой в путь, он чудесно спасался от разбойников.

Я не желал смутить веру этого доброго человека и не решился отказать ему: взял от него эту шапочку с обещанием представить ее Вашему Императорскому Величеству, вместе с портретом старца.

Константин Победоносцев

11 июля 1881 г. Ораниенбаум

5

Ваше Императорское Величество.

Опять должен просить у Вас прощения в своей назойливости, ибо возвращаюсь к тому же предмету, о котором писал уже и беспокоил Вас.

Я уже смел писать Вашему Величеству о предмете, который почитаю важным — о приеме Скобелева. Теперь в городе говорят, что Скобелев был огорчен и сконфужен тем, что Вы не выказали желания знать подробности о действиях его отряда и об экспедиции, на которую обращено было всеобщее внимание и которая была последним, главным военным делом, совершенным в минувшее царствование. Об этом теперь говорят, и на эту тему поют все недовольные последними переменами. Я слышал об этом от людей серьезных, от старика Строгонова, который очень озабочен этим. Сегодня гр. Игнатьев сказывал мне, что Д. А. Милютин говорил об этом впечатлении Скобелева с некоторым злорадством.

Я считаю этот предмет настолько важным, что рискую навлечь на себя неудовольствие Вашего Величества, возвращаясь к нему.

Смею повторить снова, что Вашему Величеству необходимо привлечь к себе Скобелева сердечно. Время таково, что требует крайней осторожности в приемах. Бог знает, каких событий мы можем еще быть свидетелями, и когда мыждемся спокойствия и уверенности. Не надобно обманывать себя: судьба назначила Вашему Величеству проходить бурное, очень бурное время, и самые большие опасности и затруднения еще впереди. Теперь время критическое для Вас лично: теперь, или никогда,— привлечете Вы к себе и на свою сторону лучшие силы в России, людей способных не только говорить, но самое главное — способных действовать в решительные минуты. Люди до того измелчали, характеры до того выветрились, фраза до того овладела всем, что уверяю честью, глядишь около себя и не знаешь на ком остановиться. Тем драгоценнее теперь человек, который показал, что имеет волю и разум, и умеет действовать: ах, этих людей так немного! Обстоятельства слагаются к несчастью нашему так, как не бывало еще в России — предвижу скорбную возможность такого состояния, в

котором одни будут за Вас, другие против Вас. Тогда, если на стороне Вашего Величества будут люди, хотя и преданные, но неспособные и нерешительные, а на той стороне будут деятели,— тогда может быть горе великое и для Вас, и для России. Необходимо действовать так, чтобы подобная случайность оказалась невозможной. Вот, теперь, будто бы, некоторые, нерасположенные к Вашему Величеству и считающие себя обиженными, шепчут Скобелеву: “Посмотри, ведь мы говорили, что он не ценит прежних заслуг и достоинств”. Надобно сделать так, чтобы это лукавое слово оказалось ложью, и не только к Скобелеву, но и ко всем, кто заявил себя действительным умением вести дело и подвигами в минувшую войну. Если к некоторым из этих людей Ваше Величество имеете нерасположение, ради Бога, погасите его в себе. Вы с 1-го марта принадлежите, со всеми своими впечатлениями и вкусами, не себе, но России и своему великому служению. Нерасположение может происходить от впечатлений, впечатления могли быть навеяны толками, рассказами, анекдотом, иногда легкомысленным и преувеличенным. Пускай Скобелев, как говорят, человек безнравственный. Вспомните, Ваше Величество, много ли в истории великих деятелей, полководцев, которых можно было бы назвать нравственными людьми — а ими двигались и решались события. Можно быть лично и безнравственным человеком, но в то же время быть носителем великой нравственной силы, и иметь громадное нравственное влияние на массу. Скобелев, опять скажу, стал великой силой и приобрел на массу громадное нравственное влияние; то есть, люди ему верят и за ним следуют. Это ужасно важно, и теперь важнее, чем когда-нибудь.

У всякого человека свое самолюбие и оно тем законнее в человеке, чем очевиднее для всех дело, им совершенное. Если бы дело шло лишь о мелком тщеславии,— не стоило бы и говорить. Но Скобелев вправе ожидать, что все интересуются делом, которое он сделал, и что им прежде и более всех интересуется русский Государь. Итак, если правда, что Ваше Величество не выказали в кратком разговоре с ним интереса этому делу, желание знать подробности его, положение отряда, последствия экспедиции и т. п. Скобелев мог вынести из этого приема горькое чувство.

Позвольте, Ваше Величество, на минуту заглянуть в душевное Ваше расположение. Могу себе представить, что Вам было неловко, несвободно, неспокойно со Скобелевым, и что Вы старались сократить свидание. Мне понятно это чувство неловкости, соединенное с нерасположением видеть человека, и происходящая от него неуверенность. Опасаюсь, что подобное чувство может и во многих

случаях стеснять. Ваше Величество в приеме некоторых людей. Когда к Вам являются простые люди, они всегда выходят утешенные и очастливленные вниманием Вашим и расспросами. Это происходит оттого, что с простыми людьми Вы, по натуре своей чувствуете себя непринужденно, а когда чувствуете в душе принужденность, тяготитесь положением и отношением к человеку.

Но смею думать, Ваше Величество, что теперь, когда Вы Государь русский,— нет и не может быть человека, с которым Вы не чувствовали бы себя свободно, ибо в лице Вашем — передо всеми и перед каждым стоит сама Россия, вся земля с верховной властью. Есть ли хоть один, которым Вы не могли бы с первого раза, с первого слова овладеть нравственно? Ваше Величество, Вы не знаете всей своей силы. Ради Бога узнайте ее, поймите ее, уверуйте в нее — тогда все для Вас будет ясно, тогда всякое личное впечатление прежнего времени перестанет нагонять тень на Ваши отношения к людям. Когда подходит к Вам человек, подумайте, что тут не он и Вы, а он и Россия, тогда будет Вам ясно, как отнестись к человеку и что сказать ему, а Ваше всякое слово будет со властью и силой.

(Без даты)

1882 ГОД

6

Здесь в гостиных рассказывают, что Государыня Императрица изволит принимать г-жу Адан, приехавшую сюда из Парижа.

Без сомнения Вашему Императорскому Величеству известно, что г-жа Адан есть политическая авантюристка и состоит в числе главных агентов республиканской крайней партии, в связи с планами и расчетами Гамбетты; говорят, что она была и любовницей его. Она издательница журнала "La Nouvelle Revue", служащего органом партии. В связи с приездом ее в Россию появились в берлинских полуофициальных газетах статьи о том, будто она едет сюда для тайных политических переговоров, имеющих целью сближение Франции с Россией и со здешними политическими партиями.

К. Победоносцев

*6 января 1882 г.
Петербург*

8¹

...долгом почитаю представить Вашему Императорскому Величеству № газеты "Новое Время", который иным путем может быть и не дошел до Вас.

Благоволите обратить внимание на перепечатанную здесь прокламацию и на рассуждения об ней. Это — дело Дружины и гр. Шувалова.

Эта прокламация разбрасывалась в учебных заведениях и на женских курсах. Дети приносили ее домой родителям с недоумением.

А после газетной статьи весь Петербург говорит об этом, смею сказать, безумном и гнусном деле. Ни для кого не тайна, кто его виновники, и на к воих — на деньги Дружины. Одного такого флигель-адъютанта я сам знаю.

Ходят слухи, один другого нелепее. Не говорю уже о том, что вплетают в это дело и мое имя; я знаю, что вначале некоторые члены

Дружины имели бесстыдство заманивать в нее людей моим именем. Это для меня не важно. Важно то, что в этом поистине жалком и постыдном деле — произносится имя Вашего Величества. Вот чего не может перенести ни одна честная русская душа, а дела Дружины огласились уже ныне по всей России.

Вашего Императорского Величества
Верноподданный
Константин Победоносцев

12 ноября 1882 г.

¹ "????? ? ? ? ??????? ? ? ????????? ?????? ??????????"

1883 ГОД

9

Редакция манифеста, присланная от Вашего Императорского Величества, не показалась мне удовлетворительной. Она списана (как изволите усмотреть из прилагаемой книги) с подобного же манифеста 17 апреля 1856 года, и это довольно неудобно. Мне кажется, для приличия следует разнообразить редакцию. Притом нынешняя редакция, с некоторыми изменениями, представляется мне слабее прежней. Я предпочел составить новую, которую и представляю на благоусмотрение Вашего Величества.

В ту пору можно было указать на Парижский мир, как на явный признак того, что “возвращено России прежнее спокойствие”, то есть вернулось мирное состояние после бедственной войны. Теперь нельзя указать на такой признак, и потому мне весьма не нравится фраза: “Ныне, когда всеблагий промысл возвращает России прежнее спокойствие” (как будто оно было во внутреннем состоянии в последние годы минувшего царствования).

Я думаю, что гораздо приличнее вовсе не упоминать об этом, а прямо перейти к мысли о том, что настало уже время и пр. А перед этим сказано вообще — об успокоении возмущенного народного чувства. Точно так же и формулу молитвы я признал нужным изменить. Вначале поставлена у меня фраза: “во время смуты”. Если б это слово смута показалось слишком резким, — его можно выпустить, оставив только слова “в минуту страшного потрясения”.

Константин Победоносцев

14 января 1883

Еще одно примечание. В конце у меня поставлено: попечение о благе народа, а не народов, как сказано было в прежней и в печатной редакции. И в 1856 году это слово: народов — казалось странным. Замечали, что австрийский император может говорить о своих народах, а у нас народ один и власть единая.

10

С сердечною благодарностью возвращаю Вашему Величеству письма В. А. Жуковского. Поистине это была простая, чистая и ясная душа, — и вся она сказывается в письме от 30 августа 1843 года.

Когда читаешь это письмо, невольно обращаешь мыслию к той эпохе, когда оно было писано — 40 лет тому назад. Это было самое ясное и блестящее время царствования Императора Николая. Многое вокруг поэта было просто и ясно; просты и ясны казались и те задачи жизни, которые с тех пор усложнились и запутались невообразимо. Есть времена, когда дорога впереди стелется широкой стезею, и видно куда идти. Есть другие времена, когда впереди туман, вокруг болота. То время и нынешнее — какая разница, — точно мир вокруг нас переменялся. Невольно приходит мысль: эта простая душа, эта ясная мысль — как выразилась бы у Жуковского, если б он писал не в 1843 году, а хоть двадцать лет спустя?

И Богу не угодно было, чтоб он дожил до того времени, когда его державный воспитанник стал Императором и вступил в дело. Кажется, для покойного Государя и для всей России было бы неоценимым благом присутствие — только присутствие — человека с такою душою, с прямым и ясным взглядом русского человека на дела и на людей. С Жуковским, — и может быть с ним только одним, — покойный Государь в состоянии был бы говорить прямо, без малейшей тени, и принял бы слово от него с полным доверием. Жуковский ясным чутьем своим понял бы все, что было фальшивого во многих мерах, которые представлялись Государю в эпоху реформ, и указал бы прямо на опасность, грозившую тем основным началам правления, которые он так просто и ясно излагал в письме своем. И когда вспомнишь, какие люди в ту пору — в середине 60-х годов — решали судьбу этих реформ, пожалеешь, человеческим рассуждением, что Жуковского не было. Но видно так Богу было угодно, чтоб не было ни его, ни ему подобных.

Константин Победоносцев

1 февраля 1883

11

Снова осмеливаюсь явиться просителем к Вашему Императорскому Величеству — выпрашивать пособие доброму делу.

Вы изволите припомнить, как несколько лет тому назад я докладывал Вам о Сергее Рачинском, почтенном человеке, который, оставив профессорство в Московском университете, уехал на жительство в свое имение, в самой отдаленной лесной глуши Бельского уезда Смоленской губернии, и живет там безвыездно вот уже более 14 лет,

работая с утра до ночи для пользы народной. Он вдохнул совсем новую жизнь в целое поколение крестьян, сидевших во тьме кромешной, стал поистине благодетелем целой местности, основал и ведет, с помощью 4 священников, 5 народных школ, которые представляют теперь образец для всей земли. Это человек замечательный. Все, что у него есть, и все средства своего имения он отдает до копейки на это дело, ограничив свои потребности до последней степени. Между тем дело разрастается у него под руками, и он уже вынужден сокращать его за недостатком средств.

Кроме школ он устроил у себя специальную больницу для сифилиса, который, как известно, составляет у нас в иных местностях язву населения по деревням, передаваясь наследственно от одного поколения другому. Эта больница чрезвычайно полезна; но, к сожалению, и она должна закрыться.

“Увы!— писал мне Рачинский в декабре прошлого года,— эта затея слишком дорогая, чтоб я мог надеяться получить откуда-либо средства: на ее дальнейшую поддержку. Ее годовой бюджет — 600 рублей (фельдшер — 300, содержание больных — 200, прислуга, медикаменты, освещение — около 100 руб. Отопление дает брат). Но мало того,— временное помещение никуда негодно; нужна постройка, которая обойдется рублей в 1.500. В больнице 4 кровати, занятые постоянно, лечилось в течение 9 месяцев у меня 21 человек; дома — около 90. Дело несомненно полезное,— сифилис, кроме случаев исключительных, излечим наверное (фельдшер отличный, шесть раз в год приезжает врач). Но это дело я не могу продолжать иначе, как в долг. Это безумие, на которое я решился — и теперь сам не знаю, как быть”.

А на днях он пишет: “Тяжкое, но необходимое дело — привести в порядок мой бюджет... Закрытие больницы последует в мае (зимою рука не поднимается — так много больных)”.

Простите, Ваше Величество, что утруждаю Вас чтением всего вышеписанного. Мысль моя такова: покуда жив еще человек, умеющий вести такое доброе для народа дело и полагающий в него свою душу,— стоит поддержать его. Вы мне позволили просить, и я решаюсь на сей раз. Не благоволите ли, для поддержания этой больницы, пожаловать 2.000 рублей, из коих 1.500 пойдет на строение, а 500 на содержание в течение года? Этот дар Вашего Величества ободрит и оживит радостью всех трудящихся в этом деле.

Долгом почитаю прибавить, что сам Рачинский и в мысли не имеет чего-либо просить, ожидать или надеяться от щедрот Вашего Величества.

Константин Победоносцев

Простите, Ваше Императорское Величество, что я осмеливаюсь еще раз беспокоить Вас письмом по тому же делу. И теперь, как в тот раз, имею в виду одну только цель — благо Вашего Императорского Величества и достоинство власти в трудное время. Продолжаю почитать это дело делом великой важности, именно в виду коронации и существующего народного настроения.

Сейчас я виделся с графом Толстым, которому Вы изволили отослать письмо мое. Я узнал, что по делу о театрах граф Воронцов представлял Вашему Величеству доклад, получивший утверждение.

Графу Воронцову я не усомнился бы сказать, что ему не следовало поступать так, не посоветавшись в столь важном деле с другими лицами, кроме чинов театрального управления. Оказывается, что, желая заручиться согласием другого министерства, он имел три месяца тому назад по этому же предмету объяснение с гр. Толстым и получил от гр. Толстого такой ответ, что нельзя разрешить русские оперные спектакли в пост, так как это противно объявленному уже Высочайшему повелению 1881 года.

Не взирая на то, гр. Воронцов решился войти с докладом к Вашему Величеству непосредственно.

Смысл Высочайшего повеления ясен, и нынешнее разрешение составляет отмену его. Так оно и будет принято в народе. Можно объяснять сколько угодно, что опера есть соединение живых картин с музыкой. Это может быть понятно петербургскому обществу, но в России не поймут этого, но очень хорошо помнят, что в прежнее время, до Высочайшего повеления, испрошенного гр. Адлербергом, никакие оперы не разрешались к представлению. На основании той же логики ничто не мешает разрешить и балет: тут нет даже разговора, а о танцах прямо не сказано в тексте закона.

Графу Толстому приходило на мысль,—не следует ли теперь поместить в “Правительств. Вестнике” заметку с объяснением, что опера есть будто бы не драматическое представление, а соединение живой картины с музыкой. Но я отклонил его от этой мысли: такое объявление от лица правительства никого не успокоило бы, а только усилило бы тяжкое впечатление.

Ваше Величество! Я уже в последний [раз] беспокою Вас этими строками по настоящему делу. Но долг моего звания и моей сердечной заботы велит мне сказать еще раз: впечатление будет тяжкое. Оно было

бы менее тяжко, если б разрешение последовало после, через год или через несколько лет. Но теперь... теперь люди в первое время откажутся верить. Притом коронация готовится в Москве, а из Москвы вышло главное ходатайство о закрытии театров в пост, и в Москве разрешение спектаклей отозвалось всего чувствительнее. Необходимо побережь народное чувство в религиозном его элементе именно теперь, когда оно так настроено перед коронацией. Так жених бережет перед браком стыдливое чувство невесты...

Немало найдется людей, которые будут говорить, что это пустые капризы со стороны синода, что это поповский фанатизм, и т. под. Синод ничего и не знает о настоящем случае, и дело не в нем, а в народном чувстве, которое ни за что не поймет, как могут быть спектакли в те дни, когда ежедневно в церкви читается: “Господи, владыко живота моего”... Не поймут также простые люди, как могло вдруг измениться царское слово, встреченное всем народом с такою радостью в дни траура и плача.

Смею уверить Ваше Величество, что в этом деле несколько не участвует мое самолюбие. Хотя Высочайшее повеление 1881 года было не прошено мною, и гр. Воронцову, не послушавшему совета министра внутренних дел, не угодно было посовещаться со мною,— это несколько не обижает меня лично. Я вступился в это дело потому, что чувствую глубоко всю важность настоящей минуты для целого царствования, всю трудность настоящей эпохи и всю тяготу бремени, возложенного Божиим промыслом на Вас. Мне больно, что другие этого не чувствуют, но я не в силах уклониться и сказать: не мое дело.

Распоряжение о разрешении оперных спектаклей есть внутреннее, домашнее, по Императорским театрам. Оно не было нигде объявлено. По-видимому, было бы незатруднительно и отменить его, пока есть еще время. Если б и последовал от того убыток для театральной кассы, он не стоит того смущения, которое поднимется от приведения распоряжения в действие. Все это зависит исключительно от воли Вашего Императорского Величества. Ваше сердце в воле Божией, и да пошлет Вам Бог на мысль правое решение.

Вашего Императорского Величества
верноподданный
Константин Победоносцев

21 февраля 1883

На днях видел я старика Добрянского, который приезжал сюда на несколько дней из Германии, тайком, чтобы не проведали о поездке его в Россию агенты австрийского правительства. Он рассказывает немало ужасного и поучительного.

Чудовищный процесс по обвинению в государственной измене, возбужденный против Добрянского, Наумовича и других, лучших и доблестнейших людей русской народности, привел в изумление здравомыслящих людей в целой Европе. От лица правительства поднято было, без малейших оснований, обвинение в преступлении, влекущем за собою смертную казнь, на русских людей, только за то, что они хотели оставаться русскими и удержать при себе свою церковь! Этих людей заперли в тюрьму на 7 месяцев, томили и подвергали позору и оскорблениям на суде. Суд не признал за ними уголовной вины. Все с удивлением спрашивали: как должно быть безумно правительство, которое допускает такие незаконные преследования, напрасно раздражая ими целую народность?

Но вот что весьма поучительно, и особливо для нас, русских. Австрийское правительство само было опечалено этим процессом и понимало все его беззаконие, но было бессильно предотвратить его и видело себя в необходимости подчиниться партии, возбудившей этот процесс. Роль недостойная правительства; но австрийское правительство принудило себя на эту ложь, потому, что оно утверждается на конституции.

В разноплеменном составе государства, австрийское правительство вынуждено считаться с представителями той партии, которая в данную минуту имеет силу в парламенте. Министры, состоя в зависимости не от единой воли монарха, а от игры партий в парламенте, для того чтоб сохранить свое положение и удержаться на местах своих, входят в сделку с господствующими партиями и принуждены исполнять их волю, вопреки истинным интересам государства. И так выходит, что государством правят эти партии; в их духе и по их указаниям назначаются местные администраторы, при содействии коих производится фальшивая игра в выборы, которые суть не что иное, как ложь, и так фальшивыми представителями народа поддерживается фальшивое парламентское большинство и фальшивое направление целого правительства.

Нельзя себе представить, сколько проистекает отсюда лжи и беззакония, и какое распространяется хищение и взяточничество. Члены парламента, имея министров в своем распоряжении, торгуют и местами, и казенными сделками и подрядами. Это явление — обычное, более или менее всюду где водворилось парламентское правительство.

Недавно в *Revue de deux Mondes* (I Fevr.) была прекрасно написанная статья: *La Republique en 1883*, где изображено, до чего дошла эта парламентская продажность и эта ложь выборов во Франции. Об Австрии говорил мне Добрянский, близко знающий там и людей и партии:

“У Вас в России ныне то и дело слышно о растратах и хищениях. Но все эти ваши явления, как они ни развратны, бледнеют перед тем, что происходит у нас в Австрии, и обратилось уже в систему, благодаря парламентскому правлению”.

Теперь вся парламентская сила — в руках у мадьяр и у поляков. Мадьяры — полные хозяева у себя и давят без пощады и без совести всякую иную народность, а система выборов так хитро ими же и поляками устроена, что никакая другая славянская народность не может иметь в палате сильного голоса. Поляки устроились так, что в польских провинциях, даже там где, как в Галиции, народ весь чисто русский, вся администрация и всякая власть в руках у поляков.

Когда суд отделен от государства (на наше горе успели сделать это и у нас в России), — и суд становится орудием господствующей партии или известных политических тенденций. Поляки, в неразрывном союзе с католической церковью, с ксендзами и иезуитами, предприняли задавить и ополячить и окатоличить русское племя. Располагая силою в парламенте, они задумали целый ряд законов к подавлению русской народности: изменение календаря, замену русского алфавита латинским, изгнание русского языка из русской школы, замену русского духовенства латинским, передачу иезуитам русских монастырей и духовных школ; дошло до того, что полиция снимает русские шестиконечные кресты с церквей и заменяет их латинскими. В последние годы завязалась ожесточенная борьба русского народа и духовенства — с латино-польскою властью и пропагандой. Народ без вождей теряется, и вот, поляки задумали задавить процессом главных вождей — Добрянского и Наумовича. У поляков в руках и прокуратура — страшное орудие политической тенденции, и суд. Они возбудили обвинение, засадили обвиненных в тюрьму — правительство из Вены принуждено было смотреть сложа руки на все это беззаконие. Следствие не раскрыло ничего кроме самых обыкновенных и ничтожных фактов, которые обвинительный акт построил — в доказательство государственной измены. Довольно сказать, что одним из доказательств измены приведено было мое мнимое (никогда его не было) ходатайство о принятии будто бы дочери Добрянского на воспитание в петербургский институт и выписка мною самой невинной галицкой газеты через посредство одного из обвиняемых. Казалась

смешною всякая мысль о возможности обвинительного приговора; но поляки решили, и когда дело дошло до суда, прокурор — поляк отвел всех русских присяжных, — остались одни поляки с примесью жидов. Обвинение было — несомненное.

И вот что значит суд в конституционном государстве! За несколько дней до приговора жена Добрянского пришла сказать ему, что нет иного средства к оправданию, как подкуп присяжных. А у Добрянского никаких средств уже не было. Значительное его имение в Венгрии совсем разорено и бесплодно, потому что венгерские власти запретили кому бы то ни было входить в сделки и в хозяйственные операции по его имени. С трудом жена его успела занять 20.000 гульденов, и на эти деньги были подкуплены 6 присяжных. Вот благодаря чему единственно состоялся оправдательный приговор!

Вот — плоды конституционного правления! Ныне оно уже дискредитировано всюду, но всюду ложь эта въелась, и народы не в силах от нее освободиться и идут навстречу роковой судьбе своей. Особливо для юных славянских государств — это первая и самая ужасная язва, разъедающая ложью и раздором весь состав общества, посеяющая разлад и взаимное непонимание и отчуждение между народом и правительством. Доказательства налицо — в Румынии, в Сербии, в несчастной Болгарии, которой, к стыду нашему, мы своими руками привили эту язву, — и конституцию, и суд, отделенный от государственной власти!

Как же безумны, как же ослеплены были те quasi-государственные русские люди, которые задумали обновить будто бы Россию и вывезть правительство из смуты и крамолы посредством обсуждения неведомо чего расписанные им представители народов и инородцев империи, объемлющей вселенную, наполненной пустынями, империи, в коей иной приход Якутской области (1100 верст длиной) или уезд сибирский может вместить пространство целой Франции. Кому была бы от этого радость и победа, так это полякам, которые, несомненно, стоят, скрытые, в центре всякого так называемого конституционного движения в России. Тут было бы для них вольное поле деятельности, вольная игра — и гибель России.

Простите, Ваше Величество, что утруждаю Вас чтением этого длинного писания. Это — самая страшная опасность, которую я предвижу, для моего отечества и для Вашего Величества лично. Доколе жив, не оставлю этой веры, не перестану твердить то же самое и предупреждать об опасности. Болит моя душа, когда вижу и слышу, что люди, власть имущие, но, видно, не имущие русского разума и русского сердца, шепчутся еще о конституции. Пусть они иногда подозрительно

на меня озираются, как на заведомого противника этой роковой фантазии. Я жив еще и не затворяю уст своих; но когда придется мне умирать, я умру с утешением, если умру с уверенностью, что Ваше Величество стоите твердо на страже истины и не опустите того знамени единой власти, в котором единственный залог правды для России. Вот где правда, а там — ложь, чужая, роковая ложь для судеб России.

Константин Победоносцев

*Петербург,
11 марта 1883*

14

Гродненской губернии в Волковысском уезде есть местечко Свислочь, издавна известное как один из центров польской культуры, бывшее некогда для всего Полесья тем, чем Вильна для Литвы. Прежде русское, место это совсем ополячено в XVIII столетии графом Тышкевичем, его владельцем. Оттого и теперь там жители, хотя большею частью православные, значительно ополячены и грамотность между ними польская.

В 1881 году назначен туда дельный священник Янушкевич, усердно принявшийся за дело возвращения местного населения к русской церковности и грамотности. Главным к тому средством он избрал учреждение школы для девочек, так как через женщину распространяется преимущественно культура, а теперь там почти ни одна женщина не читает по-русски.

После долгих хлопот ему удалось согласить приход к открытию школы и получить от учебного ведомства денежное пособие. В январе 1882 года училище открыто и туда ходит до 40 девочек. Священник весьма разумно принялся за дело, и нужно поддержать его, что мы и стараемся по возможности делать.

Могущественным средством для поднятия этой школы и для привлечения к ней народа было бы проявление Высочайшего к ней внимания.

Посему я осмеливаюсь просить Ваше Императорское Величество, не благоугодно ли будет в знак внимания Вашего и одобрения пожаловать Свислочской школе лично от Вас икону Божией Матери. Этот дар произвел бы на месте самое благодетельное действие и других усердных людей возбудил бы к подражанию.

А если бы притом Ваше Величество изволили пожаловать рублей 200 денег на приобретение хороших русских книг для школьной и

приходской библиотеки, это послужило бы вдвойне к оживлению доброго начинания.

Константин Победоносцев

*Петербург,
28 марта 1883*

15

Не устаю просить у Вашего Императорского Величества.

В настоящую минуту при св. синоде разрабатывается вопрос об устройстве церковноприходских школ,— вопрос первостепенной важности для государства. Народ у нас пропадает, раскол и секты держатся от невежества: люди вырастают, не получая первых, самых основных, понятий о Боге, о церкви, о заповедях. Этому невежеству не поможет ученье, криво устроенное, не приспособленное к жизни,— оно может еще более развратить простого человека, отрывая его от жизни и действительности.

Для блага народного необходимо, чтобы повсюду, поблизости от него и именно около приходской церкви, была первоначальная школа грамотности, в неразрывной связи с учением Закона Божия и церковного пения, облагораживающего всякую простую душу. Православный русский человек мечтает о том времени, когда вся Россия по приходам покроется сетью таких школ, когда каждый приход будет считать такую школу своею и заботиться об ней посредством приходского попечительства и повсюду образуются при церквях хоры церковного пения.

Ныне все разумные люди сознают, что именно такая школа, а не иная должна быть в России главным и всеобщим средством для начального народного обучения. В этом смысле наша комиссия получает заявления отовсюду, от самых дельных представителей земства, и от духовенства, которое заметно оживилось, прослышав, что его не оставляют в забвении, но полагаются на его деятельность. Без сельского священника обойтись невозможно и, кроме его, не за кого взяться в этом великом деле посреди пустынных пространств, в коих раскинуты наши приходы. Мы надеемся, что вскоре повсюду проявится епархиальное движение в этом смысле. Между тем первый опыт сделан в могилевской епархии новым, прибывшим туда, архиереем Виталием, который имел возможность перед отъездом туда ознакомиться здесь, в Петербурге, с нашими предположениями.

Обратившись к духовенству своей епархии, он устроил в Могилеве (или, правильнее сказать, восстановил древнее, существо-

вавшее с 1602 года) Богоявленское братство именно с целью заводить по возможности при всех приходах народные школы и заботиться о поддержании их.

Это первое начинание необходимо ободрить; думаю, что достойно и праведно ободрить его высочайшим вниманием, которое, несомненно, вызовет подражание и в других местах.

Не благоугодно ли будет Вашему Императорскому Величеству позволить выразить внимание Ваше к этому учреждению каким-либо денежным даром, например, в 1.000 рублей.

Когда это станет известно, многие будут этим утешены, и найдутся, без сомнения, и другие благотворители.

Константин Победоносцев

*Петербург,
28 марта 1883*

16

Всем сердцем радуюсь, что настал, наконец, ожидаемый день и въезд Вашего Величества в Кремль благополучно совершился. Со слезами смотрели русские люди и молились горячо за Вас. Теперь да благословит Бог перейти остальные дни до священного коронования в тишине и уединении, в виду Москвы, в зелени цветущего Нескучного сада!

Вчерашнее письмо отослано мною кн. Мещерскому немедленно. Я обрадован был запискою Вашего Величества, ибо и сам желал просить разрешения явиться к Вам еще прежде коронации. Буду ждать указаний дня и часа от Вашего Величества.

Константин Победоносцев

*10 мая 1883
Дом синодальной типографии*

17

Возвращая при сем всеподданнейшее прошение г-жи Жадовской, смею доложить, что, по мнению моему, просьба ее к Вашему Величеству никак не может быть удовлетворена.

Она пишет, что была замужем, но разведена, причем вина (вероятно, прелюбодеяние) принята ею на себя; она обвинена и осуждена церковным судом на безбрачие. Стало быть, теперь, если б она захотела выйти замуж, новый брак ее не может быть повенчан.

Теперь, по словам ее, она вступила в связь, прижила ребенка и просит снять с нее запрет, наложенный решением синода, и позволить ей вступить в брак.

Таких просьб поступает немало на имя Вашего Величества, и по всем этим просьбам объявляется согласно данному еще при покойном Государе Высочайшему повелению, что они не могут быть удовлетворены.

И действительно, если бы верховная власть взяла на себя снимать запреты, налагаемые церковным судом по закону церковному, от этого произошли бы крайние затруднения и немалый соблазн. Брак у нас — таинство, и совершается не иначе, как в церковной форме. Священник, по долгу звания, подчиняется в делах церковной дисциплины и обряда исключительно церковной власти. Итак, если церковная власть запрещает ему совершение брака, как незаконное, а власть гражданская предписывает совершить этот брак, то есть совершить таинство там, где оно не допускается церковной властью, совесть священника ставится в положение невозможное. Вот почему и у нас верховная власть никогда не вмешивалась в дела сего рода. При покойном Государе бывали злоупотребления его именем; однажды в Ялте исправник Зефиropуло, пользуясь своим положением, приказал именем Государя священнику совершить незаконный брак, но покойный Государь, когда я докладывал ему об этом деле, изволил сказать мне, что он никогда не давал подобных приказаний. Особливо при нынешней легкости вступления в брак и разлучения супругов такие Высочайшие повеления могли бы послужить к усилению распущенности. Ныне люди, легкомысленно женившись, вскоре, при малейшем несогласии, думают о разводе и устраивают его так, что которая-нибудь из сторон берет на себя вину прелюбодеяния, в надежде, что потом можно будет попросить о снятии запрета на вступление в новый брак. Бывают случаи, что после нового брака супруги вскоре же задумывают новый развод. Итак, если б можно было иметь людям надежду на снятие церковного запрета посредством монаршей милости, от этого еще более пострадала бы строгость и прочность брачного союза.

Вот почему верховная власть всегда избегала прямых разрешений на совершение брака. Но в некоторых случаях покойный Государь принимал просьбы о прекращении дел о незаконности брака, уже совершенного. Здесь нет прямого вмешательства в церковную юрисдикцию. Брак совершен священником, хотя и вопреки церковному запрещению; супруги живут вместе и прижили детей. Начинается дело о незаконности брака, большею частью по доносу. В таких случаях объявляется иногда Высочайшее повеление: приостановить в консис-

тории производство о незаконности брака. Таким образом брак остается фактически, как он был первоначально записан, то есть в виде законного.

Такие Высочайшие повеления объявлялись неоднократно и от имени Вашего Величества, по моему докладу. Вот единственное возможное средство в подобных случаях. Пусть г-жа Жадовская ищет, как ей угодно, помимо участия верховной власти, способа обвенчаться; затем может и не возникнуть вовсе вопрос о незаконности этого брака, а если возникнет, тогда уже может она обратиться к монаршему милосердию.

Долгом почитаю присовокупить, что дела этого рода, т. е. брачные, равно как и дела об узаконении незаконных детей, всегда требуют особой осторожности, ибо здесь не все зависит от сознания невинности супругов или детей и от сострадания к несчастным и невинным. С вопросами этого рода часто связаны права законные третьих лиц,— родственников, других детей того же лица, наконец, честь другого, законного семейства, и нередко — неприкосновенность прав наследственных.

Если б Вашему Величеству угодно было согласиться с вышеизложенными соображениями и по этому делу, то не благоволите ли приказать объявить просительнице, как объявляется многим другим, что ее ходатайство о разрешении ей вступить в брак вопреки запрещению, наложенному св. синодом, не подлежит удовлетворению.

Константин Победоносцев

23 мая 1883

18

Долгом почитаю доложить Вашему Императорскому Величеству о нижеследующем:

1. Мне известно, что здесь, в Историческом музее, основанном под покровительством Вашим, с нетерпением ожидают, не угодно ли будет Вам посетить его. Граф Уваров расположил для обозрения предметы древности, весьма интересные и приведенные им в порядок. Знают все, до какой степени занято все время Вашего Императорского Величества: но люди, посвятившие свой труд этому предмету, были бы огорчены, если б не довелось Вам хотя на полчаса приехать посмотреть, что они сделали, и дать им ободрение на будущее время.

2. Сегодня я слышал, что Ваше Величество изволите переехать нынешним вечером в Петровский дворец и уже не вернетесь в Москву,

но прямо поедете на Николаевскую дорогу, и притом не 29-го, как было объявлено в расписании, а завтра же, т. е. 28-го числа вечером.

Народ, которому не объявлено об этом изменении, будет очень смущен и огорчен, когда узнает утром 29 числа, что царя нет уже в Москве.

Если к моей должности принадлежало попечение об этом предмете, мне казалось бы всего проще и всего лучше: Вашему Величеству, после всех празднеств, отдохнуть день или два в совершенном спокойствии, в виду Москвы, в Нескучном, и потом прямо оттуда по Калужской улице, через Кремль и Мясницкую ехать на станцию Николаевской дороги. Это было бы радостное и спокойное прощание с Москвою и народом.

Но я не смею настаивать на этом предмете, ибо лица, до коих он прямо относится, могут видеть особливые причины действовать так, а не иначе.

Во всяком случае однако осмеливаюсь доложить, что если Вашему Величеству благоугодно выехать сегодня из Москвы окончательно, то не изволите ли на пути в Петровский дворец остановиться у Иверской часовни и зайти туда. Это и для народа может послужить некоторым знаком прощания с Москвою.

Константин Победоносцев

27 мая 1883

19

Смею обратить внимание Вашего Императорского Величества на прилагаемое письмо Рачинского. Это один из бесчисленных воплей, раздающихся теперь повсюду, изо всех концов России. Во время коронации особенно слышался этот всенародный зов к правительству об исцелении этой ужасной язвы, разъедающей народ,— об освобождении от кабака, перед всеильною властью коего бессилен народ, бесплодны и отдельные усилия лиц, вступающих в борьбу с кабаком и кабачками.

Рачинскому, живущему безвыездно в деревне, посреди народа, виднее чем кому-либо все это зло. Он успел сделать у себя многое, привлекая и детей, и отцов крестьян, и местное духовенство к союзу трезвости: но все эти усилия разбиваются о кабачную силу.

Кабак есть главный у нас источник преступлений и всякого разврата умственного и нравственного,— и действие его невообразимо ужасно в темной крестьянской и рабочей среде, где ничего нельзя противопоставить его влиянию, где жизнь пуста и господствуют одни

13

материальные интересы насущного хлеба. Кабак высасывает из народа все здоровые соки и распространяет повсюду голое нищенство и болезнь. Необъятная Россия состоит из пустынь, но нет такой пустыни, нет глухого уголка, где бы не завелись во множестве кабаки и не играли бы первенствующей роли в народной жизни. И чем дальше, тем хуже.

Уничтожение кабака есть решительно первая потребность, есть необходимая мера для спасения России. Борьба внешними мерами против нигилизма не будет иметь успеха, покуда стоит в нынешней силе кабак, и Рачинский говорит совершенно справедливо, что кабаки — главный проводник нигилистических теорий в народ, то есть постепенное развращение той единственной здоровой среды, в коей хранятся зиждущие инстинкты и зиждительные начала народной и государственной жизни.

Это первая потребность. Наряду с нею другая. Чтобы спасти и поднять народ, необходимо дать ему школу, которая просвещала бы и воспитывала бы его в истинном духе, в простоте мысли, не отрывая его от той среды, где совершается жизнь его и деятельность. Об этом великом деле я не перестаю думать, в согласии с И. Д. Деляновым. В эту минуту окончено уже составление положения о церковноприходских школах. Но когда оно станет приводиться в действие, необходимо будет обратиться за помощью к госуд. казначейству. Бог знает, будет ли успех в этом ходатайстве, но деньги, сюда положенные, конечно, будут много плодотворнее тех миллионов, которые назначаются на многие ученые учреждения.

Нельзя достаточно оценить всю громадную важность этого предмета, и он достоин усиленного внимания Вашего Величества. Здесь, можно сказать, самые ключи будущего благосостояния России. Вот почему обращаюсь к Вашему Величеству с усерднейшею просьбой. Знаю, как дорого время Ваше, но, если осуществится мысль о поездке Вашей в Данию, благоволите взять с собою прилагаемую книжку (которая, если не ошибаюсь, была уже раз мною представлена) и прочтите ее. Я уверен, что, начав читать, Вы не оторветесь от нее до конца,— так она живо написана, так дышит действительною истиной и касается такого важного для России предмета. Я велел напечатать ее в большом количестве и распространяю повсюду, для возбуждения людей к доброй деятельности.

Вот первые, главные народные потребности настоящей минуты. А наряду с ними другие, столь же существенные и которые тоже не ждут. В связи с кабаком — местное крестьянское управление или самоуправление до того расстроено, что повсюду иссякает правда. Власти, разумно действующей, нет, слабые не находят защиты от

сильных, а силу захватили в свои руки местные капиталисты, то есть деревенские кулаки-крестьяне и купцы, кабатчики и сельские чиновники, то есть невежественные и развратные волостные писаря. Необходимо водворить здесь порядок, но боюсь, что едва ли водворят его проекты, сочиняемые в Кахановской комиссии.

Наконец, суд — такое великое и страшное дело — суд, первое орудие государственной власти, ложно поставленный учреждениями, ложно направленными,— суд в расстройстве и бессилии. Вместо упрощения он усложнился и скоро уже станет недоступен никому, кроме богатых и искусных в казуистической формалистике.

Но уже пора мне и кончить. Прошу извинения за то, что утруждаю Ваше Величество, но дело так важно, что я не утерпел написать несколько слов по поводу письма Рачинского, которое вновь возбудило мысль мою и заботу.

Константин Победоносцев

*Ораниенбаум.
30 июля 1883*

20

В предупреждение неверных слухов, которые могли бы дойти до Вашего Императорского Величества, спешу доложить о том, что происходило сегодня в заседании комитета министров.

Докладывалось в присутствии великого кн. Михаила Николаевича дело, им первоначально возбужденное, об учреждении в Тифлисе правительством и на счет "государствен. казначейства закрытого училища для женщин мусульманок. Дело это было внесено в комитет по Высочайшему повелению, вследствие разногласия у И. Д. Делянова с кн. Дондуковым и великим князем.

Я принужден был по совести, согласно с Деляновым, возражать против предположенного учреждения. Самая задача его, по мнению моему, поставлена неверно, и правительство поставило бы себя по этому учреждению в ложное положение, обязываясь на казенный счет воспитывать мусульманок в духе мусульманской религии и наблюдать за исполнением ими мусульманских обрядов. Уверяли, что некоторые из знатных мусульман в Тифлисе желают дать своим дочерям европейское образование; и если б они сами составили план и захотели устроить заведение на свой счет, с надзором только от правительства,— можно было бы только радоваться. Но когда само правительство русское берет на себя это дело и роль, так сказать, блюстителя за воспитанием в строго мусульманском законе,— положение становится

фальшивым. Русская начальница, по указаниям шейх-уль-ислама и муфтия, заседающих в попечительном совете, должна наблюдать, чтоб девиц учили догматам о многоженстве и о магометовом рае. Это положение невозможное. Вот что старался я доказать, и затем, согласно с министром финансов, утверждал, что странно на такое дело расходовать из казны 40 т. р., когда казна должна отказывать за неимением средств в удовлетворении самых существенных и неотложных нужд коренного русского населения, когда в 17 епархиях духовенство нищенствует и остается без жалованья, когда нет денег на школы грамотности для крестьян. Затем я указал, что на самом Кавказе есть вопиющие нужды, на которые нет денег. Грузины невежественны, духовенство живет в невежестве и нищенстве, и не на что обучать его. Я указал, что в Озургетах в духовном училище 700 грузинских детей живут, как звери в саклях без окон, ходят полунагие зимою и готовят уроки при свете костров, у коих греются: денег нет, чтоб устроить для них помещение. Я помянул, что прежде хоть общество распространения православия за Кавказом расходовало 63.000 руб. на пособие причтам; но теперь оно впало в несостоятельность и ничего не дает.

Тут прервал меня великий князь: мне в голову не пришло, что это общество, во время управления его расстроившее дела свои, составляет чувствительную струну его. Он встал с места и объявил Рейтерну, что не может оставаться, так как сказанное мною составляет критику на его администрацию.

Рейтерн стал успокаивать его, и он опять сел, а я изъявил свое удивление, в чем его Высочеству угодно было усмотреть критику его администрации, до коей я ни единым словом не касался, а хотел только показать, какие есть на Кавказе нужды, несравненно серьезнее и основательнее, чем учреждение мусульманского женского училища на счет государственный.

Дело кончилось благополучно. Почти все присутствовавшие в комитете выразили мнение в том смысле, что учреждение такого заведения на средства казны нежелательно; а если некоторые тифлиские мусульмане желают такого заведения, то подобно тому, как бывает при учреждении гимназий, само общество может собрать для сего средства; впоследствии же правительство может дать со своей стороны пособие такому учреждению.

Таким образом, дело кончилось благополучно и без разногласий; но о вышеприведенном эпизоде долгом почитаю доложить Вашему Императорскому Величеству, так как он до меня касается и может дойти до сведения Вашего в неточном виде.

Константин Победоносцев

*Петербург.
4 октября 1883*

21

Примите, Ваше Императорское Величество, сердечное мое поздравление на пороге нового 1884 года. Да будет над Вами и надо всем домом Вашим в наступающем году благословение Божие и Божия милость!

Вот в третий раз в течение Вашего царствования приходится Вам вступать в новый год и переносить через порог тяжкое бремя власти над целым миром вверенных Вашему правлению в самую трудную для правления эпоху. Народ сердцем чувствует, как трудно Вам, и молится за Вас горячо всюду. Промысел Божий, возложив на Вас это бремя, указал Вам и судьбу, которая вся в руках Божиих, соединенная неразрывно с судьбами народа, который держится в течение веков только верою в Бога и надеждой на Государя. Если может что ободрить и укрепить Вас,— так это вера в промысел Божий и в молитву народную.

Молю Бога, да сохранит Вам тихую радость в доме и в семье, и да пошлет Вам счастье — находить людей разумных, верных, крепких мыслью и волей, горящих сердцем, твердых в слове, прямых и правых, а не двоедушных и своекорыстных слуг.

Боже, благослови наступающее новое лето для Вас и для России!

Константин Победоносцев

31 декабря 1883

1884 ГОД

22

Из письма Вашего Величества вижу, что Вам желательно несколько оттенить нынешний ответ кн. Долгорукову.

И мне кажется, что есть к этому основание. В адресе кн. Долгорукова есть нота, которую желательно покрыть другою нотой. Тут сказано: вот-де недавно дворянство заявило свою готовность верно служить престолу. А вот сегодня я безмерно рад, что могу выразить подобное заявление от всех прочих сословий.

Тут звучит что-то неладное: как будто можно было опасаться, что прочие сословия питают какое-то иное чувство или не желают то же самое выразить. И вот, слава Богу, тягота спадает — и другие выражают то же.

Вот неудобство — оттенять то или другое сословие в смысле какого-то преимущественного права на преданность престолу и отечеству. В этом все равны, но положение каждого сословия не одинаковое. Дворянство, действительно, имеет особую постановку, как сословие издревле служилое и потому имеющее особливую сословную честь. Вот почему, хотя ни от кого нельзя ожидать совершенства и безусловной добродетели, дворянство, по историческому своему положению, более чем всякое иное сословие, привыкло, с одной стороны, служить, а, с другой стороны, — начальствовать. Вот почему дворянин помещик всегда благонадежнее, нежели купец помещик и в народе будет иметь больше доверия, а о купце знают, что он прежде всего имеет в виду свой барыш в хозяйстве. Вот почему в настоящем нашем положении в высшей степени важно, чтобы дворяне землевладельцы стремились как можно более жить в своих имениях внутри России, а не скоплялись в столицах. В этом смысле дворянству принадлежит, действительно, передовая роль, но непременно в связи с тою обязанностью, которую наложила на него история. Но из этого никак не следует, что дворянство, сравнительно с другими сословиями, отличается особливим свойством преданности царю и отечеству. Примеров противоположных немало в каждом сословии, и мы видим, сколько было дворян изменников в смутную пору в России.

В этих мыслях изготовлен мною ответ кн. Долгорукову, который поспеваю представить на благоусмотрение Вашего Величества.

Константин Победоносцев

26 февраля 1884, 6 ч. вечера

23

Простите, Ваше Императорское Величество, что являюсь беспокоить Вас. Но дело идет о таком важном интересе и о такой серьезной опасности для России, что я не могу удержаться. Благоволите прочесть прилагаемые заметки по несчастному делу об элеваторах, в коем мнение большинства превышает мое разумение. Или я совсем потерял разум, или решение большинства, если оно осуществится, будет пагубно для России и возбудит справедливый ропот в самых важных слоях населения, — ропот о том, что важнейшая отрасль нашей промышленности, хлебная торговля, продана в руки американцам. Вот почему дело это я считаю чрезвычайно важным и осмеливаюсь представить свои соображения на благоусмотрение Вашего Величества.

Журнал заседания вчера готов был и сегодня подписан.

Константин Победоносцев

Петербург.

27 февраля 1884

24

Несколько лиц, под видом учредителей, обратились к правительству с просьбой о разрешении учредить в Америке общество для устройства в России элеваторов, с правом устраивать склады и принимать хлеб в залог под закладные листы, или варранты.

К сожалению, в числе сих просителей на первом месте русские имена: ген.-лейт. Дурново и кн. Демидов. За ними стоят настоящие заводчики дела: разорившийся герцог де Морни и двое, называющие себя американцами, никому не известные факторы Мартин и Фишер. Очевидно, что у всех этих лиц, и всего менее у Дурново и Демидова (не умеющих управлять своим хозяйством), нет серьезной цели предпринять и вести дело элеваторов.

Цель у них явная: получив от правительства концессию, продать ее, конечно, за дорогую цену в Америке, где, без сомнения, найдутся на

нее покупатели. Да и теперь, по всей вероятности, уже обещана им значительная цена.

Между тем осуществление этого плана, искусно придуманного и обещающего выгоду некоторым его изобретателям, грозит серьезною опасностью главнейшей народной промышленности и может впоследствии возбудить серьезные затруднения для русского правительства, поставив его в обязательные отношения к Северо-Американскому государству.

Одно уже удивительно и очень странно.

До сих пор права и привилегии всякого рода предоставлялись только известному лицу или известному образовавшемуся обществу. В настоящем случае никакого общества еще нет, и нет в виду никакого устава этого общества. Оно только еще предполагается к учреждению и должно быть учреждено в Америке и состоять будет, по тамошнему закону, исключительно из американских граждан и управляться законами и интересами американскими. Стало быть, ныне идет речь о предоставлении прав чему-то неизвестному, еще не существующему. Теперь русское правительство, не видя устава, должно заранее наложить на себя обязательства относительно иностранного учреждения, имеющего действовать в России. И, стало быть, когда это учреждение образуется и издаст свой устав, русское правительство обязано будет подчиниться ему, что бы в нем ни было написано.

И все это для того, чтобы как можно скорее, теперь же утвердить план и предположения учредителей, которые сами, по всей вероятности, никогда не будут членами общества, а если и будут, то не получают в нем голоса, так как они не американские граждане.

Кроме того, по мысли учредителей, предполагается предоставить будущему обществу право выдавать варранты, или закладные листы на хлеб, тогда как в нашем законе нет еще никакого постановления о варрантах. Основанием к такому решению учредители выставляют удовлетворение существующей будто бы у нас настоятельной потребности в учреждении элеваторов и доказывают, что наша хлебная торговля от того оживится, и что ничто не помешает будто бы русским капиталистам устраивать свои элеваторы и входить в конкуренцию с американским обществом.

Что элеваторы для нас нужны, в этом никто не сомневается. Но что наш хлебный вывоз остановился, это зависит совсем не от отсутствия элеваторов, а от того, что хлебным рынком иностранным завладела Америка, удешевив при помощи своих капиталов и промышленности до последней степени и производство хлеба, и подвоз его, и фрахт. Очевидно, для нас обстоятельства нисколько не изменятся

от того, что у нас устроены будут элеваторы, да притом еще теми же американцами. Что касается до конкуренции, то как она возможна будет русскому капиталисту противу американской компании, когда она раз уже утвердится на месте.

Впрочем, об одних элеваторах учредители не стали бы и хлопотать. Важно то, что они себе спрашивают вместе с элеваторами и под предлогом устройства элеваторов.

Они спрашивают себе право устраивать вместе с тем хлебные склады и принимать в них хлеб на хранение с выдачею так назыв. варрантов, или закладных листов. Здесь-то в этом пункте и кроется главная опасность.

Как скоро элеваторы и склады устроятся, в руках у компании будет страшная монополия, к которой волею-неволей должна будет пойти в кабалу вся русская хлебная торговля.

Очевидно, что американцы, ныне владеющие хлебным рынком в Европе и состоящие в прямых отношениях со всеми крупными агентами всех хлебных рынков, захватят в свои руки все,— и мимо этого пути сбыта хлеба через компанию все другие пути или заглохнут, или будут крайне затруднены. Средства для погрузки хлеба, а может быть, и для фрахтования грузов все попадут в руки компании. Хлебные цены тоже будут исключительно в ее руках. Стало быть, кто привезет хлеб, тому некуда будет сбывать его, кроме компании. Мало того: если цена станет невыгодная, складывать хлеб останется возможным лишь в складах той же компании. Учредители позаботились заранее определить такие условия сроков и тарифа за хранение, что складчики попадутся в эту сеть, как в ловушку, и многие принуждены будут на срок или отдать сложенный хлеб компании за что придется, или оставлять его вовсе. Легко представить себе, в какие тиски попадет тогда наша хлебная торговля.

Мало того. Иностранная компания получает право приобретать земли и арендовать их в портах. Мы, кажется, достаточно уже испытали, какие последствия происходят от того, что иностранцы допущены у нас к свободному приобретению недвижимых имуществ. Масса иностранных имуществ в России — это великое зло, грозящее бедою и в международных отношениях. Отдельный иностранец всегда состоит у нас в привилегированном положении, ибо он состоит под двойною охраной — и под охраною русского закона, и, что главное, под охраною своего консула и посланника. Во сколько же раз эта привилегия будет сильнее относительно большой, многокапитальной и притом американской компании. Сколько предстоять будет затруднений и нашему правительству, особливо по отношению к правительству

Соединенных Штатов, где, как всем известно, все ныне основано на денежном интересе и подкупе, где народные представители в конгрессе служат прежде всего представителями частных и торговых интересов, и где промышленные компании составляют едва ли не господствующую силу в государстве? Притом еще замечу, что ничем не ограничено право предполагаемой американской компании для всех ее предприятий в России ввозить сюда и рабочих, всех своих агентов и деятелей из Америки: отсюда еще новое зло, коего последствия предвидеть невозможно.

Не буду входить в нравственную оценку тех из учредителей, кои носят русские имена и сами богатые люди. Бог им судья. Но как не подивиться, что в эту ловушку, расставленную учредителями под предлогом пользы для России, попались 38 голосов в составе Государственного Совета!

Меньшинство состоит из 8 голосов. В числе их 9-м был бы военный министр, но он случайно должен был выйти из собрания в то время, когда слушалось дело.

Но и большинство не согласно между собою. Оно тоже разбилося на 2 мнения по вопросу о привилегиях, коих испрашивают учредители.

Меньшинство полагает вовсе отклонить предложение учредителей, как несоответственное с важнейшими интересами русской промышленности. Во всяком случае, если б и допустить обсуждение сего дела, то никак не теперь, когда приходится судить, не имея всех данных и не видя ничего ясно. Речь о предоставлении каких-либо прав американской компании в деле, так тесно связанном с важнейшими интересами России, может быть во всяком случае не прежде, как тогда, когда образуется в Америке эта компания и представлен будет законно утвержденный устав ее.

(Без даты)

25

Я уже имел честь докладывать Вашему Императорскому Величеству о возникшем с прошлого года движении эстов к православной церкви. Движение это до сих пор продолжается при усиливающемся противодействии местных пасторов и помещиков, составляющих администрацию. В виду этого противодействия и всякого рода нареканий на духовенство, я не переставал и не перестаю приглашать местного рижского епископа ко всевозможной осмотрительности и благоразумию в этом деле. Не имею до сих пор причины пожаловаться на недостаток того и другого.

Между тем были у меня с объяснениями по этому делу ревельский супер-интендант Шульц и предводитель дворянства бар. Врангель. Я удостоверил того и другого, что отдельные присоединения происходят не внезапно, а с должною осмотрительностью, и что из этого дела всячески устраняются всякие сторонние побуждения; напротив того, внушается крестьянам, что они не должны рассчитывать ни на какие материальные льготы и преимущества.

Однако они продолжают волноваться и хлопотать здесь, чтобы всякое дальнейшее движение было остановлено мерами правительства, хотя я старался уверить их (в чем уверен сам), что чем спокойнее будут они относиться к этому движению, тем скорее оно успокоится.

Супер-интендант Шульц возбудил уже в министерстве внутренних дел формальное ходатайство о восстановлении состоявшегося в 1845 году и потом отмененного Высочайшего повеления о том, чтобы между записью желающих присоединиться и действительным присоединением соблюдался был шестимесячный срок.

По этому ходатайству министерство внутренних дел спрашивало моего отзыва.

Дабы разъяснить вполне это дело и вывести его начистоту, а вместе с тем показать все вредные последствия, бывшие у этого срока, я поручал состоящему при мне дельному чиновнику д. ст. с Крыжаковскому изучить по рассеянным в архивах документам всю историю этого дела.

Окончив эту работу, он составил записку, весьма интересную и основанную на самых точных данных. Записка эта отпечатана в небольшом количестве исключительно для правительственных лиц.

Долгом почитаю представить ее на усмотрение Вашего Величества, на случай, когда Вам благоугодно будет и потребуетя разъяснить себе это дело.

В конце записки, на стр. 65, изложены сведения о том, как совершалось присоединение в прошлом году. Отсюда видно, что ни одно не происходило внезапно, но по испытании присоединявшихся и не ранее во всяком случае двух недель со времени заявления.

Константин Победоносцев

*Петербург.
3 марта 1884*

26

Рассчитывая, что покуда длится путешествие, у Вашего Величества может быть более досуга, нежели в обыкновенное время,

позволяю себе с последним курьером переслать прилагаемые три книжки харьковского журнала “Вера и Разум” и обратить Ваше внимание на помещенные здесь статьи проф. Надлера “О религиозном развитии Императора Александра I”. Статьи хорошо написаны и очень интересны и поучительны. Они содержат в себе печальную повесть о роковых недоразумениях высшего правящего сословия, о народе и его потребностях,— недоразумениях, коими наполнена новая история России с XVIII столетия.

Судя по нашей погоде, думаю, что морская Ваша прогулка должна была удалась вполне. Да хранит Вас Господь до благополучного возвращения!

Константин Победоносцев

*Ораниенбаум.
24 июня 1884*

27

Вот уже третью неделю слушается в комитете министров дело о несовместимости с некоторыми должностями государственной службы участия в управлении делами акционерных обществ и службы в этих обществах.

Дело это представляется мне очень важным по своему нравственному значению и требующим большой осмотрительности в решении.

Не подлежит сомнению, что есть некоторые государственные звания и должности, с коими совсем несовместимо участие в акционерных предприятиях. В последнее время случаи этого рода составляли обыкновенное явление. Члены Госуд. Совета, сенаторы, генерал-адъютанты и пр., состоя членами правления в банках, в железнодорожных, страховых и т. п. обществах, в то же время принимали участие в суждении по делам государственной важности, касавшимся до этих самых предприятий, являлись по оным ходатаями в разных учреждениях и т. под. Смешение в этом деле личных интересов с государственными доходило до бесстыдства.

Двигательною силою в этом было желание обогатиться, нажить большие капиталы без большого труда. Нередко случалось, что люди, неспособные ни к какой практической деятельности, пользуясь только своим положением на службе или при дворе, давали свое имя для участия в самых непрактических и искусственно сформированных предприятиях, для того только, чтобы осуществить своим влиянием и

ходатайством, затем создать фиктивную ценность акций и приобрести себе большой капитал.

Этот соблазн подлежало прекратить непременно относительно больших людей и важных должностей государственных.

Но независимо от этих крайних случаев, в коих имелось в виду обогащение, есть множество случаев совсем иного рода, относящихся до средних и мелких должностей в составе чиновничества. Здесь уже дело идет не об обогащении, а лишь о приобретении средств для домашнего быта посредством внеслужебных занятий. При всеобщей дороговизне жизнь стала трудна повсюду для семейных чиновников. Многие из них, при государственной службе, искали себе посторонних занятий и случаи к тому представлялись в разнообразной деятельности по промышленным предприятиям, по работе в конторах, агентствах, правлениях и т. под. Отрезать всем этим людям пути к пополнению домашнего их бюджета дополнительным частным трудом без ущерба для службы было бы и несправедливо, и, вместе с тем, не только не полезно, но и очень вредно для государственной службы. Невозможно забывать, что у нас всякий человек, получивший где-нибудь образование, стремится к государственной службе, число чиновников умножилось до крайности при образовании новых учреждений, и повсюду ощущается крайний недостаток в способных чиновниках. Наиболее способные и деятельные из них находятся именно в средних и нижних чинах управлений и канцелярий. Безусловное запрещение для них посторонних занятий заставило бы именно способнейших вовсе оставить службу, и интересы службы от того пострадали бы. Кроме того, несомненно, что для оставшихся на службе это запрещение непременно послужит поводом просить для себя дополнительных вознаграждений, пособий, аренд и т. под., что, в общей массе, падет значительным придатком расхода на госуд. казначейство (и теперь уже некоторые директора департаментов заявляют, вследствие ожидаемого запрещения, необходимость просить об аренде).

Эти мысли я выражал в комитете министров при обсуждении дела. Цель нынешнего закона, конечно, не прекращение злоупотреблений. Напрасно было бы ожидать, что этот закон прекратит их. Главная причина злоупотреблений состоит в том, что не смотрят за делом те, кому смотреть следует. Очевидно, что когда начальник сам не понимает дела или невнимателен и равнодушен, то примет и подпишет все, что ему представляют докладчики и исполнительные лица. И члену высшего государственного учреждения, и чиновнику, в какой бы должности ни был, никакой закон не помешает действовать пристрастно. Хотя бы он официально и не носил на себе звания

директора компании, он может все-таки из личного интереса, и еще тем удобнее под прикрытием, действовать в ее пользу.

Цель закона, по мнению моему, совсем иная: охранить достоинство государственной службы и чувство нравственного приличия, о коем все забыли с того времени, когда в 50-х годах возникло у нас движение акционерных компаний, поднялась биржевая горячка и пошли в ход акции. Перестали уже стыдиться; и лицо, состоящее в должности, большой или малой, считало уже как бы правом своим, никому не сказываясь, ни у кого не спрашиваясь, вступать в службу по компаниям, хлопотать по делам их приватно и открыто, так что у иных на первом плане деятельности стала уже эта служба частному интересу, а служба государственная явилась как бы придатком и орудием для достижения личных целей. Вот это фальшивое понятие и следует уничтожить, напомнив всем забытую основную мысль о долге службы.

Итак, некоторые высшие должности и звания должны быть объявлены безусловно несовместимыми с учредительством и со службою в акционерных правлениях. Что касается до остальных, подчиненных должностей, то должно быть объявлено, что чиновник, состоящий в должности на службе и обязанный ей посвятить свою деятельность, не вправе принимать на себя другие должности и занятия в частных предприятиях, не заявив об этом своему начальству. Начальству представляется рассудить, возможно ли допустить это без ущерба для службы и без нарушения основных правил служебной честности,— и кроме начальства никто рассудить об этом не может. На то и поставлен начальник, а если он плох или сам не честен, то уже дальше и искать нечего.

В комитете министров согласились с основною мыслью этого рассуждения, но подробности редакции затянулись на три недели, за отсутствием некоторых министров (военного и морского) и за некоторыми недоразумениями. Сегодня, наконец, приняли окончательную редакцию.

Но в ней есть одна статья, из-за которой преимущественно я и решился обременять внимание Вашего Величества своим многописанием.

Предложено подвергнуть безусловному запрещению всех состоящих на действительной службе в военных и военно-медицинских чинах сухопутного и морского ведомства. Сюда входит, следовательно, вся армия, в больших и малых чинах, безразлично.

Признаюсь, что для меня очень сомнительна польза такого безусловного запрещения, а напротив того, я весьма опасуюсь неблагоприятных от него последствий. Вредно и безнравственно, что

здесь в столице есть генерал-адъютанты, флигель-адъютанты и пр., пользующиеся своим положением для устройства своей фортуны в разных акционерных и других предприятиях; но если подумать обо всей России и о целой армии,— какая беда для службы от того, что тот или другой поручик или майор состоит деятельным членом того или другого предприятия? Некоторые из них нуждаются и в техниках членах, кои встречаются в среде офицерской. Наконец, сколько есть бедных офицеров, которые, не имея возможности прожить жалованьем, питаются от этих занятий. Не справедливее ли было бы, выделив высшие чины и должности, вообще поставить эту деятельность в зависимость от усмотрения и согласия начальства.

Но тут дело идет еще и не об одной справедливости. Важно, по мнению моему, очень важно, то впечатление, которое произведено будет на всю армию внезапным принятием такой крутой меры.

Вашему Величеству, конечно, не безызвестно, что теперь в военной среде слышится и без того глухой ропот на многие меры и распоряжения высшего военного управления по сокращению штатов и содержаниям, по нововведениям относительно службы и производства и т. под. Говорят уже, что не стоит служить в военной службе, что офицерство стеснено и обрезано, что на полковую службу и в армии, и в гвардии уже не обращается внимания такого, как было прежде, и т. под. Не умею судить, насколько основательны эти жалобы, но то несомненно, что они слышатся отовсюду.

Несомненно, что этот ропот усилится с изданием нового закона, а мне кажется, что не следует пренебрегать этим особенно в нынешнее смутное время брожения умов.

Притом вот что важно. Говорят повсюду, что мысль обо всех этих ограничениях исходит от Вашего Величества. Не сомневаюсь, что от Вас исходит верная и вполне справедливая мысль общая о необходимости поднять достоинство службы и служебных званий; но едва ли все подробности применения возможно признавать исходящими от Вас лично. Между тем, мне известно, что, например, многие из членов комитета министров готовы были заявить свои сомнения относительно благовременности предполагаемого ограничения военных чинов; но их останавливала задняя мысль о том, что на это уже есть неперемнная воля Вашего Величества,— и, кажется, таково мнение самого военного министра.

Смею думать, Ваше Величество, что весьма нежелательно было бы, с изданием нового закона, давать, ход тому мнению или слуху (а он наверное пойдет), будто это безусловное ограничение армии исходит непосредственно от Вашего Величества.

Думается мне поэтому: не благоразумнее ли было бы в настоящее время выделить из общего указа статью о военных и военно-медицинских чинах, и по этой статье предоставить военному министру составить особо свои предположения. По специальности предмета соображения эти могли бы быть внесены на рассмотрение военного совета (имеющего свою законодательную постановку). Тогда, по крайней мере, было бы прямое об этом деле суждение военного совета, в связи с правилами и условиями военной службы,— и дело было бы ясно. А теперь комитет министров, видимо, как бы устранил себя от рассуждений по этому предмету, как бы специально военному.

Константин Победоносцев

*Петербург.
27 ноября 1884*

28

Долгом почитаю представить вниманию Вашего Величества две любопытные записки, составленные профессором здешней духовной академии Троицким, к которому я иногда обращаюсь для исследования возникающих спорных церковных вопросов. Сообщаю потом эти записки и министерству иностранных дел, которое ими пользуется.

Одна из этих записок касается любопытного, все более и более выступающего вопроса об упадке церкви в тех славянских землях, где введена, по западному образцу, конституция. В ней выражены очень верные, по мнению моему, мысли.

С невольным вздохом обращаешься к прошедшему и спрашиваешь: как могла русская государственная власть прийти к роковой, к ложной до ослепления мысли ввести сочиненную по западной мерке конституцию в освобожденной Болгарии? Правда, что это произошло в то время, когда самые фантастические идеи господствовали во внутренней политике нашей; но, казалось бы, во внешней политике одно чувство самосохранения должно было предупредить нас, что мы налагаем сами на себя убийственную руку и разрушаем вековые предания русской национальной политики... Недавно еще я имел по этому предмету разговор с кн. Дондуковым, которого иные считают виновником этого дела. Он с негодованием отвергает это обвинение, уверяя, что его проект был совсем переделан в Петербурге под влиянием гр. Шувалова и при посредстве комиссии, в которой председательствовал добрый, русский по душе, но — увы! — бесхарактерный, гибкий и уступчивый до полного самоуничтожения кн.

Урусов... Это была великая, роковая ошибка — и, Бог знает, возможно ли когда-нибудь исправить ее!

Статьи греческих газет показывают, какой благодарности может ожидать Россия от тех, за кого проливала кровь свою, когда разрушаются прежде соединявшие нас с ними узы единой веры и когда ветер потянул их от Востока к Западу.

Другая записка относится к возникшему недавно вопросу о признании вселенским патриархом новой сербской иерархии. Патриарх (лицо во всяком случае еще сомнительное) ссылается теперь на угрожающую опасность от соединения сербской церкви с карловицкой митрополией. Автор записки доказывает, что это опасность мнимая, и в конце указывает, куда должна стремиться наша политика,— указывает, по мнению моему, верно.

По этому последнему предмету почитаю не лишним доложить Вашему Величеству, что сведения наши о церковных делах Востока и славянства, и сношения с тамошними людьми постоянно умножаются, хотя были прежде очень скудны. Года три тому назад мы отправили одного, очень даровитого и хорошего по душе кандидата духовной академии Пальмова в поездку на Восток и по всем славянским землям для изучения тамошних церковных дел и церковной истории. Он вернулся недавно, объехав и главные центры, и темные углы, и привез массу любопытнейших сведений. Теперь учреждается для него в здешней духовной академии кафедра истории славянских церквей, именно с целью распространения точных сведений об истории и нынешнем положении там церковного дела.

Константин Победоносцев

Петербург. 22 декабря 1884

1885 ГОД

29

Простите, Ваше Величество, что я слишком, может быть, часто утруждаю Ваше внимание своими писаниями. Но что же делать, когда сердце не терпит в таких делах, в коих только у Вашего Величества можно искать крепкой опоры и живого движения к правде.

Печальное яacobштaдтское событие вынуждает обратить зоркое внимание на этот именно угол, который как будто ускользнул совсем от внимания правительства. А между тем, здесь едва ли не самое опасное польское гнездо, какое только есть в России,— и с какою ловкостью оно устроено и укрыто от надзора!

Мне хочется объяснить в кратких словах, почему это произошло. Причины исторические и объясняются нагляднее с помощью карты.

Угол этот составляет из так называемого издревле Зельбургского благочиния, к коему принадлежат вся придвинская часть Фридрихштaдтского уезда и весь уезд Иллуксткий — узкая полоса, на 9/10 своей фигуры примыкающая к Витебской и Ковенской губерниям.

По истории видно, что по обе стороны Двины было тут старинное владение полоцких князей с русским населением, вдававшимся в латышское. Тут велась долго упорная борьба между русскими, немцами, литвой и поляками. К XVI веку произошло разделение. Правый берег остался за Польшей (Лифляндские уезды — Динабургский, Режицкий, Люцинский); левый берег, под именем Зельбургского округа, вошел в Курляндию, состоявшую тоже под протекторатом Польши. Итак, вот с того времени поляки перемешались здесь с немцами в общем интересе (тогда Плятеры, Зиберы и пр., родом немцы, приняв католичество, превратились в поляков).

Население однако было чисто-русское и православное. Самый Яacobштaдт основан в 1670 г. русскими и назван по имени герцога Иакова. Иезуит Палевин в 1582 г., проезжая в Россию, останавливался в Иллуксте и не нашел во всем околотке ни одного дома католического. Но владыки полоцкие, к епархии коих принадлежал край, первые изменили, перешли в унию и стали распространять ее. Появились иезуиты, василианские монахи, и в XVIII столетии обращение в унию совершалось массами,— к концу его все население (кроме Яacobштaдта

со старым его монастырем) было оторвано от православия. Сращения продолжались и по присоединении Курляндии к России (1795 г.), пока не совершилось воссоединение 1839 года.

Любопытно, что здесь, в этом Зельбургском округе, произошло явление, я думаю, беспрецедентное в Европе,— дружное единение немцев с поляками, донныне резко бросающееся в глаза. Немец сошелся с поляком в стремлении изолироваться от всякого русского влияния, и немцы, с своими особливими учреждениями, совсем закрыли от правительства поляка с самою усиленною его пропагандой: все исключительные русские законы, ограничивавшие польскую и латинскую пропаганду, не имели действия в этом крае. Зельбургский округ был впереди всех во время восстания 1863 года и отличался самыми дерзкими предприятиями (нападение на транспорты, сборы для нападения на Динабург, укрывательство важнейших предводителей) и за всем тем, благодаря своему положению, он избежал администрации Муравьева, законов о покупке имений поляками и пр., за черту его не переходило лютеранство, и здесь, во дворах польских помещиков, свободно проживают и действуют “гости из Литвы и Польши”.

Кн. Суворов, послуживший, к сожалению, орудием многих вредных для России предприятий, помог и в этом отношении польской пропаганде.

По присоединении Курляндии все унианские приходы остались в ведении полоцкой униатской епархии. Они оставались за нею и после воссоединения униатов. Эта принадлежность к Полоцку держала аельбургские приходы вместе с прочими воссоединенными на глазах правительства и под общим руководством новоправославной церковной власти.

Понадобилось разрушить и эту гарантию руками кн. Суворова. По представлению его приходы эти присоединены к рижской епархии в 1849 году, следовательно, укрыты от надзора власти, специально призванной к наблюдению за польско-латинскою пропагандой.

И вот с тех пор пропаганда эта действует в этом краю безвозбранно и без всякого контроля. Дошло до того, что в Иллуксте собралось на жительство до 40 ксендзов, возвращенных из Сибири.

Далее не стану обременять внимание Вашего Величества указанием на собранные у меня факты этой пропаганды. Я желал только указать на особое значение и исключительно привилегированное положение этой местности. Осмелюсь только указать еще на одно из неблагоприятных проявлений нашей неосмотрительности и польского влияния в этом крае (на особом листочке).

30 января 1885

30

Доклад, который имею честь представить при сем, есть результат рассуждений, два года длившихся в синоде, и отвечает заявленному со всех сторон желанию благочестивых людей восстанавливать закрытые приходы и восстанавливать богослужение, прекращенное во многих сельских храмах со введением новых штатов 1869 года. К сожалению, сокращение церквей и закрытие старинных приходов, к коим народ привык, последовало именно в такое время, когда, с освобождением крестьян, оказалась настоятельнее прежнего потребность в храмах. А вышло так, что в это самое время кабаки приблизились к народу в самых мелких поселках, а церкви, напротив того, отдалились от него. Итак, во многих местах народ стал отвыкать от церкви, привыкая к кабаку. Немало воспользовался этим и раскол, особливо в глухих местах.

В последнее время со стороны синода делаемы были всевозможные облегчения к открытию закрытых приходов; за всем тем осталось еще их немало.

Нынешнее постановление синода имеет целью ввести постоянные правила к облегчению этого дела и к восстановлению в штате церковном диаконов, о чем давно уже многие приходы ходатайствуют.

Константин Победоносцев

15 февраля 1885

31

Имею честь представить Вашему Императорскому Величеству, во 1-х, экземпляр послания св. синода, изготовленного на 6 апреля; во 2-х, экземпляр изданий к тому же дню славянского благотворительного общества, предназначенных для бесплатной раздачи и уже разосланных в большом количестве (по числу приходов) во все концы России. В этой кипе собраны два жития на русском языке, написанные на премию от славянского общества. Первую премию получила девица Вильяме, года полтора тому назад вышедшая из Екатерининского института; а вторую — тоже девица. Третье житие — краткое, на славянском языке, с присоединением к нему молитвы и наставления, из старинных рукописей. И то, и другое примечательно тем, что содержит в себе предостережение против латинян, которые теперь выдумали

присваивать себе Кирилла и Мефодия из политических целей, отвергнув изобретенную ими кириллицу.

Кроме того, изданы сохранившиеся в древних рукописях службы св. Кириллу и Мефодию.

Вот уже несколько лет продолжается со стороны рижской курии агитация по поводу Кирилла и Мефодия, направленная против православных славян и России. Главным ее деятелем служит епископ дьяковорский Штрамайер, задумавший объединить всех славян австрийских под знаменем католичества и внести ту же пропаганду в среду православных. К 6-му апреля он, при содействии Рима, давно готовит громадную демонстрацию в Велеграде. Эти приготовления заставили и нас озаботиться о торжественном, по возможности, праздновании этого дня в России. Дело успело огласиться повсюду, встречено с большим сочувствием, и теперь во всех городах и во многих селах готовятся празднества на 6 апреля с торжественным богослужением и крестными ходами. Думаю, что это торжество не останется без важных последствий и утвердит в народном сознании (что в особенности важно на окраинах) чувство национальности и понятие о просвещении, связанном с церковью. Действительно, нельзя не признать, что семя всей нашей исторической культуры заложено в азбуке, изобретенной Кириллом и Мефодием, и в книгах, ими переложенных на славянский язык и донныне составляющих драгоценное достояние духа народного в России.

Итак, это торжество можно назвать всероссийским. Вот почему приходит на мысль: не благоугодно ли будет Вашему Величеству почтить его и Вашим присутствием в Исаакиевском соборе, где будет главное торжество, и после литургии, около 12 часов, молебствие. Это было бы, по мнению моему, чрезвычайно важно для народного сознания.

В этот же день, перед литургией, будет происходить в соборе хиротония прибывшего на днях сюда из Цетинье архимандрита Митрофана Бана, поставляемого в митрополита черногорского. Приезд его именно к этому дню последовал весьма кстати. Он еще молодой, бодрого вида, учился в Заре Далматской, родом из Боккади-Каттаро, говорит пока лишь по-черногорски.

После хиротонии Ваше Величество, без сомнения, соизволите принять его во свидетельство добрых отношений наших к черногорскому народу. Между тем, не благоугодно ли будет Вам почтить его пожалованием ему от Вашего имени архиерейского облачения в том роде, как были изготовлены облачения для архиереев на коронацию.

Константин Победоносцев

В последний раз, когда я был в Гатчине, Ваше Величество изволили говорить о проектах памятника в бозе почившему Государю в Кремле, и в особенности о проекте Антокольского, который, если не ошибаюсь, остановил на себе Ваше внимание, хотя и не вполне удовлетворял Вас.

Я тогда же высказывал всегдашнюю свою мысль, что памятнику в Кремле какое-то несвойственное место, и что лучшим здесь памятником служила бы небольшая церковь или часовня.

Но, кажется, решено уже быть памятнику.

В таком случае очень важно, какой будет памятник. Проект Антокольского, сколько мне известно, едва ли пригоден для предмета и для места. И что за памятник,— множество фигур, сидящих в полукруге?

Это было бы, особливо в Кремле, странное и несвойственное зрелище. Притом для памятника требуется цельная, центральная идея, наглядно и поэтично объединяющая представление, а тут совсем нет наглядного центра. Да едва ли и способен уловить эту идею еврей, космополит по натуре и по свойству своего таланта.

Спустя некоторое время после этого разговора, случилось мне встретиться с Крамским. Крамской из всех художников, кого я знаю, более мне симпатичен, потому, что у него душа живая, русская и религиозная. Он глубоко чувствует и глубоко понимает.

Тут я узнал, что Крамской носится с идеей об этом памятнике, и эта идея совсем им овладела. Коронация в Москве, коей был он свидетелем, потрясла его до глубины, и великий образ ее с тех пор не дает ему покоя, в связи с мыслью о памятнике. Мысль эта, как ему кажется, созрела в нем, и он додумался до проекта.

Я обещал Крамскому, когда он разработает свой проект, представить его на усмотрение Вашему Величеству непосредственно.

Теперь он разработал его и принес. Действительно, мысль его глубокая, и проект грандиозен и достоин предмета. Здесь есть идея, очень меткая и поэтичная.

Из прилагаемого описания (в двух вариантах) Ваше Величество изволите усмотреть, в чем состоит эта идея памятника. Мне кажется, что и Вам этот проект по идее покажется удовлетворительнее прочих.

Но против деталей я имею возражения, которые и высказывал вчера Крамскому.

В проекте слишком много фигур, которые подавляют его и отвлекают от центральной мысли. Группа выходит величественная, но громоздкая. Притом эти фигуры (министры, генералы и пр.), составляя аксессуар, соответствуют однако же известным деятелям эпохи и потому не могут быть совершенно безличными.

Казалось бы, что идея памятника много выиграет, если выразить ее лишь в четырех-пяти фигурах, из коих две только,— Императора и митрополита,— сосредоточат на себе внимание, а прочие (напр., знаменосец, мальчик с посохом и т. п.) будут действительно аксессуарными.

Крамской не мог не согласиться с этим замечанием, и переделка проекта в этом смысле не представила бы затруднений, если б только основная мысль была одобрена.

Мозаичная картина сзади памятника будет иметь существенное значение и представит великий момент в общей идее.

Итак, имею честь представить при сем рисунки Крамского вместе с записками его и последним письмом ко мне на благоусмотрение Вашего Величества.

На случай, если б угодно было Вашему Величеству иметь какие-либо дополнительные объяснения, предполагаю явиться в Гатчину в субботу, 20 числа, к 12 часам, если не получу от Вашего Величества других указаний.

Сегодняшние известия о здоровье гр. Толстого очень тревожные. Он не спал 18 ночей, ослабел очень, и на этой неделе в пятницу предполагают везти его в Москву. Сомневаются, благоприятен ли для него крымский воздух.

Константин Победоносцев

Петербург. 15 апреля 1885

Вернувшись сегодня из своей поездки, долгом почитаю доложить Вашему Императорскому Величеству, что все, что я видел и чему был свидетелем, оставило во мне самые отрадные впечатления. Казань всегда казалась мне самым замечательным в России центром умственной деятельности, и именно около церкви собралось там немало людей серьезных и добросовестных, неутомимых деятелей. На этот раз кружок еще значительно усилился прибытием новых лиц. В числе приехавших архиереев (саратовский, уфимский, оренбургский, астраханский, симбирский, вятский, пермский, екатеринбургский) я встретил двух в особенности интересных — оренбургского Вениамина,

очень серьезного и деятельного, и старца Дионисия уфимского, который в течение 43 лет продолжал миссионерскую деятельность в Якутской области. По инородческому вопросу был налицо человек, в своем роде единственный и неоцененный — Ильминский, директор учительской семинарии; священник Василий Тимофеев, из татар, учредитель и начальник крещено-татарской школы; Яковлев, родом чуваш, посвятивший себя просвещению своего племени, учредитель 153 чувашских школ в Симбирской губернии, и несколько замечательных по этой же части профессоров казанской духовной академии, в том числе молодой Машаков, отъезжающий на 2 года в Аравию для специального изучения арабского языка и тамошнего ислама. По части раскола вызван сюда из Москвы первый знаток дела проф. Субботин; в Казани же имеется другой знаток, профессор Ивановский. Но что всего важнее,— вызвано в Казань несколько известных миссионеров — крестьян и священников, из Пензы, из Перми и Оренбурга, людей практически знающих дело раскола. Эти-то люди своими практическими указаниями и разъяснениями должны принести большую пользу собравшимся епископам, из коих многие знакомы были с этим делом лишь поверхностно и по книгам.

Итак, нынешнее казанское совещание будет, я надеюсь, много плодотворнее прошлогоднего киевского. Оно открылось 9-го числа торжественно, под председательством преосв. Палладия казанского, человека умного и распорядительного; затем все разделились на 2 группы: по расколу и по инородческому делу, и каждая собирается ежедневно 2 раза — утром и вечером. Дело пошло очень дружно при содействии названных мною лиц, и я не сомневаюсь, что из него выйдет немалая польза, притом Казань никогда не видала таких церковных торжеств: литургия совершается в соборе 8 епископами с большим торжеством и с превосходным пением.

Особенно любопытно и трогательно было мне слушать всенощную в крещено-татарской школе в прошлую субботу. Церковь вся наполнена была множеством крестьянских мальчиков, девочек и молодых сельских учителей, и все это собрание — до 150 человек — всею церковью пело всенощную на татарском языке; чтение и вся служба была тоже по-татарски. Поют они художественно, по временам переходя в некоторых молитвах и на слав.-русский язык. Но кто не слыхал, тот не может себе представить всю особенность татарского пения детей и мальчиков,— сколько в нем жизни и выразительности, и такая задушевная простота. Такая же служба и пение в симб. школах на чувашском. Это совершение служб на туземных наречиях производит удивительное действие. Дети все отлично обучаются чтению и пению и,

приходя в деревню, в своих семьях становятся миссионерами посреди родителей-татар, которые считались православными только по имени, не зная языка. Потом из них образуются учителя для сельских школ чувашских и татарских, и они у себя образуют службу и пение по тому же примеру, и из них же ставятся по мере возможности священники и диаконы в инородческих приходах. Это — великое дело, поднятое в Казани Н. И. Ильминским по стародавнему примеру первых казанских епископов Гурия и Варсонофия и Стефана пермского, — примеру, бывшему в забвении в течение 300 лет.

С такими приятными впечатлениями в прошлый понедельник оставил я Казань. В Нижнем Новгороде пробыл несколько часов в самом начале ярмарки, успел осмотреть только что открытую и интересную выставку кустарной и заводской промышленности, и не избег общей участи претерпевать великое кормление от купцов. За завтраком почтенный старик И. Н. Волков, подойдя ко мне, сказал: “Все мы просим доложить Его Императорскому Величеству, что когда потребуется, как было при Минине, так и теперь будет,— все мы готовы все отдать на защиту царя и отечества от врагов”.

Затем меня ожидали еще новые впечатления во Владимире, где я не бывал еще до сих пор. Я пробыл там день и видел великую красоту в храмах. Вот когда бы Вашему Величеству выпало удобное время съездить во Владимир из Москвы на несколько часов,— великая честь и радость была бы для города, ныне позабытого и служащего лишь проезжей станцией железной дороги; а для Вас, я уверен в том, было бы делом самого живого интереса посмотреть на этот срединный пункт земли русской,— на гнездо Москвы и русского государства,— и видеть эти храмы, единственные по своему значению. Особливо с прошлого года, когда открыт возобновленный Успенский собор со стеною живописью XII века. Особенное чувство теснится в душу, когда вступаешь в этот величественный храм, единственный памятник, уцелевший в России от погромов древнего времени; когда подумаешь, что здесь, на этих самых хорах, великокняжеское семейство задушено было огнем и дымом при нашествии Батыя. Усердием здешнего достопочтенного “архиепископа Феоноста восстановлено здесь много скрытого от древности. В стенах найдены заложенными великокняжеские гробницы, очищены, оправлены, украшены — и все какие имена! Это храм несравненный, а возле — Дмитровский собор великой красоты, и еще возле — собор Александра Невского, откуда вынута и перевезена в Петербург тело усопшего князя,— собор, восстановленный при Николае I во всей первоначальной красоте своей архитектуры. Я был и в Боголюбове монастыре, в старом соборе, у того самого слухового окна,

в той самой комнате, где убийцы задушили Андрея Боголюбского. Все это в высшей степени любопытно, и все, вместе с окрестными полями, лугами и селами и церквями, преисполнено той красоты, которую так любит и на которую так отзывается душа северного русского человека. Но тут и переход от юга на север, потому что с юга до Киева прошел сюда Андрей Боголюбский и здесь поставил по образу киевскому золотые ворота, окрестил киевскими именами многие урочища и заложил, так сказать, на южно-русских именах и костях великорусскую господственную силу.

Константин Победоносцев

Ораниенбаум, 19 июня 1885

34

Может быть Вашему Императорскому Величеству любопытно будет взглянуть на группу собиравшихся в Казани архиереев,— все они уже разъехались, окончив свое дело.

А между тем 22 июля на Дальнем Востоке, в Иркутске, открылся другой съезд из семи сибирских архиереев, туда собравшихся. В числе их прибыл из Благовещенска преосв. Мартиниан, на пути в Симферополь, куда он переведен, и привез с собой архим. Гурия, своего преемника, коего хиротония состоялась тут же, в Иркутске, 22 июля. К этому времени прибыл туда же и граф Игнатъев. Корф, к сожалению, не мог подъехать к этому дню, как предполагал вначале, но прислал за себя забайкальского губернатора. От 1 августа преосв. Вениамин иркутский телеграфирует, что у них кончены совещания по церковно-гражданским вопросам и продолжатся еще с неделю совещания по церковным делам.

Известное Вашему Величеству дело о предбрачных подписках получает, слава Богу, достойный исход в тишине! Завтра, надеюсь, будут разосланы от синода указы, образец коих буду иметь честь представить Вашему Величеству. Вместе с тем и в министерстве внутренних дел приступлено к отмене инструкции 1865 года, развязавшей руки лютеранским пасторам. Когда узнают об этом, — ропота и раздражения будет много. Не сомневаюсь, к сожалению, что и здесь многие из так называемого высшего круга будут негодовать, со своей точки зрения, на то, что им представляется нарушением веротерпимости и цивилизации. Негодование это обратится, конечно, на меня, но я спокойно подвергаюсь ему, ибо чувствую и сознаю, что исполнил свой долг, обратив внимание Вашего Величества на это дело. Что касается до веротерпимости, то я не могу причислить к ней

несчастную склонность нашу отдавать себя со связанными руками и церковь, и народность в руки иноверцам и иноземцам, смотрящим с презрением на нас и на нашу церковь.

Уезжаю сегодня в Смоленск и оттуда в Зальцбург через неделю. Стану следить с сердечною заботой за путем Вашего Величества в Немиров и в Киев: дай Боже, чтобы все совершилось благополучно! В Киеве смею обратить внимание Вашего Величества на 80-летнего, но еще бодрого старика Юзефовича, который, без сомнения, будет представляться; он радуется, что еще Бог дает ему встретить еще одного Государя в Киеве. Это самый старый и самый почтенный из киевских борцов за русское дело с полонизмом и украинофильством, был когда-то помощником попечителя в университете.

И в Немирове и в Киеве, конечно, многие польские графы и князья будут всеми силами стараться обратить в свою пользу присутствие Вашего Величества и прием у двора. Дай Бог, чтобы все, кому ведать надлежит, умели различить достоинство от хитрого происка.

Константин Победоносцев

Петербург, 6 августа 1885

35

Вернувшись из заграничной поездки 24 сентября и вступив в должность, долгом почитаю довести о сем Вашему Императорскому Величеству.

Приятно было отдыхать в Зальцбурге, но мир наш был возмущен вестью о безумной и возмутительной фантазии князя болгарского. Нетрудно было догадываться, что за спиною его тайно действуют силы, враждебные России. К несчастью, мы окружены врагами тайными и явными, и всякая комбинация событий, предосудительная или вредная для России, повсюду встречается с радостью и находит усердных поджигателей и пособников. Боже нас избави от нового пролития русской крови за такое дело, за которое, в конце концов, мы сами должны будем платить; а в этом болгарском движении ничего до сих пор не видно, кроме интриги с ловушкою, расставленною русскому благодущию. Пронеси, Боже, эту темную тучу!

По приезде сюда сразу встретило нас горе, и мы переживаем самые тяжкие ощущения при виде страдальицы баронессы Раден, которая так плачевно доканчивает жизнь свою. Трудно представить себе, до чего она жалка и как она страдает. В несколько дней болезнь ее приняла ужасающие размеры. Все тело ее покрыто опухолями,— она

уже едва движется, и трудно разобрать, что говорит она, но смотрит таким болезненным взглядом, который невозможно видеть без слез. К ней уже никого почти не пускают; надежды нет никакой, и только одного желать надобно, — чтобы скорее кончились ее страдания. Кто знал ее высокую душу и высокие качества ума ее и сердца, в совершенстве развитые, на того ужас нападает при мысли, до какого жалкого состояния может дойти человеческое существо, создание Божие, так богато одаренное. Без сомнения, Государыня Императрица глубоко пожалеет об этой потере, ибо нечем заменить ее,— она была одна такая. Для меня и для жены моей — это великая потеря: мы имели в ней друга единственного, верную и твердую душу. Но ее кончина будет великою утратой для всего петербургского общества, даже для тех, кто не будет ее оплакивать. В ней была нравственная сила, которая многих сдерживала и на многих действовала бессознательно. Все ее знали и все были неравнодушны к тому, что думает и как судит баронесса Раден,— для многих она была живою совестью. В маленькие тесные комнаты, где жила она, кто ни приезжал к ней с утра до вечера, за советом, за одобрением, с горем, с радостью, с сомнением; многие люди с нечистою совестью боялись ее и все-таки искали ее. Она хранила в себе лучшие предания минувшего поколения, и кто подходил к ней, тот старался быть приличным и уместно, и нравственно. И она — последняя в этом роде! Видеть теперь ее разрушение невыразимо больно.

Будем ждать теперь благополучного возвращения Вашего Величества. Пошли Вам Боже благополучное плавание и полное ощущение мира при возвращении Вашем.

Вашего Императорского Величества вернопреданный
Константин Победоносцев

Петербург, 26 сентября 1885

36

Слава Богу, что дождалось благополучного возвращения Вашего Императорского Величества. Дай Бог, чтобы все были в добром здравьи и чтобы пребывание Ваше в Гатчине началось и продолжалось мирно и счастливо.

По уговору с Даниловичем, я предполагаю приехать завтра к ночи в Гатчину, чтобы поспеть в пятницу рано поутру к в. князю цесаревичу. В пятницу же, около 2 часов, попрошу позволения представиться Вашему Величеству.

Между тем, вот сегодня ночью Бог прекратил страдание Эдиты Раден. Она скончалась, и скорбь об утрате ее глубоко отзовется не только здесь, но и между всеми знавшими ее в целой России. Умирая, она молилась за Вас и за Императрицу,— немного не дождалась она приезда Ее Величества. Бедная много мучилась и умирала, можно сказать, каждый день в течение целой недели, но до конца сохранила взгляд и мысль, хотя не могла уже говорить. Заранее написала она в нескольких строках к Императрице последнее прощание и последнюю просьбу. Письмо ее вместе с сим отправляю.

Она родилась и умерла в лютеранском имени, но в душе любила православие и православную церковь и понимала ее. Самые близкие друзья ее были не немцы, а православные, горячо преданные своей церкви, например, Самарин. Близкое общение по духу с лучшими людьми в России и со многими духовными помогло ей понять дух нашей церкви, и она была чужда того узкого, горделивого фанатизма, который так часто встречается у немцев. Она любила наше богослужение и горячо молилась в нашей церкви, крестясь большим русским крестом; а в заведениях, куда ездила, подавала православным пример уважения к нашей церкви и к ее обрядам. Особливо в последние годы, с упадком сил и здоровья, она более чувствовала духовную скудость лютеранского обряда и чаще прибегала к утешению, доставляемому нашим. В прошлом году, после операции, мать Мария из Костромы (которая близка была к ней) прислала, ей икону Божией Матери, и больная поставила ее перед собой с утешением. Тогда она могла еще располагать собою, но теперь, на своем смертном одре, она была уже бессильна. Вокруг нее собрались родные, строгие лютеране, и к ней являлся сухой, узкий, суровый (как почти все они) пастор Гессе; он, конечно, позаботился, чтоб иконы стояли в другой комнате, и проходил мимо с презрением и с подозрительным взглядом. Но взгляд больной говорил русским ее друзьям, что ей мало этого и что душа ее просит иного, живого утешения. Как она была довольна, когда по ночам сестра милосердия читала ей русские молитвы, акафист Иисусу и пр. Как она радовалась, когда входила к ней на несколько минут мать Мария (приехавшая для того из Костромы) и осеняла ее большим русским крестом... Перед кончиною она указала мне и сестре свой портфель, где сложила последние свои распоряжения и в том числе письмо к Императрице. Тут мы нашли всего два-три листочка, но примечательно, что в числе их лежало переписанное ее рукою известное стихотворение Ф. И. Тютчева о лютеранстве:

*“Я лютеран люблю богослуженье,
Обряд их строгий, важный и простой;*

*Сих голых стен, сей храмины пустой
Понятно мне высокое ученье.
Но видите ль, собравшись в дорогу,
В последний раз вам вера предстоит.
Еще она не перешла порогу,
Но дом ее уж пуст и гол стоит.
Еще она не перешла порогу,
Еще за ней не затворилась дверь...
Но час настал, пробил... Молитесь богу —
В последний раз вы молитесь теперь!"*

И вот мы ее оплакиваем и скорбим еще, что будем хоронить ее не по-нашему. А сколько бедных будут ее оплакивать, — она делала много добра для бедных.

Константин Победоносцев

Петербург, 9 октября 1885

37

Получив сейчас приказание от Вашего Величества, я немедленно сообщу его Манассеину.

Слух об отставке Набокова, действительно, распространился, хотя я никому ни одного слова не говорил о чем-либо подобном. Впрочем, слухи этого рода повторяются беспрестанно, — и в прошлом году осенью, после поездки Набокова по России, в обществе ожидали того же. На этот раз слух особенно усилился и получил значение с прошлой среды. Всем стало известно, что Ваше Величество не приняли Набокова и потребовали к себе доклад с бумагами. В министерстве юстиции произошло смущение, и пошли разговоры по всему городу, с именами по крайней мере 6-ти кандидатов. Вчера вечером приезжал ко мне Набоков и спрашивал настойчиво, не знаю ли я чего-либо определительного, в виду распространившихся слухов. Я сказал ему, что ничего решительно не знаю, что быв в Гатчине в пятницу, не имел случая видеть Ваше Величество. Одно Мне известно, — сказал я Набокову, — что Государь, особливо после дела Миронович, очень недоволен судебным ведомством и удивляется, — что выражал и прежде, — нерешительности твоих действий. Набоков был смущен и стал уверять, что его обвиняют напрасно, что он постоянно заботился об исправлении положения, успел уже значительно исправить его и готовит ряд мер по обдуманному плану. Конечно, — говорил он, — если Государь находит мои действия недостаточно энергетичными, я готов

сложить бремя управления, но мне было бы больно думать и чувствовать, что за мною не признается никакой заслуги в том, что я до сих пор делал и старался делать.

Сегодня появились телеграммы о вступлении сербских войск в Болгарию и об объявлении войны. Последние известия с Востока крайне смущают общее мнение, — все в некоторой тревоге и неизвестности. Все чувствуют, что события на Востоке не только обращаются против нас, но и направлены против России; у всех есть мысль, что под покровом и под предлогом союза трех императоров скрываются задние мысли и тайные цели, направленные против России и русской политики на Востоке. Недоумевают и спрашивают себя: есть ли у нас ясный и определенный план действия в виду непредвидимых и случайных событий на Востоке и в виду выяснившегося перед всеми ревностного участия Англии в интриге, против нас направленной?

Мне приходит на мысль: не полезно ли было бы в настоящих обстоятельствах пригласить к совещаниям, происходящим у Вашего Величества, графа Н. М. Игнатъева? Он знает близко и по личному обхождению всех главных деятелей в нынешней восточной драме, знает их прошлое и нынешние их отношения и мог бы, кажется, сообщить сведения и дать указания, полезные для русской политики в настоящем кризисе.

Константин Победоносцев

Петербург, 3 ноября 1885

38

Позволяю себе обратиться к Вашему Императорскому Величеству с тремя усердными ходатайствами о покровительстве и пособии трем добрым делам:

1. В Троице-Сергиевой лавре есть молодой достойный иеромонах Никон, из ученых, хилого здоровья, умный, усердный и отличной жизни. Он задумал посвятить себя доброму делу — выбирать из знакомой ему старой и новой духовной литературы статьи, просто и тепло написанные, понятным для народа языком, и издавать их отдельными листками для раздачи народу, приходящему в лавру. Он обнаружил вкус и искусство в выборе, и издание, начавшееся с 1880 года, имело и имеет успех замечательный и приобрело, под названием троических листков, популярность во всей России. Их разошлось уже свыше 10 миллионов, и многие из самых отдаленных мест выписывают их сотнями для раздачи. При этом, конечно, нет никакого расчета на

прибыль,— единственный расчет — на поддержание издания, что возможно лишь с помощью благотворителей.

В прошлом году тот же Никон предпринял, в пользу тех же троицких листков, написать общедоступное житие препод. Сергия и издать его в роскошном виде, со всем старанием. Книга эта только что появилась в свет, прекрасно напечатанная, с картинками и виньетками, изображающими церкви и древности Троицкой лавры.

Иеромонах Никон просит меня поднести эту книгу и троицкие листки Вашему Императорскому Величеству. Почитаю то и другое достойным Вашего внимания.

Если бы притом Ваше Величество соблагволили пожаловать некоторую сумму (например, 500 р.) в пособие на это дело, то есть на издание троицких листков для народа, это ободрило бы труженика и привлекло бы к его делу внимание и покровительство духовных властей.

2. По примеру владимирского Александро-Невского братства, здесь, в Петербурге, возникло с прошлого года братство пресв. Богородицы с целью попечения о сельских школах и вообще о духовном просвещении народа в здешней епархии (к которой принадлежит и Финляндия). Нужда в этом большая, — много бедного населения, много и нищеты и невежества и пьянства (особливо в Шлиссельбургском и в Новолодожском уезде, по водяным путям сообщения). Люди принялись за дело усердно. Завязали живые сношения с приходами, оказались священники молодые, ретивые, но без всяких средств и без нравственной поддержки в усилиях действовать на народ посредством школы. Дело это обещает много пользы и уже приносит ее,— уже успели отыскать и поддержать несколько хороших, деятелей. Братство заботится также о распространении церковного пения в народе, издает книги и ноты. От времени до времени собираются общим собранием у меня в зале, читаются отчеты о школах, и очень хороший братский хор поет новые переложения старых церковных напевов. Учреждение это достойно внимания Вашего Величества, но нужд и требований отовсюду имеется много, а средства скудные. В прошлом заседании несколько членов разобрали несколько бедных школ под свое попечительство. А случаев, требующих помощи, много. Так, например, недавно отыскал около Новой Ладоги молодого священника, очень усердного, но совсем изнемогающего. Приход у него 200 душ — бедняки и много кабаков. Доходов никаких; жалованья 160 руб. в год — и все тут. Дома нет, живет в развалившейся избушке и тут же собирает детей для ученья. Теперь, с помощью одного здешнего купца, поддерживающего тамошнюю церковь, собираемся строить дом для священника и для

школы вместе, на что отделил я из пожертвованной Кенигом суммы 1000 руб.

Не благоволите ли, Ваше Величество, в ободрение и в пособие братству пожаловать некоторую сумму, напр., 1000 руб.?

3. Прошу прощения, что уже много написал. Но вот и третья просьба:

Заботился немало о церковноприходских школах во всей России. Это дело важное и, Бог даст, мало-помалу разрастется и даст плод; только спешить не надобно.

В систему этого дела входит учреждение при каждой духовной семинарии образцовой церковноприходской 2-классной школы, так, чтобы она служила и примером для всех прочих и вместе живым образцом для учеников семинарии, готовящихся к той же деятельности. В некоторых епархиях (напр., владимирской, рязанской, казанской, таврической и пр.) школы эти открылись уже и действуют. Первая школа этого рода открылась в Рязани при тамошней семинарии, одной из самых многолюдных (с лишком 600 воспитанников), из лучших у нас. Благодаря усердию и умению ректора и учителя школа эта стала так хороша, что может быть названа действительно образцовой, и охотников учиться так много, что всех принять невозможно. Все это содержится, конечно, на самые скромные средства.

Просят меня оттуда усердно прислать для школы портреты Вашего Величества и Государыни Императрицы. Мог бы я от себя послать, но приходит на мысль, что присылка портретов от имени Вашего Величества была бы знаком внимания к первому в этом роде учреждению, притом имеющему несомненный успех.

Если благоугодно будет, для этого достаточно было бы 50 рублей.

Константин Победоносцев

Петербург, 6 ноября 1885

39

Долгом почитаю доложить Вашему Императорскому Величеству о следующих обстоятельствах:

Сегодня пришел ко мне молодой серб Стефанович, служивший прежде в конной гвардии, а ныне состоящий в запасе и проживающий здесь. Я знал его года четыре тому назад, когда он приезжал ко мне от митрополита Михаила.

Нынешнее состояние Сербии заставляет предполагать возможность переворота, и видно там что-то готовится. Вчера, сказывают, выехал отсюда Хорватович, внезапно вызванный своею партией,

враждебной Милану. По словам Стефановича, легко может случиться, что Хорватович в случае переворота станет во главе правительства. Глядя по обстоятельствам, и некоторые сербы того же согласия ждут только знака, чтобы ехать туда же, в том числе и этот Стефанович.

В этих планах имеется, по-видимому, расчет на митрополита Михаила. Что он будет делать в настоящую минуту, — не знаю; он находится теперь в Москве. Он горячий патриот и человек способный к увлечениям. Не сомневаюсь, что в известную минуту появление его в Сербии может иметь большое значение для дел; но в подобных обстоятельствах очень важно не ошибиться в выборе минуты. По всей вероятности, митрополит Михаил подвергается теперь возбуждениям с разных сторон в Москве, и мне кажется, не следовало бы оставлять его без руководства, в связи с общим направлением политики. Видя, по словам Стефановича, что у них там кипит, и взрыв может последовать внезапно, я решился телеграфировать Михаилу, прося его приехать сюда. Он и сам собирался давно приехать в Петербург, и у нас по внутреннему управлению есть дела, кои могут служить поводом к его вызову для личных объяснений; но в настоящую минуту желательно еще знать его настроение и виды. Думаю, что он приедет завтра же. Сейчас поезду предупредить о сем Гирса, а между тем долгом почитаю доложить Вашему Величеству.

Константин Победоносцев

Петербург, 16 ноября 1885

40

Ваше Императорское Величество изволили обратить внимание на помещенную в газете “Новое Время” корреспонденцию из Кронштадта о необходимости назначить туда священника для проживающих в Кронштадте эстов и латышей, и изволите спрашивать: что предполагается сделать по этому поводу.

Дело это известно мне с начала нынешнего года. Оно поднялось с того, что в Кронштадт приехал из Эстляндии один из лучших тамошних священников, благочинный Тизик, отправлял требы для православных эстонцев и служил для них обедню по-эстонски. Это произвело возбуждение в эстонском населении Кронштадта, и возникло ходатайство об образовании там постоянного прихода и о назначении священника. Невозможно было вскоре же устроить это дело, — самый существенный вопрос представлялся о содержании священнику, а потом предстояло сыскать его. Место для богослужения во всяком случае отыскалось бы в одной из церквей.

В синоде заведена по этому предмету переписка с митрополитом, от которого получен в ноябре отзыв о размере содержания причту. Теперь предстоит изыскать источник, откуда взять деньги, и приискать священника, знающего язык. Вместе с тем я командирую одного из чиновников в Кронштадт собрать на месте необходимые сведения.

Но подобная же нужда обнаружилась и здесь, в Петербурге, для здешних эстов и латышей. Об удовлетворении ее тоже заботимся; но здесь труднее приискать церковь для богослужения. Церквей в Петербурге вообще слишком мало для православного населения, — народ едва помещается, и в каждой из них служатся ежедневно и ранние, и поздние обедни, между коими нелегко найти время еще для третьей литургии. Однако надеемся, что и это мало-помалу устроится.

Константин Победоносцев

Гатчина, 12 декабря 1885

1886 ГОД

41

По особливому интересу, который имеют для меня дела на острове Сахалине, позволяю себе обратить внимание Вашего Императорского Величества на генерал-майора Гинце, начальника о-ва Сахалина, который будет представляться Вам завтра, 3 мая.²

Я виделся с ним, и он произвел на меня весьма благоприятное впечатление, как человек серьезный, разумный, практический и преданный, с живым интересом [к] делу, которое на него возложено. Собранные мною сведения подтверждают это впечатление.

Сам он родом финляндец; служил до последнего назначения в войсках Приамурской области. Найдя на Сахалине природу, подходящую к финляндской, и имея способность хозяйственную, он взялся за дело практически. Злоупотребления администрации были на Сахалине значительные. Он постарался вывести их и водворить порядок, уничтожил по возможности пьянство и тайную торговлю вином (которою занимались начальники управления!) и приложил всю свою заботу к возбуждению местных промыслов и разработке естественных богатств острова. Так, например, он завел там гончарное производство и стал сбывать изделия во Владивосток; принялся за устройство дорог; стал вываривать собственную соль (до тех пор ее привозили на Сахалин), а без соли пропадают даром несметные богатства своей рыбы; так что дома берега кишат рыбою, а для потребления приходится выписывать ее; назначил премию за изыскание на острове известки (ее тоже привозят, а без нее строить нельзя). Теперь он употребляет все усилия, чтобы выпросить себе пароход, ибо без парохода немисливо сообщение по берегу из Дуэ с другими местными управлениями, и местная администрация без парохода — как без рук.

Теперь его вызвало с Сахалина печальное обстоятельство. Он устроился там с семьей, но жена его не вынесла климата и поражена

---

² Так в подлиннике.

была параличом, так что он вынужден был привезти ее в Одессу и оставить там с семьею.

Теперь ему предстоит ехать на Сахалин одному, без семьи, и это обстоятельство, тяжкое для семьянина, приводит его, по-видимому, в раздумье.

Между тем, желательно во всех отношениях, чтобы дело, им начатое, продолжал он же. Полагаю, что в этом много будет зависеть от милостивого внимания Вашего Величества к нему и к тому делу, на которое он призван; и вот почему беспокою Ваше Величество этим писанием.

Константин Победоносцев

2 января 1886

42

Только что узнал я, что Н. Х. Бунге представил Вашему Императорскому Величеству свою печатную записку с возражениями на записку г. Смирнова о финансовой политике. Это обязывает меня изложить пред Вашим Величеством историю о той и другой записке, в чем дело до меня касается, дабы предотвратить возможные недоразумения.

Положение наших финансов занимает в последнее время не одних только государственных людей, но, можно сказать, всех русских людей. Все чувствуют и видят, что дело стоит плохо и угрожает опасность; все сознают,— одни смутно, другие явственно,— ошибки нашей финансовой политики, продолжающиеся вот уже около 30 лет; все стараются искать выхода из нынешних затруднений. В этом ощущении сходятся все сословия — и государственные люди, и дворянство, и коммерческий люд, и крестьянство.

Немудрено, что в последнее время, едва не каждую неделю, появляется новая записка с разбором существующей системы и с предложением, как помочь горю. Записки эти печатаются свободно и распространяются и рассылаются высокопоставленным лицам.

Итак, ничего нет удивительного, ничего, думаю, нет и предосудительного в том, что товарищ обер-прокурора Смирнов принялся писать такую записку. Он мог считать себя человеком сведущим, потому что в прежней своей деятельности занимался исключительно финансовыми вопросами, и даже в 60-х годах совокупно с Н. Х. Бунге писал постоянно передовые статьи в тогдашнем экономическом журнале.

Написав эту записку, он читал ее мне, читал М. Н. Островскому, показывал графу Д. Л. Толстому. И я, и Островский в сущности согласны были с основными идеями записки и только советовали ему сгладить некоторые резкие выражения, что он и сделал. В этом виде записка содержала в себе критику системы, продолжающейся не при нынешнем только министре финансов, но и при его предместниках, следовательно, едва ли могла быть истолкована в виде личного обвинения. Во всяком случае, предмет, к которому она относилась,— предмет великой важности для государства.

Главная цель Смирнова была представить свою записку Вашему Величеству, и он думал поднести ее через мое посредство.

Но я решительно от того уклонился. Я хотел избежать всякого нареkania со стороны министра финансов; и кроме того, хотя по здравому смыслу я всегда, с 60-х еще годов, был противником господствующей у нас финансовой системы, но, не принадлежа к числу специалистов этого дела, не мог иметь в нем настолько определенного мнения, чтобы решиться нести свой взгляд и, стало быть, отстаивать его перед Вашим Величеством. По частным вопросам я считал своим долгом выражать свое мнение определенно в Государственном Совете, вопреки проектам министерства финансов (напр., по делам о соли, о пошлинах с наследства, о гербовом сборе, о питейных правилах, об учреждении податных инспекторов), но оставался в меньшинстве или вынужден был выслушивать иронические опровержения. И так, во всех случаях, когда очень многие лица просили меня представить финансовые их записки Вашему Величеству, я всегда от того уклонился.

Таким образом, записка г. Смирнова оставалась не более как личным изложением его взгляда на финансы и на средство исправить их, предназначенным для распространения в самом тесном кругу лиц, близко стоящих к делу. Она была напечатана в числе 40 экземпляров и сообщена прежде всего самому министру финансов, Абазе, Сельскому и затем некоторым министрам и членам Государственного Совета. Она была без имени и подписи, но всем было известно, кто ее автор. По прочтении ее и министр финансов, и Абазга говорили мне об ней с некоторым пренебрежением, но ни тот, ни другой не заявляли мне никакой претензии на то, что ее писал товарищ обер-прокурора. И, казалось, претендовать было не на что. Другие же лица заявляли свое согласие с мыслями, выраженными в записке.

После этого немало удивило меня, когда на днях получил я от Н. Х. Бунге записку, им напечатанную и разосланную ко всем министрам и членам Государственного Совета, в коей он принял на себя труд опровергать мысли Смирнова, называя уже его по имени. Еще более

удивился я, увидев в конце записки, на последних строках, обвинение, косвенно направленное и на меня. Прежде печаталось немало записок и гораздо более резких опровержений финансовой нашей политики, но ни на одну из сих записок Н. Х. Бунге не считал нужным писать опровержения.

Подивившись этому, я, впрочем, нисколько этим не был смущен, и вскоре оставил это совсем без внимания, не выдавшись ни с кем в эти дни и не имея случая говорить о записке Бунге. Но сегодня только узнал от Островского, что Н. Х. Бунге представил свою записку Вашему Величеству: стало быть, придает и ей, и записке Смирнова особое значение. Это и вынудило меня утруждать Ваше Величество настоящим моим писанием.

Очевидно, министру финансов представилось или,— что вероятнее,— ему внушили со стороны, что записка Смирнова была, так сказать, пущена мною, дабы поколебать кредит его; конечно, ему было рассказано, что эту записку я представил Вашему Величеству, и он поспешил отразить ее. В таком случае внушено ему совершенно напрасное опасение. Вашему Величеству известно, что я не брал на себя представление Вам записки, да и вообще ни разу, кажется, не касался в своих объяснениях перед Вами финансовых вопросов.

Простите, Ваше Величество, это длинное писание, но для меня существенно важно, чтобы в мысли Вашей не оставалось недоразумения относительно участия моего в сем деле.

Константин Победоносцев

25 января 1886

43

Благоволите, Ваше Императорское Величество, просмотреть прилагаемую статью. В тех условиях жизни, кои существуют в Томске, возможно ли идти, так сказать, навстречу вредным элементам и настаивать на учреждении в Томске университета, что уже решено в д-те экономии государственного сената, с назначением денег, на первый раз около 70 т. р., из государственного казначейства.

Мысль об учреждении университета в Сибири (возникшую в период совершенного оскудения и падения наших университетов) я с самого начала называл несчастною и фальшивою; но сначала не хотели меня и слушать, а потом хотя и соглашались со мною, но возражали: “Что же делать? Правительство зашло уже слишком далеко; им обещано; приняты значительные пожертвования на сумму до 900 т. р.; построен большой дом; все готово; нельзя идти назад”.

Но мне кажется, когда очевидна опасность, никогда не поздно возвратиться назад или, по крайней мере, остановиться, к чему и предлог есть — крайне затруднительное положение госуд. казначейства.

Каких профессоров достанут в Сибири, когда и для здешних университетов не знают, где достать серьезных и надежных людей, особливо юристов! (а в Сибири предполагается открыть именно юридический факультет). Очевидно, туда поедут, увлекаясь высокими окладами, лишь очень молодые и слабосильные люди. Захотят наполнить университет и на первых порах вынуждены будут принимать и в студенты кого попало, а затем станут просить от казны денег на стипендии. Общество томское состоит из всякого сброда; можно себе представить, как оно воздействует на университет, и как университет на нем отразится.

Граф Игнатьев писал мне от 8 октября о своем проезде через Томск: “осмотрели пресловутый сибирский университет. Здание чрезмерно-роскошное; не знаю, наполнится ли оно и кем? и что из всего этого выйдет?”

Константин Победоносцев

26 января 1886

44

Простите, Ваше Величество, что часто Вас беспокою; может показаться, что берусь за дела, до меня не принадлежащие; но что же делать, когда люди ко мне обращаются? Почти всем я отвечаю: не мое дело, но иногда приходится остановиться ради правды или ради жалости.

Сегодня была у меня и сидела долго герцогиня де Феррари. История, которую она о себе рассказывает, похожа на сказку самого невероятного содержания, но когда ее спрашиваешь: что все это значит? она клянется, что сама ничего не понимает с тех пор, как ее, ни в чем не повинную 17-летнюю девушку, вывезли из России. Затем с отца ее берут подписку, что он отрекается от дочери, содержат ее на счет двора, следят за нею, переписываются об ней через министра двора и через дипломатов, представляют к ней чиновника, присланного из России, наконец, принимают участие в переговорах о ее браке — все это похоже на какие-то похождения княжны Таракановой из XVIII столетия. Ничего не понимаю тут, — и она уверяет, что ничего не понимает.

Передаю личное свое впечатление. Эта женщина совсем не похожа на авантюристку. Так, ее взгляд, манера говорить совсем

искренние и совсем русские, и мне она внушает доверие. Ей 46 лет от роду.

Ваше представление о цели приезда ее сюда совсем расходится с тем, что я узнал от нее, и вот почему я решаюсь после того, что слышал от Вашего Величества на пути из Гатчины, еще писать об ней. Вы изволите предполагать, что она приехала сюда с какою-то претензией на деньги, в связи с спекуляцией какого-то иностранца *chevalier du Lys*. Она, напротив того, ищет очистить себя от всякой солидарности с этою спекуляцией, которая ее возмущает, и очистить себя и имя своего мужа от всякого подобного подозрения. Муж ее послал ее сюда единственно с этой целью. Он считается самым богатым владельцем в Италии, располагая капиталом до 50 милл. франков, и она не имеет претензии ни на какие деньги. “Я в душе русская, говорит она, всем обязана государям Николаю I, Александру II, и мне счастье было бы видеть государя и императрицу и убедиться, что они не считают меня бесчестною и участницею какой-то гнусной спекуляции. Не знаю, что со мною будет, если я вернусь к мужу и не привезу с собой этого сознания. Я люблю его, и он меня любит, но у него вся кровь закипела, когда он услышал, что мое имя ставится в связи с этою гнусною проделкой. Вот вся, и единственная, цель моя. Я так несчастна, так несчастна, что на мне остается по-прежнему подозрение, коем я неповинна”!

Представляю при сем записку, принесенную мне герцогиней де Феррари. Она принесла мне еще письмо на имя Вашего Величества. Все это представляю на благоусмотрение Ваше; мне казалось, что дело это не недостойно Вашего внимания, и если ошибаюсь, то прошу не причесть к вине моей причиняемое этим беспокойство.

Константин Победоносцев

Петербург, 16 марта 1886

45

Долгом почитаю представить Вашему Императорскому Величеству только что выпущенную в свет тетрадь “Деяний епископов, собиравшихся в Казани” в прошлом году.

Все эти акты тщательно изготовлялись и потом рассматривались в синоде. В числе их есть воззвание к паствам и другое, особенное, воззвание к старообрядцам. Постановление собрания относится к предметам величайшей важности для епархий, в коих изобилует раскольничье и инородческое население.

Акты эти составляют поистине событие в русской церкви и, без сомнения, возбуждают всеобщий в народе интерес и произведут благотворное впечатление.

Одновременно выпущено от синода изъяснение о предмете, составляющем главный пункт пререканий о клятвах, наложенных московскими соборами XVII столетия на старые обряды. Клятвы эти утратили уже всякое значение со времени учреждения единоверия; тем не менее упорные учителя раскола дальше проповедают, что русская церковь держит их под клятвою, и для снятия ее требуют созвания собора с вселенскими патриархами. Настоящее изъяснение составлено со всею необходимою в подобных случаях осмотрительностью и проверялось в каждой фразе со всех сторон в течение целого года.

Все эти вопросы, которые могут казаться мелкими и неважными с точки зрения интеллигенции, отступившей от народного быта, но они имеют величайшее значение для народа. Трудно себе представить, до какой степени, как живо и как глубоко народ интересуется этими вопросами: вся духовная жизнь народа — в церкви, и вопросы истины в церкви — для него вопросы жизни и смерти.

На днях еще, и именно в Петербурге, было живое тому свидетельство. Сюда приехал на короткое время из Оренбурга пензенский единоверческий священник Крючков, самый сильный из наших миссионеров. Происходя из крестьян, бывший раскольник, он овладел в совершенстве и знанием писания, и старых книг, и всеми приемами особой диалектики в спорах с раскольниками. Он очень умен и искусен,— говорит мастерски, просто, образно ясно, приковывая к себе внимание, и действует неотразимо на всех, кто его слышит. В Уральском войске он произвел в прошлом году полнейшее потрясение у раскольников. Как раз в это же время появился в Петербурге знаменитый из раскольников Швецов, самый хитрый и ловкий агитатор, постоянно переезжающий между Москвою и Буковиной — тоже умная голова, но совсем иного типа,— тип иезуита-фанатика, мастер сбивать с пути и с толку всякого, кто с ним состязается. Очень важно было воспользоваться этим случаем, чтобы спустить Крючкова со Швецовым: не было сомнения, что Крючков одержит победу над Швецовым в виду всего народа,— и это было очень важно. И вот на прошлой неделе устроены были 4 беседы в зале духовной академии, чтобы тамошние студенты могли быть свидетелями. Эти беседы остались, конечно, неизвестны официальному миру в Петербурге, но что происходило в народе,— трудно и описать. Без всяких объявлений, по одной вести из уст в уста, собирались в академию громадные толпы народа,— и православных, и раскольников.

Едва третья часть могла поместиться в большой зале, и притом так, что человек прижимался к человеку в невообразимой атмосфере; остальные стояли в коридорах и на дворе. Собрание благословил архиерей, и порядок был полный, но можно себе представить, каков интерес народа к этому делу, когда люди забирались в залу, чтобы занять места, в 1 час пополудни, ждали до 4 часов открытия и потом стояли, обливаясь потом, вслушиваясь в каждое слово, не евши, не пивши, до 10 часов вечера. И правда, было что слушать, потому что искусство было с обеих сторон, а у Крючкова речь живая, народная, умная. Противник его потерпел полное поражение во всех своих аргументах в виду раскольников, которые принуждены были негодовать против своего же оратора, и к полному восторгу православных, которые в этом споре научились сами, что им отвечать раскольникам в самых основных понятиях о церкви, об иерархии, об обрядах. К довершению эффекта, один из присутствовавших, раскольник-механик, бывший тут проездом на Кавказ, убежденный этим спором, присоединился к церкви. Вчера совершилось это присоединение в академической церкви при большом стечении народа, и сегодня Крючков уехал в Оренбург, где уже давно ждут его. Теперь по всей России, несомненно, разносится весть о петербургском состязании, которое служит предметом толков повсюду, в лавках между купцами и рабочими, в трактирах и в конных вагонах.

Константин Победоносцев

Петербург, 1 апреля 1886

46

Покуда еще здесь, не перестаю утруждать Ваше Величество докладами своими и просьбами.

Не благоволите ли дозволить на днях представиться Вам некоторым архиереям? Причина тому следующая:

1. Вчера приехал сюда вновь назначенный в Ставрополь кавказский из Томска епископ Владимир. Это человек, достойный внимания, а как и нынешняя епархия, куда он едет, тоже очень трудная (по разнообразию инородцев и сектантов), то к ободрению его послужит внимание Вашего Величества.

Преосв. Владимир с 1865 года состоял главным начальником и деятелем Алтайской миссии, которая имеет первенствующее значение в ряду наших миссионерских учреждений. Основателем ее был знаменитый Макарий, человек замечательный по духу миссионерства и по духовному влиянию на своих сподвижников. С 1879 г. Владимир состоял епископом бийским, викарием томской епархии, а в 1883 г.

назначен в Томск. Тяжкое служение с большими разъездами развило в нем каменную болезнь, и по этому только поводу состоялся перевод его из Сибири в Ставрополь, где ожидает его тоже миссионерская деятельность.

В Бийске, то есть в центре миссии, преемником ему поставлен Макарий, сибирский уроженец, тоже человек замечательный по духу миссионерства и по энергетической деятельности. Дай Бог, чтобы силы ему не изменили. Алтайская миссия имеет очень важное значение, как орудие русской культуры и цивилизации между дикими племенами, из-за которых до сих пор происходит глухая, невидимая для администрации, но сильная борьба между русским влиянием и монголо-китайскою и тибетскою пропагандой. Одни миссионеры только и ведут, при особых средствах, эту борьбу в глухой пустыне. На всякий случай представляю Вашему Величеству только [что] полученный последний отчет Алтайской миссии, прекрасно составленный преосв. Макарием. Конечно, времени нет у Вас читать его, но благоволите пробежать отмеченные мною места, начиная с 13 стр. На стр. 42 прекрасно описано цивилизующее значение миссионерства на Алтае. На 15-й стр. приводятся факты усиливающейся с каждым годом ламской пропаганды из Тибета,— факты очень важные, совершающиеся вдали от администрации и неприметные для нее (по этому случаю нельзя не пожалеть, что Томская губ. слишком рано отделена от генерал-губернаторства). С этими пропагандистами приходится бороться одному лишь миссионеру его слабыми средствами. Упоминаемый тут Чевалков — лицо в своем роде замечательное,— природный алтаец, теперь уже глубокий старик, с детства еще обращенный и обученный покойным Макарием. Немало таких самородков вывели наши прежние миссионеры, и эти люди работают в холоде, голоде и нужде — а кто их знает?

Миссия, это — в сущности государственное учреждение и делает государственное дело. А существует она на средства сравнительно ничтожные, отпускаемые московским миссионерским обществом (состоящим под покровительством Государыни Императрицы), коего доходы тоже скудны, да на частные пожертвования щедрых русских людей. Вот в этом пункте, в Кашагаче, куда направлена теперь усиленная ламская пропаганда, в сущности политическая, давно следовало бы учредить постоянный миссионерский стол,— да средств нет. Я давно прошу их, по указаниям уже прошлогоднего отчета, у миссионерского общества, но у них нет свободных денег. В самом Бийске не было даже архиерейского дома. Преосв. Владимир построил его с большими усилиями при помощи купеческих жертв и некоторой

помощи от синода, но на днях, под вознесенье, дом этот сгорел и епископ остался без крова. Постараюсь теперь поискать в Москве, не найдутся ли благотворители.

Итак, вот причины, по коим беспокою Ваше Величество: не благоугодно ли будет принять преосв. Владимира и дать знать мне, в какой день и час.

2. Другие два — преосв. Палладий казанский и преосв. Серафим самарский желали бы иметь счастье представиться Вашему Величеству с благодарностью за полученные на пасху награды орденами. Преосв. Палладий желал бы сверх того поднести Вашему Величеству деяние казанского собора, происходившего в прошедшем году под его разумным и заботливым председательством. Преосв. Палладий весьма любим в своей епархии.

Константин Победоносцев

Петербург, 6 июня 1886

47

Устроившись в Кисловодске, почитаю нелишним представить Вашему Императорскому Величеству некоторые известия о здешних делах.

В Ростове-на-Дону я пробыл день и познакомился с некоторыми представителями здешнего купечества. Я нашел в них людей разумных, опытных и вполне русских по настроению. Все они любят свой город и придают ему важное значение на юге России, все гордятся тем, что вся сила в нем русская, и что ни один из инородческих элементов — ни еврейский, ни армянский, ни немецкий — не может в нем пробиться в силу и занять господственное в делах положение. Город, широко раскинувшийся по нагорному берегу Дона, разросся изумительно. С 1869 года, когда я видел его в последний раз,— его не узнаешь. По наружному виду он один из самых благоустроенных. Широкие улицы, обсаженные акациями, всюду проведена вода, устроен прелестный, тенистый городской сад, заведено регулируемое благоустроенное кладбище, образцовое по порядку и чистоте, общественные учреждения очень интересные. Город заселялся и строился в прежнее время очень правильно,— люди приходили неведомо откуда, селились и строились тайком, никого не спрашиваясь (целая слобода носит по этому прозвание Нахаловки), и теперь систематически производится регулирование всех строений, улиц и закоулков. Собор прекрасный, с благолепным служением и прекрасным хором певчих.

Меня интересовал особенно вопрос о том, как относится население к мысли о присоединении города к войсковому управлению. Сознаюсь, что я относился к этой мысли с некоторым предубеждением, опасаясь путаницы в административных отношениях. Теперь я убедился, что этого давно желают местные жители; все заняты этою мыслью в настоящую минуту, и весть о близком разрешении вопроса встречена радостно как в Ростове, так и в Таганроге. Городское управление тяготеет крайними затруднениями в разрешении важных для города хозяйственных и административных дел, связанном теперь двумя сложными канцелярскими узлами. По всем делам надобно относиться в дальний Екатеринослав и в Одессу к генерал-губернатору, у коего иногда останавливаются на месяцы и годы, погрязая в канцелярии, дела живого интереса для города. Всех этих затруднений надеются они избежать присоединением к одному Донскому административному центру.

Здесь, в Кисловодске, вижу ежедневно с П. С. Ванновским и с кн. Дондуковым. С последним немало разговоров о здешних делах, которые не представляют утешительного вида. Повторяется и здесь горький опыт, который приходится России выносить со всеми спасенными и облагодетельствованными инородческими национальностями. Выходит, что грузины едва не молились на нас, когда грозила еще опасность от персов. Когда гроза стала проходить еще при Ермолове, уже появились признаки отчуждения. Потом, когда явился Шамиль, все опять притихло. Прошла и эта опасность — грузины снова стали безумствовать, по мере того, как мы с ними благодушествовали, баловали их и приучили к щедрым милостям на счет казны и казенных имуществ. Эта система ухода за инородцами и довела до нынешнего состояния. Всякая попытка привести их к порядку возбуждает нелепые страсти и претензии. Ужасное событие с ректором семинарии отозвалось в кругу инородцев не негодованием на зверя-убийцу, а злорадством. По всему видно, что на этом не остановятся. На похоронах ректора экзарх произнес горячее слово, в котором выразил всю скорбь и все негодование на совершенное злодеяние. Эта речь показалась обидною безумным сторонникам убийцы,— и вот кутаисский предводитель дворянства пишет экзарху глупое и дерзкое письмо, с прикрытою угрозою, советуя ему оставить Кавказ. Копию с этого письма и с ответа прилагаю при сем. Кн. Дондуков, справедливо возмущенный этим поступком представительного лица, пишет министру внутренних дел и просит о высылке Кипиани из края, чтобы дерзость эта не прошла безнаказанно и не ободрила других.

Едва успел я прочесть эти документы, как получил телеграмму с известием из Озургет о новой выходке 18-летнего негодного ученика тамошнего духовного училища, исключенного за дурное поведение. Он напал на смотрителя училища и избил его до крови палкою по голове... Все это — явления, доказывающие, что необходима в здешнем крае общая строгая система мер для водворения порядка и уважения к власти. К несчастью, у здешних инородцев укоренилось понятие о том, что нынешнее управление стесняет их, а напротив того, надеются они на опору и защиту прежнего управления.

Погода прекрасная. Воздух здесь чудный и вокруг зеленые живописные горы. Дай Бог, чтобы Ваше Величество успели воспользоваться теперь теплым летом и облегчением от забот!

Вашего Императорского Величества
вернопреданный
Конст. Победоносцев

Кисловодск, 20 июня 1886

48

Ваше Императорское Величество изволили выразить некоторое удивление, почему убийца ректора Чудецкого не приговорен военным судом к смертной казни, а к каторге. В объяснение этого суд приводит, что преступник не достиг еще полного совершеннолетия (хотя о подлинном его возрасте нет вполне достоверных данных).

Но самое прискорбное в этом деле, по мнению моему, то, что суд производил это дело в публичном заседании, и подробный отчет об нем, с изложением всех речей, напечатан во всех газетах. Зала заседания наполнилась публикою, состоявшею в значительном числе из учеников разных учебных заведений и из грузинского элемента. Масса публики обнаруживала явно свое сочувствие преступнику, так что председателю приходилось ее сдерживать. И в присутствии такой публики защитник употреблял обычные приемы защиты, то есть, снимая вину с преступника, старался обвинять начальство, доказывая, между прочим, что начальство нарушает нрава ученика, когда отнимает у него запрещенную книгу.

К сожалению, кн. Дондуков не был в это время в Тифлисе; но и в отсутствие его председатель суда имел полное право закрыть заседание, как объяснил мне П. С. Ванновский. Он хотел при проезде через Тифлис обратить на это внимание. К несчастью, у нас теперь и судьи так деморализованы и бесхарактерны, что не решаются действовать от себя в подобных случаях. А таких случаев повсюду много, и Бог весть,

сколько деморализации внесено уже по разным углам России в праздную, плохо образованную и легко увлекаемую публику публичными заседаниями судов в делах подобного рода. А притом, когда заседание было публичное, то все газеты наперебой печатают отчет об нем, с легкомысленными, а иногда и безумными комментариями. Увлечение публики в свою очередь действует на судей. Это большое зло, и поистине необходимо прекратить его, а в военных судах огульное применение публичности вдвойне еще соблазнительно. В мае месяце Манассеин внес в Государственный Совет представление об ограничении публичности в судах. Нелегко будет провести его, несмотря на относительную его умеренность. Примечательно, что мы в России теперь только с трудом добиваемся права, которое давным-давно написано в обще-германском уставе, т. е. предоставление самому суду права закрывать заседание. Но германское правительство внесло нынешней весной проект закона о дальнейшем ограничении публичности, а мы боимся сделать и первый шаг в этом направлении.

Экзарх, коего положение здесь очень затруднительно и тяжело в виду поднявшегося грузинского безумия, приезжал сюда и прожил здесь неделю, в частых совещаниях со мною и с кн. Дондуковым. Много говорили о том, как поправить дело с семинарией. К сожалению, сколько не будет положено забот на внутреннее исправление,— не прекратить возбуждения извне, которое питается ослаблением коренных пружин власти в крае. Нельзя приравнивать здешнее управление к прочим частям империи: здесь необходимо вооружить главного начальника большим полномочием власти, а при образовании нового здешнего учреждения забота была о том, как бы ограничить ее. О самых настоятельных распоряжениях надобно списываться отсюда с Петербургом (например, о высылке отсюда безумных и вредных агитаторов), причем предположения начальника нередко не утверждаются или ослабляются, а от этого власть его теряет значение и дается повод всяким слухам и сплетням о власти, и надежда на поддержку из столицы вредным элементам. Так ото всех я слышу, что затруднения для власти увеличились после прошлогоднего пребывания здесь бывшего наместника, ибо воображение грузин и армян воспламенялось от нелепой надежды найти в нем поддержку и защиту от нынешнего управления. Здесь я познакомился с почтенным человеком, Марковым, директором тифлисской гимназии, который держит многолюдное и разноплеменное заведение в отличном порядке с давнего времени. Он педагог неутомимый и разумный, но он сказывал мне, чего стоит ему держать заведение в последние годы,— благодаря решительности характера и физической силе. Он принужден держать у себя револьвер в

кармане, и не раз успевал своей решительностью останавливать дерзкие приступы и преступные попытки. Ему угрожают убийством, равно как и попечителю округа Яновскому. Оба они, однако, изнурены и ждут не дождутся, когда выехать из здешнего края. Так рассуждают многие серьезнейшие из здешних деятелей.

Вслед за убийством ректора признано было нужным распустить немедленно семинарию, хотя настало уже время экзаменов. Это было необходимо и потому, что негодная часть воспитанников рассчитывала действовать на экзаменаторов террором для послабления экзаменов. Итак, экзамены отложены до половины августа. Нет сомнения, что и тут не обойдется без попыток запугивания наставников. Поэтому я признал нужным послать из Петербурга вице-директора канцелярии тайного советника Чистовича для присутствия на экзаменах. Затем придется значительно изменить состав корпорации и всех наставников из грузин, известных по участию в интригах и поджигательстве, перевести из Тифлиса во внутреннюю Россию.

Я позволяю себе и отсюда утруждать Ваше Величество своими письмами о здешнем крае, в той мысли, что иное сообщение будет, может быть, и не бесполезно. На прошлой неделе осматривал я вместе с кн. Дондуковым в 45 верстах отсюда очень интересную колонию меннонитов Темпельгов, или Орбелиановку. Это выходцы из Таврической губернии, поселившиеся здесь лет 18 тому назад на арендном праве близ Верблюжьей горы, на землях князя Орбелиани. Тут ничего не было, кроме голой степи, а теперь цветущее поселение из 40 дворов, с большими садами и виноградником. Они первые стали разводить тут виноград и теперь собирают до 500 ведер вина с десятины. Хозяйство их подлинно примечательно. Но всего приятнее то, что все они прекрасно говорят по-русски, это — редкость в немецких колониях. Для детей своих они устроили в степи прогимназию (которая помещается в домике, не отличающемся от всех прочих). Все преподаватели, из их же среды, приготовлены воспитанием в университетах, и преподавание всех предметов ведется на русском языке. Нас встретил у дома старшины оркестр духовой, из них же составленный, музыкою, и свой хор прекрасно пел по-русски: Боже царя храни. Эта колония оставляет самое приятное впечатление.

Кн. Дондуков выехал отсюда 10 числа и отправился на месяц в объезд по Терской и Кубанской области. Здесь я познакомился с начальн. Терской области ген. Юрковским, с ставропольским — Зиссерманом, и с черноморским — Никифораки. Всех их вообще хвалят. Напротив того, слышны дурные вести о карском губернаторе Томиче; конечно, я не упомянул бы об этих вестях и слухах, если бы с

Томичем не случился на днях скандал, после которого едва ли можно ему оставаться. Пишут мне из Тифлиса:

“Здесь все внимание поглощено дуэлью карского губернатора с инспектором карского училища из-за жены последнего. Инспектор дал губернатору пощечину на акте в женском училище, где жена инспектора — начальница”.

Не взыщите, Ваше Величество, за длинное письмо. Молю Бога, да хранит Вас невредимо со всем Вашим домом.

Вашего Императорского Величества
вернопреданный

Константин Победоносцев

Кисловодск, 17 июля 1886

49

Позволяю себе еще беспокоить Ваше Императорское Величество словом о сахарном деле.

Каждый день приносит мне новые свидетельства о том, какое волнение в умах возбуждено этим делом во всей России. Все ждут, чем оно разрешится, в виду происшедшего разногласия. Не ошибусь, если скажу, что победа большинства произведет тяжкое впечатление. Общее мнение таково, что нынешняя попытка нормировки есть не что иное, как искусный план, составленный в пользу спекуляции на сахар, искусно проведенный при двукратном обсуждении дела.

Я лично не имею сомнения в том, что это дело настроенное и есть последнее звено в ряду неоднократных попыток направить все законодательство о сахаре в пользу крупных заводчиков. Первая из этих попыток была на моей памяти, в 1872 году, расстроена Чевкиным в департамент. экономики, куда эти дела прежде направлялись и в то время собраны были для разъяснения дела ценные исследования, которые теперь не были в виду комитета министров.

Дело это имеет в моих глазах еще и другое важное нравственное значение.

Если в комитете министров составилось такое большинство, это надо приписать исключительно тому решительному влиянию, которое приобрел Абаза и на министра финансов, и на Сельского, и на Островского, и на Рейтерна, и на других членов, не имеющих возможности вникнуть в дело, но уступающих господственному тону Абазы в речах его. Я знаю двух или трех, которые накануне заседания решительно протестовали против нормировки, а в заседании пошли за большинством.

Но Абаза в самом департаменте экономики, где он председательствует, господствует почти без возражений. Своих противников, возражающих ему, он подавляет так бесцеремонно, что это становится тяжело для многих, а для дел решительно вредно. По множеству дел, которые д-т экономики рассматривает в соединенном присутствии с д-том законов, председательствует тоже Абаза и с тем же деспотизмом проводит, что ему угодно. Некоторые члены Госуд. Совета так возмущены этим, что уклоняются от участия в прениях. Такое преобладание Абазы — особливо в важнейших финансовых мерах — отзывается очень вредно.

Если теперь он выйдет победителем из этого дела, влияние его, несомненно, усилится, и в этом не будет ничего хорошего для дел Государственного Совета, который и без того оскудел крепкими силами.

Простите, Ваше Величество, если эти строки покажутся Вам неуместным вмешательством. Но дело представляется мне важным. Финансы — такое больное место в нашем государственном управлении, и всякая ошибка в финансовой политике влечет за собой такие гибельные последствия, что невозможно оставаться в спокойном ожидании, что будет дальше.

Константин Победоносцев

Петербург, 2 ноября 1886

50

При множестве бумаг, поступающих на рассмотрение Вашего Величества, я лишь изредка позволяю себе представлять на воззрение Ваше сведения о важных и любопытных явлениях церковного быта, хотя их очень много.

Почитаю нелишним обратить внимание Вашего Величества на письмо архимандрита Соловецкого монастыря Мелетия, на днях полученное мною. Дело идет об учреждении очень важном для Мурманского, совершенно пустынного и забытого края, — о восстановлении древнего Печенегского монастыря св. Трифона (которого память и до сих пор чтится лопарями). Для этого дела, о котором давно стараются и просят местные жители, собрано до 30 000 руб. добровольных пожертвований. Но оно не двигалось, пока синод не решился отдать его на попечение Соловецкого монастыря. Слава Богу, летом положено ему начало, как описано в прилагаемом письме. Кроме этого донесения, я имею еще интересные сообщения о том же от нового нашего консула в Финмаркене, Островского, очень усердного и знающего край человека.

Достоин примечания то, что писано здесь о древней церкви Бориса и Глеба, на самой границе с Норвегией, в так назыв. Пазрецьком погосте лопарском, в углу, отрезанном и от Мурмана и от всей остальной России. Здесь, в совершенной глуши и пустынности, один достойный священник, о. Ще-колдин, посреди нищеты и скудости всякого рода, один сеет и поддерживает первоначальную культуру и религиозное чувство в лопарском населении. Этот священник открывает теперь у себя приходскую школу, в чем стараемся помочь ему. Чтобы оценить энергию такого скромного деяния, надо сравнить его с норвежскими соседями. В 10 верстах от него, через границу, живет в прекрасном казенном доме пастор, получающий 3200 крон (около 1700 р.) и даровые разъезды, доктор, с жалованием в 2600 крон, и шесть школ, в коих учителя получают 24 кроны в неделю. Щеколдин получает 700 р. бумажками и псаломщик его — 300 рублей.

Константин Победоносцев

27 ноября 1886

51

Смею утруждать внимание Вашего Императорского Величества делом, имеющим первостепенную важность для России, особливо в нынешнее трудное время.

Это — постоянное, изо дня в день, беспримерное колебание нашего курса и нынешнее беспримерное его падение.

Покуда мы не освободимся от этого бедствия, мы бессильны и принуждены терпеть обесиление всех производительных сил государства, подчиняясь какой-то таинственной силе, управляющей извне ценностью наших денег. И это крайне позорно для нас, потому что с нами только происходит. Стыдно подумать, что в маленьких государствах, — в Сербии, в Румынии, — монетная единица держит свою нарицательную цену, а наш рубль падает в цене по мановению берлинской биржи, без всякой рациональной причины. Стыдно подумать, что Австрия, имеющая самые жалкие и расстроенные финансы, дает нынче едва не один гульден за рубль Российской империи, коей финансовое положение неизмеримо прочнее и выше австрийского. В то же время процентные наши бумаги держатся в высокой цене. Но ценностью нашего рубля играет в свою пользу бессовестно какая-то внешняя сила, причиняя нам ежегодную потерю свыше полутора миллиона, так что за весь период времени колебания курса мы отдали иностранным банкирам даром свыше двух миллиардов рублей!

С этим положением невозможно примириться. В случае войны оно грозит нам страшными затруднениями. Мы попали в кабалу берлинской биржи, — и, кроме ее, все остальные пути нам закрыты. В Англии, во Франции капиталы ропщут, что мимо Берлина нельзя иметь прямого дела с нами.

Что за причина этого явления? Неужели нет нам средства прекратить зло и восстановить ценность наших денег непоколебимо?

Немудрено, что эти вопросы волнуют душу каждого патриота русского. В последние годы особенно я предлагал их многим. Признаюсь, что ответы наших государственных людей не удовлетворяли меня: они были основаны на отвлеченной книжной теории, которая казалась мне не имеющей смысла в применении к России. Из нее все-таки не мог я понять, какие могут быть действительные, рациональные, внутренние причины колебанию нашего курса.

Напротив того, люди, изучившие практическую сторону дела, опытные знатоки жизни и биржи, постоянно говорили мне, что все колебание нашего курса основано на иллюзии, на обмане, и есть не что иное, как ловкая эксплуатация нашей простоты законами берлинской биржи и состоящими в связи с ними нашими государственными банкирами, сначала Щтиглицом, потом Заком и К°, что положить этому предел не только необходимо, но и весьма возможно, если только с нашей стороны будет понятно, что с нами играют, и кто и как играет с нами.

Объяснения этих людей казались мне совершенно ясны и понятны.

Я просил одного из них, очень умного и сведущего человека, написать покорооче и пояснее записку об этом предмете и на днях получил ее.

Предмет этот — величайшей для нас важности. Вот почему я решаюсь не только представить эту записку Вашему Императорскому Величеству, но и всеподданнейше просить Вас лично прочесть ее. Вашему Величеству представляется много записок, и нет возможности читать их все, но эта заслуживает особого внимания. Написана она ясно, без лишних слов, и дает ясное, непосредственное понятие о предмете самого животрепещущего интереса.

Константин Победоносцев

Петербург, 3 декабря 1886

52

В дополнение к тому, что я имел честь докладывать Вашему Величеству в прошлую пятницу, долгом почитаю представить следующее.

После того я виделся еще раз с Поляковым и расспрашивал его. Речь его кратко заключается в следующем:

“Владеть железными дорогами на Востоке, значит владеть фактически страной. Итак, для нас было бы великою силой, когда бы дороги в Турции, Болгарии, Персии и т. п. могли быть в русских руках.

Железные дороги в Европейской Турции и в Болгарии, построенные турецким правительством, ныне состоят на 50 лет в владении австрийских капиталистов, на акционерном праве. Управляют ими люди, присланные из Австрии (одна дорога — от Рушук до Варны принадлежит английской компании, коею построена. Болгарское правительство намерено было выкупить ее, но не могло за недостатком средств, а происшедший переворот вовсе остановил это дело).

Мне стало случайным образом известно, что есть план перевести турецко-болгарские дороги в английские руки, при участии совокупном английского правительства с австрийским. План этот может быть приведен в исполнение втихомолку, путями коммерческими (так как всякая акция представляет ценность, подлежащую вольной продаже), — подобно тому, как Англия втихомолку сделалась владелицею всех акций Суэцкого канала.

Это будет новым злом для России. Напротив, русское правительство, когда бы решилось действовать подобным же образом, то есть путем коммерческим, чрез посредство частных лиц и под прикрытием частного интереса, могло бы тоже втихомолку перевести эти дороги в русские руки.

Имея это в виду, я попробовал вступить в дело под видом своего частного интереса и вошел в сношение, конечно, приватное и секретное, с лицами, у коих в руках пружины дела. Как эти дела суть обычные в коммерческой сфере, то мое участие и не могло возбудить подозрения, тем более, что ныне и подозрения нет на подобные планы русского правительства. Вначале оно было, потом сменилось удивлением, как это русское правительство уклоняется от всех подобных предприятий в виду важного политического их интереса; а, наконец, уже и на мысль не приходит в сферах коммерческих о возможности подобных комбинаций.

Чтобы устранить всякое подозрение, я выставил вперед посредничество в этом деле голландской биржи. В Амстердаме предположено мною составить синдикат для ведения всего этого дела, так что оно получило бы вид исключительно частного интереса.

Итак, я считаю вполне возможным, не горячась и не спеша, обыкновенным коммерческим путем приобрести акции железных дорог турецкой постройки.

А затем, чрез некоторое время, с такою же осторожностью и втихомолку русское правительство могло бы перевести эти акции в свои руки.

Но для успеха в этом деле требуется совершенный секрет.

Вы спрашиваете, отчего я не желаю сделать его известным министерству иностранных дел. Оттого, что мы научены горьким опытом. Во-первых, министерство иностранных дел не может соблюсти секрет: дело огласится в канцеляриях, отразится в переписке, и тогда все пропало. Во-вторых, министерство наверное станет возражать по своему обычаю: все подобные планы ему неприятны. Во всех подобных случаях мы слышим от него один ответ: “у нас и без того заботы много, а это дело доставит нам новую. Иностранные державы узнают, станут возражать, — и что мы им ответим? Пойдет переписка. Нет, оставьте нас в покое”. Министерство во всех подобных случаях мешало устройству на иностранных рынках тех важных для политики коммерческих предприятий, которые сами иностранцы, напротив того, совершают на нашем рынке свободно и беспрепятственно. Вот наша Домбровская дорога перешла уже вся в руки немцев и управляется теперь из Берлина, а мы не могли устроить нигде подобной операции.

Вот почему я не вижу в настоящем случае иного пути и способа, как обратиться к личному усмотрению Государя Императора. Если Его Величеству угодно будет признать этот план полезным для России и подлежащим к осуществлению, я с ревностью примусь устраивать дело для правительства и для пользы государственной, — и верьте мне, что я тут не имею в виду вовсе личного интереса. Если же Его Величество изволит признать почему-либо, что предприятие сего рода не входит ныне в виды правительства, я вовсе оставлю его и не стану хлопотать об нем”.

Вот доселе шла речь Полякова. Конечно, всего легче было бы сказать ему, что дело это вовсе до меня не касается. Но мысль эта столь серьезная, что я счел долгом не уклониться от представления оной на воззрение Вашего Величества.

К тому еще почитаю нелишним добавить:

1. Мне известно, что несколько времени тому назад английская компания, владеющая Рушукско-Варнской дорогой, предлагала одному из влиятельных и знающих лиц здесь, в Петербурге, продажу акций в русские руки. Но это лицо, обратившись в м-ство иностр. дел, встретило противодействие плану.

2. Известно мне, что князь Мингрельский, помышляя о возможности своего призвания в Болгарию, серьезно останавливается на мысли о необходимости устраивать там дороги русскими руками и в русских руках и на днях совещался об этом предмете с знающими людьми.

Если бы Вашему Величеству угодно было что-либо сообщить мне, благоволите дать знать — я по обычаю уезжаю сегодня, в 9 ч. вечера, в Гатчину.

(Написав это, получил телеграмму, что завтра не будет занятий у цесаревича.)

Константин Победоносцев

Петербург, 11 декабря 1886

53

Часто я утруждаю Ваше Величество письмами, но трудно удержаться, когда дело имеет важность, а мне кажется, что никто другой не доложит об нем.

На днях, по всей вероятности, будет представляться Вашему Величеству М. Х. Рейтерн.

Я имею основание предполагать, что на мысли у него просить об увольнении его от звания председательствующего в комитете министров. Поводы к тому, конечно, будут представляемы уважительные: болезнь, ослабление сил, наконец слепота, которая, как слышно, может вызвать четвертую уже по счету операцию.

Очень жаль будет потерять его и очень трудно заместить. Я поистине скажу, что во всю мою жизнь, присутствовав в бесчисленных заседаниях, я ни разу еще не встречал такого председателя, что для дел комитета очень важно. Голова у него замечательно свежая, дела он всегда знает отлично (несмотря на то, что сам читать не может), следит за прениями во всех подробностях, сохраняя полнейшее спокойствие и достоинство, резюмирует сказанное коротко и ясно и в трудных случаях с большим искусством проводит дело к решению. Когда он отсутствует, это очень явственно отражается на делах комитета (что особенно заметно было при гр. Палене). Притом Рейтерн держит себя вполне беспристрастно, даже по таким делам (как, напр., Остзейским), где можно было бы предполагать сторонние на него влияния.

Но мне кажется, что при некотором сопротивлении и при лестном для него внимании Вашего Величества он остался бы. Правда, что здоровье его пошатнулось, но не так сильно, как он думает (он мнителен). Глаза у него плохо видят, но голова совсем свежа. Жизнь он

ведет самую регулярную, и я думаю, что, удалившись от дел, к коим привык, он скучать будет. Если бы потребовалось ему удалиться на некоторое время для леченья, возможно было бы назначить ему временного заместителя на случай болезни. Подобные назначения бывали: при покойном Государе по случаю болезни гр. Блудова назначен был в качестве заместителя или вице-председателя в комитете кн. Гагарин.

Притом еще доходили до меня стороною слухи, что Рейтерн был бы очень чувствителен к внешним знакам внимания Вашего Величества. Честолюбие не дремлет и иногда в старости еще сильнее разгорается. Я слышал, что он ждал себе к коронации титула или портрет. И теперь, вероятно, награда ободрила бы его.

Константин Победоносцев

Петербург, 16 декабря 1886

1887 ГОД

54

Сегодня слушалось в общем собрании Государственного Совета внесенное Манасеиным дело об ограничении публичности в судах. К сожалению, мы оказались в меньшинстве — 20, тогда как на противной стороне 31. Разногласие по вопросу, имеет ли право министр юстиции в исключительных случаях предлагать судам о недопущении публики.

В последнюю минуту многих сбил с толку граф Пален довольно странным аргументом, на многих однако подействовавшим: “Право публичности есть-де такое священное право, что, кроме суда, его может коснуться, по каждому делу, только верховная власть! И стало быть, когда Министр юстиции присвоит себе это право, он тем самым присвоит себе право верховной власти”. Стало быть, всякий раз, когда где-нибудь в маленьком городке потребуются, по сведениям, устранить публику, необходимо не иначе, как спрашивать Высочайшее повеление.

Как ни странно такое рассуждение, однако оно увлекло многих, кажется, и самого председателя.

Константин Победоносцев

10 января 1887

55

В особенных случаях я позволяю себе утруждать Ваше Величество просьбами о поощрении школьных учреждений присылкою иконы от имени Вашего.

Этот знак Высочайшего внимания к усердию местных деятелей в таком важном деле имеет великое значение и благотворительную силу, особливо в таких местах, где русскому и церковному элементу приходится бороться с иноверными и инородческими влияниями.

А где находятся усердные и энергические деятели, там учреждение приходских школ производит поразительное действие. В самое короткое время преобразуется быт и настроение крестьян, и в самые дикие углы проникает свет и осмысленность.

Я считаю великим делом — отыскивать такие явления (большею частью в глухих местах) и тотчас же обращать на них внимание. Видя это, местные деятели получают нравственную опору, и пример их вызывает других на подражание.

С этою целью посылаю я от времени до времени для объездов по селам состоящего при мне толкового человека обозреть начинающееся школьное дело. Так, объехал он летом Северо-Западный край, а осенью — Киевскую, Волынскую и Подольскую губернии. Этим путем добываются драгоценные сведения и завязываются живые связи. Так, например, недавно в глуши Таращанского уезда Киевской губ., посреди тьмы невежества, пьянства, в среде, зараженной штундою, отыскались 3 молодых священника, неведомые своему начальству, в нужде и унижении работающие с утра до ночи над просвещением темной массы,— один из них, например, успел в 2 года искоренить штунду в своем приходе,— и эти люди, имея по 5—6 человек детей да еще бедных родных на руках, должны существовать с семьей на какиенибудь 200 рублей в год и истощаются в голоде и холоде. Если человек такой некорыстен, то положение его ужасно. Так, священник, о коем идет речь, за требы не берет. Доходов церковных бывает от 3 до 13 копеек в большие праздники. Было 3 свадьбы,— за две ничего не дали, за третью дали 55 коп. (Это там, где есть сектанты, в обыкновенных же условиях дают за свадьбу от 10 до 15 рублей.)

Можно себе представить, как важно для такого труженика получить пособие вовремя, а никто не дает ему. Узнавая такие случаи, я посылаю им что можно,— к счастью, имеются для того кое-какие средства из денег, пожертвованных Кенигом и другими благотворителями. Так, например, этим трем священникам послано к празднику по 250 руб., и они ожили духом.

Прошу прощения за это предисловие к моей просьбе. Она состоит в следующем.

В Могилевской губернии, в Климовецком уезде, есть молодой помещик Мещерский. Живя в деревне безвыездно, он со всем жаром принялся за школьное дело и в короткое время достиг замечательных успехов (прилагается краткая о сем записка). Узнав о нем случайно, я посылаю к нему людей, старался доставлять ему пособия. Теперь дело его растет. Детей узнать нельзя,— из них составились целые хоры певцов, и вслед за детьми преобразуются родители. Действие школы распространяется дальше и дальше по уезду. Дело это вполне заслуживает милостивого внимания Вашего Величества. Не благоволите ли и на этот раз пожаловать икону от имени Вашего в центральную школу села Милославичей. Это придаст новую силу всему движению.

21 января 1887

56

Простите, Ваше Величество, что нарушаю покой Ваш своими письмами; но что делать, когда душа не терпит.

Я только что прочел новую драму Л. Толстого и не могу прийти в себя от ужаса. А меня уверяют, будто бы готовятся давать ее на Императорских театрах и уже разучивают роли.

Не знаю, известна ли эта книжка Вашему Величеству. Я не знаю ничего подобного ни в какой литературе. Едва ли сам Золя дошел до такой степени грубого реализма, на какую здесь становится Толстой.

Искусство писателя замечательное,— но какое унижение искусства! Какое отсутствие,— больше того,— отрицание идеала, какое унижение нравственного чувства, какое оскорбление вкуса! Больно думать, что женщины с восторгом слушают чтение этой вещи и потом говорят об ней с восторгом. Скажу даже: прямое чувство русского человека должно глубоко оскорбиться при чтении этой вещи. Неужели наш народ таков, каким изображает его Толстой? Но это изображение согласуется со всею новейшею тенденцией Толстого,— народ-де у нас весь во тьме со всею своей верой, и первый он, Толстой, приносит ему новое свое евангелие. Посмотрите-ка, вот в чем ваша вера,— баба, убивая несчастного ребенка, не забывает окрестить его и затем давит...

Всякая драма, достойная этого имени, предполагает борьбу, в основании которой лежит идеальное чувство.

Разве есть борьба в драме Толстого? Действующие лица — скотские животные, совершающие ужаснейшие преступления просто, из побуждений животного инстинкта, так же, как они едят, пьют и пьянствуют: ни о какой борьбе с высшим началом нет и помину. В виду зрителя, можно сказать, проходят на сцене одно за другим: отравление мужа, несколько скотских кровосмешений, подговор матерью сына и жены к преступлению, наконец, страшное детоубийство, с хрустением костей и писком младенца,— и все это без борьбы, без протеста, в самой грубой форме, в невозможных выражениях мужицкой речи, с цинизмом разврата, с пьянством. И не видать тут живого лица человеческого,— разве что бледная Марина да старик Аким,— и тот какое-то расслабленное создание без воли, только натура добрая и покорная. Говорят, что конец нравственный. Не нахожу и этого,— покаяние Никиты на конце, посреди гостей, размертво пьяных, представляется тоже каким-то случайным явлением, которое ничего

нравственно не закрепляет в этой развратной среде, ничего не решает, так что этот момент пропадает, можно сказать, в страшном впечатлении безотрадного ужаса в течение всех 5 актов драмы.

В том же роде есть музыкальная драма Серова “Вражья сила”; но какая разница! Там зритель глубоко потрясен, но совсем иначе, там форма чистая, там есть борьба, борьба со страстью, и покаяние преступника, увлеченного страстью, действительно венчает драму. А у Толстого в драме даже страсти нет, нет увлечения, как нет и борьбы, а есть только тупое, бессмысленное действие животного инстинкта,— и вот почему она так противна. В “Преступлении и Наказании” у Достоевского, при всем реализме художества, через все действие проходит анализ борьбы,— и какой еще!— и идеал ни на минуту не пропадает из действия.

А это что такое? Боже мой, до чего мы дожили в области искусства!

День, в который драма Толстого, будет представлена на Императорских театрах, будет днем решительного падения нашей сцены, которая и без того уже упала очень низко. А нравственное падение сцены — немалое бедствие, потому что театр имеет громадное влияние на нравы в ту или в другую сторону.

Воображаю первое представление. Ложи наполнены кавалерами и дамами высшего общества, любителями и любительницами сильных дневных и ночных ощущений. Дамы в роскошных туалетах жадно смотрят на представление из чуждого им “мужицкого” мира, в котором живут и двигаются тоже люди, но похожие на животных. В каждом акте ощущают приятный “ужас”. В 5-м акте,— по случаю детоубийства, с хрустением косточек и писком, матери станут плакать — о! какие фальшивые слезы... Разве не похоже будет на то, как в прошлом столетии собирались нарядные дамы самого образованного в Европе общества смотреть на публичную казнь и мучения преступников, и тоже плакали, между конфетами и мороженым?

Но это не все. Пьеса станет модною. Вся петербургская публика от мала до велика потянется в театр. Нравственный уровень нашей публики очень низок, равно как и вкус ее. Ложи наполнятся молодыми девицами и малолетними детьми (это наверно, ведь их берут же в театр на оперетки). Какова будет в нравственном отношении привычка смотреть в течение нескольких часов живую картину разврата, преступлений и дикого быта. Дети, вернувшись домой, станут повторять со смехом и шутками слышанные ими в театре фразы и слова, вроде: “однова дыхнуть, скуреха, осторожная шкура, в рот тебе пирог с горохом” и т. п.

Но и это далеко не все. Петербургские увеселения дают тон увеселениям во всей России. Ныне в каждом сколько-нибудь значительном городе есть театры, на которые переходит, развращая нравы праздной публики, всякая нечисть петербургских и московских сцен. Завелись уже по местам театры и в селах. В Москве заведен, в милостивом ведении местной администрации, под именем народного, театр под фирмою “Скоморох”, где толпится, по ценам от 5 до 60 копеек, публика в рубахах и тулупах, слушая пьесы общего театрального репертуара, и в антрактах развлекается буетом с водкою.

Драма Толстого облетит все эти уездные и сельские сцены. Представляю себе крестьянскую и рабочую, фабричную публику такого представления: что она из него вынесет? Картина преступлений возмутительных выступает перед публикой, как обыденное явление дикого быта, без малейшего возвышения духа: тут люди, живущие инстинктом, без идеи, возле всюду сущего кабака, увидят воочию, как просто и с какою легкостью совершаются в этой среде преступления. Рассказывают, что, когда Толстой, собрав крестьян и дворовых, читал им свою драму, чтоб видеть производимое ею впечатление, один из лакеев на вопрос об Никите отвечал: “все хорошо шло, да под конец сплеховал”. Немудрено, что подобное впечатление вынесет масса зрителей, погруженных, подобно действующим лицам, в ту же тину одних материальных инстинктов и интересов.

А что почувствуют лучшие, здоровые, честные представители народа?

Они, несомненно, будут оскорблены в лучших своих ощущениях. Подумают так: “вот чем вздумали забавляться бары! Вот, видно, как они понимают народ. Неужели же все мы, простые русские люди, в нашем домашнем быту такие скоты и мерзавцы? стыдно. А если бы кто вздумал так выставить графов да князей, да больших бояр,— небось, не позволили бы, запретили бы давать пьесу. Это не то, что наш брат”. Нехорошо, если так заговорят честные и нравственные русские люди.

Стоит подумать еще и о том, как отзовется такое публичное представление русского сельского быта у иностранцев и за границею, где вся печать, дышащая злобою против России, хватается жадно за всякое у нас явление и раздувает иногда ничтожные или вымышленные факты в целую картину русского безобразия. Вот, скажут, как сами русские изображают быт своего народа.

И то уже нехорошо, что в эту минуту драма Толстого, напечатанная в виде н а р о д н о г о издания в громадном количестве экземпляров, продается теперь по 10 копеек разносчиками на всех перекрестках; скоро она обойдет всю Россию и будет в руках у каждого,

от мала до велика. На заглавном листе поставлено: “для взрослых”, но ведь это объявление само привлечет к книжке всех несовершеннолетних и малолетних, и, конечно, во всех учебных заведениях она уже и теперь читается с жадностью.

Что же будет, когда ее поставят на театрах!

Простите, Государь. Я высказал все и облегчил свою душу.

Константин Победоносцев

18 февраля 1887

57

Мне известно участие, принимаемое Вашим Величеством в судьбах северного края, который гложет и приходил в запустение по мере того, как отнималась от него заботливая рука правительства.

Для местных деятелей, т. е. для оживления их, чрезвычайно важно живое свидетельство об участии Вашего Величества к этому краю.

Вот почему сожалел я, что приехавшему сюда архангельскому губернатору кн. Голицину не довелось лично доложить Вашему Величеству о нуждах своей губернии. Вас не решились беспокоить с просьбою о приеме его перед отъездом, а его самого порча дорог понуждает спешить, и он предполагал уже выехать завтра.

При личных с ним объяснениях я видел с удовольствием, что он любит край, относится к его нуждам деятельно и никак не желает оставлять его.

При последнем с ним свидании на днях я видел, что он уезжает отсюда с печальной заботой по случаю решительного закрытия архангельского порта и взятия оттуда двух последних военных судов, которое, по-видимому, решено в морском министерстве бесповоротно, несмотря на все просьбы и убеждения губернатора, считающего пребывание немногих военных судов в Белом море делом существенной необходимости для края.

Заметив, что я интересуюсь этим делом, Голицин доставил мне записку, которая, вероятно, неизвестна Вашему Величеству.

В виде важности предмета позволяю себе представить ее на Ваше благоусмотрение.

Константин Победоносцев

22 февраля 1887

По поводу нынешнего движения к православию в Прибалтийском крае и принимаемых правительством новых мер заграничные немецкие газеты наполняются невообразимыми сплетнями и клеветами. Рассказываются невероятные истории о преследованиях и стеснениях. Известно, что нет такой лжи, которой бы не поверили бы иностранцы, когда она рассказывается о России. К сожалению, и из русских, особливо из числа знатных здешних дам, с иностранного голоса тоже верят всяким нелепостям и кричат о преследовании будто бы лютеранства!

Я получил из-за границы, из Швейцарии, торжественное послание от членов евангелического союза. Видно, хотят они повторить бывшую в 50-х годах полемику; но тогда пытались замешать в нее дипломатию и обращались с претензиями и жалобами к кн. Горчакову. Теперь обращаются,— что гораздо удобнее,— к обер-прокурору синода.

Я счел долгом отвечать им и на днях отослал свой ответ в Шафгаузен. Но для того, чтобы ознакомить, в случае надобности, кого следует с этим делом, я распорядился напечатать эту переписку, не для распространения в публике, в малом количестве 75 экземпляров.

Долгом почитаю представить эту брошюрку к сведению Вашего Императорского Величества.

Константин Победоносцев

28 февраля 1887

Все эти дни я провожу в каком-то тяжком отупении от того, что произошло 1 марта. В этот день я испытывал тревожное волнение по какому-то безотчетному чувству. Случилось, что 1 марта через 6 лет пришлось опять в воскресенье. Случилось еще, что ко мне поутру зашел в тот же час тот же самый человек, кто был у меня в самый час катастрофы 1 марта 1881 года,— и с тех пор лицо его всякий раз живо напоминало мне ужасную минуту.

Всего больше тревожит мысль о том смущении, которое это происшествие возбудило в душе у Вашего Величества: вот о чем всего больше думать. Я хотел тотчас писать Вам, но удержался: и Вас не решался тревожить, и у самого в душе было очень смутно.

Тяжело теперь жить всем русским людям, горячо любящим свое отечество и серьезно разумеющим правду в жизни. Было тяжело, и есть, и, горько сказать, еще и будет. У меня тягота не спадает с души, потому

что вижу и чувствую ежечасно, каков дух времени и каковы люди стали. На крапиве не родится виноград, из лжи не выведешь правду; из смешения лени, равнодушия, невежества с безумием и развратом не возникает сам собою порядок. Что мы посеяли, то и должны пожинать. Всем равнодушным к правде людям очень темно и тяжело, ибо, сравнивая настоящее с прожитым, давно прошедшим, видим, что живем в каком-то ином мире, где все точно идет вспять к первобытному хаосу, и мы посреди всего этого брожения чувствуем себя бессильными.

Но изо всех крестов, которые лежат на нас, всех тяжелее тот крест, на который провидение Вас обрекло, Ваше Величество. Я видел, как Вам тяжело было принимать его на свои плечи. И не достало бы сил нести его, когда бы не было в душе сознания и веры, что это — великая жертва, на которую Богу угодно было обречь Вас, и что уклониться от этой жертвы — значит обречь весь народ свой, всю Россию на полный хаос, на конечную гибель. Вспоминается пророчество Каиафы...

Я знаю, что в Вас есть это сознание и эта вера. Она, и только она одна дает Вам силу, чтобы не поникнуть головой посреди смятения жизни, дает спокойствие духа, необходимое для того, чтобы возможно было удержать в себе живость и крепость воли для державы правления.

В Западной Европе повсюду заговоры социалистов и анархистов и взрывы адских снарядов стали едва ли не ежедневным явлением. В Германии готовы были,— и только случай помешал,— взорвать императора со всей свитой при открытии памятника. Там это стало обычным явлением,— отсюда явилась эта зараза и по грехам нашим привилась к нам; но всякое этого рода явление у нас подхватывается врагами нашими, как орудие против нас. Правда, что у нас оно значит гораздо более, чем там,— и враги наши хорошо это знают,— и Бог знает еще, чья хитрая рука направляет, чьи деньги снабжают наших злодеев, людей без разума и совести, одержимых диким инстинктом разрушения, вырождков лживой цивилизации...

Нельзя выследить их всех,— они эпидемически размножаются; нельзя вылечить всех обезумевших. Но надобно допросить себя: отчего у нас так много обезумевших юношей? Не оттого ли, что мы ввели у себя ложную, совсем несвойственную нашему быту систему образования, которая, отрывая каждого от родной среды, увлекает его в среду фантазии, мечтаний и несоответственных претензий и потом бросает его на большой рынок жизни, без умения работать, без определенного дела, без живой связи с народным бытом, но с непомерным и уродливым самолюбием, которое требует всего от жизни, само ничего не внося в нее!

Боже, помилуй нас грешных и спаси бедную Россию и от своих, и от чужих!

Да подаст он Вашему Величеству силу не только терпеть, но и действовать посреди тяжких испытаний!

Веруем мы, простые русские люди, что он не оставит Вас и с Вами бедную, страдающую и верующую Россию!

Константин Победоносцев

Петербург, 4 марта 1887

60

Дозвольте, Ваше Величество, беспокоить Вас по делу, коему придаю политическую важность.

Сейчас дошло до меня, что Вы изволили приказать объявить на общем основании Каткову предостережение за статью в № 66 “Московских Ведомостей” и вообще за направление статей его по внешней политике.

Прежде всего, оговариваюсь, что я нисколько не оправдываю Каткова и не извиняю его и не имею в виду его личного положения; но имею в виду то значение, которое приобрели вместе с лицом его “Московские Ведомости”.

Правда, как Вы изволили однажды и мне выразиться, что Катков забывается и принимает тон, несоответственный с его положением.

Но один ли он виноват в том? Виноваты во многом правительственные лица, которые поставили его в положение ненормальное и вскружили ему голову. Всякий забудется, если его выведут из пропорции и придадут ему несоразмерное значение.

Катков — высокоталантливый журналист, умный, чуткий к истинным русским интересам и к твердым охранительным началам. В качестве журналиста он оказал драгоценные услуги России и правительству в трудные времена. Он стал предметом фанатической ненависти у всех врагов порядка и предметом поклонения, авторитетом у многих русских людей, стремящихся к водворению порядка. То и другое — крайность, но то и другое — факт немаловажного политического значения. Факт, с которым приходится считаться.

Вся сила Каткова в нерве журнальной его деятельности, как русского публициста, и притом единственного, потому что все остальное — мелочь или дрянь, или торговая лавочка.

Но зачем было делать из Каткова государственного человека? Были министерства, в коих ничто важное не предпринималось без участия Каткова. Этим его испортили и вывели его из пропорции. Он

писал превосходные статьи, но можно было им радоваться, а не делать из них государственного события. Особенно в виду иностранной прессы и иностранной дипломатии, придававшей статьям Каткова значение статей, внушаемых свыше, следовало бы правительству избегать всего того, что могло быть истолковано в смысле солидарности правительства со статьями Каткова. Вот почему я не порадовался, когда прочел в газетах рескрипт, в прошлом году предложенный к подписанию Вашего Величества И. Д. Деляновым; не радовался, когда Катков приезжал сюда из Москвы на продолжительное время, и в здешнем обществе, живущем сплетнями, и в заграничной прессе поднимались вздорные толки, что с ним ежедневно совещаются о делах внешней политики. Мудрено ли, что по вопросам этого рода Катков, получая на статьи свои и записки одобрение из высших сфер, более и более выходил из пропорции?

Однако же, то ложное освещение, которое получил Катков и у нас, и за границей, есть несомненный факт. Все, что происходит с “Московскими Ведомостями”, становится событием не только всероссийским, но и европейским. Падение “Московских Ведомостей” есть великое торжество одной партии (к сожалению, именно партии врагов России и порядка) и великое уныние для другой партии, противоположной. Прибавлю еще, что Катков, при всех своих недостатках и увлечениях, очень дорог своей газетой именно теперь, в эпоху смуты, что когда его не будет, решительно нечем будет заменить его в нашей распушенной и бедной серьезными талантами печати; и, наконец, что эта минута, которой нельзя не опасаться, вероятно, уже недалека, потому что Катков едва ли долго продержится.

Теперь позволяю себе обратить внимание, Ваше Величество, на последствия, вероятные в том случае, если будет на общем основании опубликовано предостережение Каткову за направление статей его по внешней политике.

Телеграф разнесет это известие по всем концам мира. Это будет замечательное политическое событие. Оно будет истолковано в смысле поворота нашей политики. Оно отразится на бирже. Оно вызовет торжественные демонстрации во всех больших городах и, между прочим, со стороны враждебных России партий. Внутри России произойдет крайнее недоумение и смущение. Притом, зная настроение и натуру Каткова, я уверен, что он вслед за предостережением прекратит издание “Московских Ведомостей”. Это будет крайним смущением для массы читателей русских и, смею думать, во всяком случае будет утратой для правительства силы весьма значительной, силы нравственной.

Стоит ли всего этого статья, правда, неприличным и безумным тоном написанная?

Вполне понимаю однако, что невозможно относиться равнодушно к этому тону и к этой манере статей Каткова. Однако примечаю, что до сих пор никто властным тоном и властной речью не говорил еще Каткову, что ему необходимо воздержаться, что этот тон и эта манера не только не одобряются, но и строго осуждаются Вашим Величеством. Министр внутренних дел,— власть непосредственная над ним,— ни разу не имел с ним положительного объяснения по этому предмету. Напротив того, сам Катков мог иногда воображать, что статьи его угодны правительству.

Ваше Величество, Вы, конечно, поверите, что одно лишь старание о благе и о мире побуждает меня писать это письмо. Министр внутренних дел в отсутствие; я предвижу, что предположенная мера в настоящих обстоятельствах не будет иметь благих последствий.

Позвольте представить на благоусмотрение Ваше следующее. Можно достигнуть того же результата, но с избеганием нежелательных последствий, в другой форме. То же предостережение, но еще суровее и действительнее, могло бы быть объявлено Каткову от имени Вашего Величества, только не в официальной форме и без опубликования. Для этого Феокистов мог бы съездить в Москву или гр. Толстой лично мог бы передать Каткову все то, что Вашему Величеству угодно было выразить. Тут Катков в первый раз положительно усмотрел бы неудовольствие и гнев Вашего Величества. Я не сомневаюсь, что он принял бы это внушение со всей покорностью и не замедлил бы или изменить тон, или вовсе уклониться от полемических статей по важнейшей политике.

Константин Победоносцев

Петербург, 11 марта 1887

61

Письмо это писано человеком верующим и глубоко изучившим писание и отцов церкви. Тон его торжественный. Оно оканчивается воззванием к царской власти: да сокрушит нечестие и нечестивых.

Сколько подобных воззваний присылается со всех концов России от простых русских людей, сбитых с толку, не понимающих, что вокруг делается, и ищущих выхода.

Понятно, что иного выхода они не видят, иного спасения не чают, как от царской власти. Преданием держится вера, что царь все может сделать, и что от его слова преобразится лицо земли русской.

Больно читать эти письма. Увы! Простые люди не знают, что все в учреждениях и людях весьма переменялось, и что приказывать стало уже не так легко, как прежде; понятия у начальных людей смешались до того, что уже трудно различить добро от зла и правду от лжи; а власть связана множеством противоречивых законов и учреждений, коих сеть продолжает усложняться и запутываться. Простые люди не знают,— и хорошо, что не знают, еще,— что и в среде первых лиц государства, и в собраниях, обсуждающих законы, самые простые и здравые начала встречают упорное противодействие: до того перепутались мысли о правде и неправде даже у добрых и желающих добра людей.

Но, во всяком случае и во всех обстоятельствах власть повсюду и в особенности у нас в России, имеет громадную нравственную силу, которой никто не может отнять или умалить, если сама не захочет. Это право и сила — отличать добро от зла и правду от неправды в людях и действиях человеческих. Эта сила, если постоянно употреблять ее, сама по себе послужит великим рычагом для нравственного улучшения и для подъема духа в обществе. Когда добрые и прямые почувствуют уверенность в том, что они не будут перед властью смешаны безразлично с недобрыми и лукавыми, это придаст необыкновенную энергию росту всякого доброго семени. Главная наша беда в том, что цвета и тени у нас перемешаны. Мне казалось всегда, что основное начало управления — то же, которое явилось при сотворении мира Богом. “Различа Бог между светом и тьмою”, — вот где начало творения вселенной. Там, где нет этого различия,— один хаос. Чтобы выйти из него, необходимо иметь ясное око, различающее свет и цвета и твердую волю, неуклонную в различении и в действовании.

Но и за всем тем — одна сила Божия может поддержать власть в великом и ужасном деле правления!

25 марта 1887

К. П.

62

В прошлый понедельник слушалось донское дело в Государственном Совете. К. Мирский не приехал в заседание. Кончилось тем, что один военный министр остался при своем мнении и, мне кажется, не по прямому убеждению, а в той мысли, что это мнение одно угодно Вашему Величеству.

Между тем та цель, которая поставлена Вашим Величеством, достигается несравненно действительнее и удобнее тем способом, на котором остановились члены собрания.

Ростов с Таганрогом составляют отдельное управление, которое, не сливаясь с Донским войском, вполне подчинено атаману в качестве генерал-губернатора. Этим разрешается задача вполне, и если бы, в виду местных обстоятельств, потребовалось еще усилить власть атамана противу положения об охране, все охотно бы на то согласились. Напротив того, слияние учреждений в войске Донском представляется до того нестройным, запутанным, невозможным к осуществлению, что для самой атаманской власти оно послужило бы помехою и источником бесчисленных недоумений, пререканий и столкновений. Ваше Величество, конечно, сами убедились бы в том, если бы имели возможность рассматривать подробности предполагаемого слияния. Мирский отсутствовал, а военный министр ссылался на него, что он, Мирский, не считает возможным для себя управлять иначе. Но решать вопрос с этой личной точки зрения совсем неблагоприятно. Так думает Мирский, но сидевшие тут же предшественники его Чертков и кн. Дондуков совсем иного мнения, и очень возможно, что если бы удовлетворилось теперь желание Мирского, преемник его, в свою очередь, счел бы положение затруднительным для себя и ходатайствовал бы о новой перемене учреждения.

Вчера мы сидели в комитете министров до 6 часов за делом величайшей важности — о бакинском нефтепроводе. К сожалению, кончилось разногласием по существенному вопросу, и я вместе с Манассеиным, Овручевым, Посьетом и, кажется, кн. Дондуковым остался в меньшинстве. Но я не мог уступить, имея полную и очевидную уверенность, что осуществление проекта м-ва госуд. имущества грозит великим бедствием и Закавказью, и России. И без того над нами висит опасность, что все важнейшие земли и промысловые заведения этого края перейдут скоро (многие уже перешли) в руки Ротшильда и иностранцев (против чего давно следовало бы принять меры), а если осуществится нефтепровод на предполагаемых основаниях, то этот результат представляется мне несомненным. Я решительно не умею объяснить себе, как министр государственных имуществ с мин. финансов не видят или не хотят видеть этой очевидной опасности. Предполагается бакинскую промышленность, уже развившуюся, искусственно перевести на берега Черного моря, и для этого дают компании нефтепровода монополию на 75 лет. Устройство его будет стоить 25 миллионов. Очевидно, что и деньги будут иностранные, и компания иностранная, и, кроме того, все

заводы для выделки нефти в Батуми (без чего и нефтепроводу нечего делать) будут тоже иностранные. Итак, при помощи всеокрушающей монополии русская промышленность будет убита. Дай Бог, чтобы я в этом ошибался.

Константин Победоносцев

Петербург, 25 марта 1887

63

Зарудная приехала вчера из Парижа, в тревоге о своем сыне. Она видела и Манассеина, и директора д-та Дурново и узнала от них все, что можно было сообщить ей. Сына ее переводят из крепости в дом предварительного заключения, чтобы доставить матери возможность видаться с ним. Дурново сказывал мне, что сам он постарается в интимном объяснении с ним склонить его к откровенности.

Обоих братьев Зарудных арестовали по указаниям на них, обнаруженным на черновом плане, найденном, кажется, у Шевырева, где показана была квартира одного брата в Петровском, под Москвою, и другого брата в Петербурге. Старший брат, по-видимому, случайно затронутый в этом деле, пояснил свои отношения и выпущен. К сожалению, живший у них в доме учитель Сосновский воспользовался беспорядочностью домашнего присмотра за детьми и постарался вплесть их в свою махинацию. Что касается до младшего брата, то об нем имеются показания, что Сосновский имел с ним свидание в кофейной на Михайловской улице, тут познакомил его с Шевыревым, под именем Кузьминского, и условился, что Кузьминский явится к нему в Петровское получить от него сведения о московских студенческих кружках. На вопросы о всех этих обстоятельствах Сергей Зарудный отвечает упорным отрицанием. Вот причина, почему он еще содержится. Едва ли успели уже завлечь его к какому-либо деятельному участию в заговоре, и молчит он, по всей вероятности, из ложного гонора не обнаруживать тайны и не открывать чьего бы то ни было участия. По всей вероятности, и мать его теперь, видя ближе, в чем дело, будет спокойнее.

И правда, родители прежде всего виноваты бывают. Где нет мирной и благоустроенной семьи, там дети рассыпаются по ветру. Семья Зарудных не была ни мирной, ни благоустроенною, родители жили в непрерывной ссоре в виду детей. Отец, с педагогическими фантазиями, оставлял детей вырастать на свободе, и мать не умела собрать их под крыло свое. Этому Сергея, выросшего в своенравии, уволили за какую-то шалость из пажеского корпуса. Затем мальчика

отправили одного в Киев держать экзамен в какое-то заведение, без призора.. Он вернулся, не выдержав экзамена. Что с ним делать? Опять отправили его одного в Петровскую академию и оставили жить где-то в избе, Бог знает с какой компанией товарищей. Вот и результаты.

Когда подумаешь, что в большом городе благоустроенная семья стала у нас редкостью, и что пустота жизни общественной, с роскошью, со своеволием, дошла до крайности,— страшно за будущее поколение.

Но не одна и семья виновата. Сколько добрых и честных родителей плачутся на учебные заведения, куда отдали детей добрыми и откуда получают их домой развращенными и сбитыми с толку.

Высшее начальство видит, что неладно, пишет новые регламенты и уставы, сочиняет новые правила учебного дела. Но что толку в том, что новая бумага является вместо старой, и новое приказание или подтверждение на место прежнего? Что толку, когда в действительности мало кто делает свое дело на месте, и живое дело, воспитательное дело ведется механически, так как бумаги пишутся в канцелярии! Строг и точен воинский устав, но что вышло бы, когда бы начальники на него положились и на нем успокоились? Что вышло бы из лагеря, если бы некому было смотреть, на своих ли местах часовые, не спят ли на посту и правильно ли смены происходят?

Константин Победоносцев

Петербург, 38 апреля 1887

64

Стоит, мне кажется, довести до сведения Вашего Величества следующее обстоятельство, по поводу коего повсюду слышатся неприятные толки и суждения.

Известия о поездках и путешествиях Вашего Величества печатаются официально в “Правительственном Вестнике” и читаются во всех углах России. Итак, надобно составлять их с крайним вниманием, чтобы каждое выражение соответствовало бы достоинству предмета и не могло послужить поводом к недоразумению, а тем более к соблазну.

К сожалению, дело это поручается иногда людям несведущим, лишенным общего образования и такта,— людям из разряда обыкновенных газетных репортеров. А те, кому надлежало бы наблюдать за их писанием, не всегда обращают на этот предмет должное внимание.

На беду, в последнее путешествие Вашего Величества взяли человека невежественного, некоего Прокофьева, обыкновенного репортера газеты “Новое Время” и разных других, и его репортажи, совсем

неискусно составленные, печатались под официальным титулом корреспонденции “Правительственного Вестника”.

Видно, что это человек невежественный и совсем бестактный, когда он, упомянув о присутствии Ваших Величеств в хуруле, включил сюда, неведомо зачем, такую фразу: “Ее Величеству поднес бакша с жертвенника золотую курильницу, с которой Ее Величество и стояла во время богослужения”.

Удивляюсь, как никто из начальствующих лиц не догадался удержать бакшу от поднесения курильницы Государыне Императрице. Этого не следовало допускать, и никогда этого не бывало при посещениях хурула, что случалось обыкновенно в Калмыцкой станице, а не в Новочеркасске, где никаких хурулов нет. Но положим, что так или иначе было это допущено! К чему было упоминать об этом в печати, как об обстоятельстве, заслуживающем внимания?

К сожалению, фраза эта пропущена в печати и возбуждает теперь толки. Не сомневаюсь, что в разных углах России простые православные люди, прочитав ее, станут качать головой и говорить или думать: что же это — неужели Императрица приносила жертву идолам?

Стоит обратить внимание на эти корреспонденции: они важнее, чем, может быть, кажется некоторым начальникам сверху. И стоит ли вообще держать при дворе особых корреспондентов этого разряда, чтобы передавать через газету известия о каждом передвижении Высочайших особ, и передавать, как иногда случается, в пошлой форме газетного репортажа.

Ваше Величество, конечно, не следите и не можете следить за всеми этими известиями, но иногда просто обидно видеть, как они составляются, и грустно думать, что за ними не наблюдают, как бы следовало.

Константин Победоносцев

Петербург, 12 мая 1887

65

Сейчас был у меня Катков в крайнем смущении, что он безвинно оклеветан перед Вашим Величеством.

Феоктистов явился к нему сегодня по поручению графа Толстого объявить ему неудовольствие Вашего Величества. Доведено до Вашего сведения, будто Катков писал и через Циона переслал в Париж к Гриви какое-то письмо с соображением о том, какие назначения в новое министерство могут быть приятны или неприятны нашему правительству.

Если б это было справедливо, то, конечно, Катков заслужил бы гнев Вашего Величества за такое активное вмешательство в политику.

Но Катков удостоверяет, что ничто подобное не только не происходило, но и в мысль не входило ему; и весть, о том пущенную, он может приписать только злонамеренной клевете; что никаких письменных сношений ни с кем из политических лиц за границей и с самим Ционом он не имел в последние месяцы и даже намеренно избегал сведений и объяснений, на которые напрашивались некоторые приезжие, дабы не навлекать на себя подозрений и не дать повода к сплетням. Что вся его политическая деятельность выражалась единственно в статьях “Московских Ведомостей”, да в некоторых записках, кои были представлены Вашему Величеству и никому кроме того не сообщались.

Каткову можно поверить, что он не стал бы отпираться от своих действий.

А я позволяю себе о всем вышеизложенном довести до сведения Вашего Величества потому, что знаю на опыте и вижу ежедневно, каким могучим орудием интриги и злобы служит ныне сплетня и клевета, намеренно сочиняемая и распускаемая.

Трудно и поверить, до какого развития доведено это искусство.

Константин Победоносцев

Петербург, 18 мая 1887

66

Еще вчера я утруждал Ваше Императорское Величество письмом по делу о Каткове, и вот прихожу вновь с письмом, которое Сабуров умоляет представить Вам. Опасаюсь, что за эту доуку Вы меня осудите, но решаюсь и на это ради справедливости, которая побуждает при всяком обвинении выслушать обвиняемого.

Сабурова я не знаю и вижу сегодня в четвертый раз; никаких сношений с ним не имел; слышал только об нем в 1883 году от Гирса, обвинявшего его в интригах.

Но когда человек клянется, что невиновен в том, в чем его обвиняют перед Вашим Величеством, думаю, что по справедливости надо знать, что может он сказать в свое оправдание.

Константин Победоносцев

Петербург, 19 мая 1887

67

В прошлую субботу вернулся я из поездки, продолжавшейся одну неделю, и, может быть, теперь, при некотором досуге в Финляндии, Ваше Величество прочтете не без интереса кое-что из вынесенных мною впечатлений. В общем смысле они были довольно благоприятны.

Смоленская губерния давно мне известна, и город Смоленск привлекает меня и личными воспоминаниями, и необыкновенной красотой местонахождения и величия собора, в своем роде единственного. Губерния несчастная, бедная, со множеством разоренного дворянства; а в последнее время расстроена была управлением Кавелина, человека доброго, но совсем вялого и неспособного. Слава Богу, что он ушел, и что на его место назначен человек живой, честный, знающий дело и принимающий его к сердцу, независимо от канцелярской переписки (Сосновский, бывший вице-губернатор в Харькове). Положение губернатора ныне повсюду затруднительно вследствие множества новых законов, опутавших всякую власть и перемешавших границы властей. Но именно по этой причине теперь, более, чем когда-нибудь, губернаторская должность получает важное значение. Распорядительный, честный и разумный губернатор, действующий и не боящийся ответственности за каждый шаг свой, служит именно теперь главною и единственною опорой порядка в губернии. Напротив того, человек неспособный, равнодушный, канцелярист на этой должности может принести громадный вред, станет орудием в руках ловких и недобросовестных эксплуататоров, коих всюду развелось много, и в самый короткий срок может произойти при нем такая деморализация местного управления, которую потом крайне трудно поправить. До чего может дойти при этом крупное и мелкое взяточничество,— трудно и представить себе: так изобретательно искусство чиновников поживиться от темного народа. Так, например, в Смоленске, в Заднепровской части (где бедное население), полицейский пристав имел в числе доходных статей такую. Там много отставных солдат, получающих из казначейства мелкие пенсионные выдачи по книжкам. Полиция периодически отбирала у них эти книжки, без которых нельзя получать деньги, и, держа их у себя по полугоду и долее, выдавала только за известную плату, собирая по 1 руб. 50 коп. с человека. Несчастные должны были подчиняться, испытывая на деле, что ни к чему не ведут жалобы.

Необходимы теперь более, чем когда-нибудь, дельные и притом прочные губернаторы. К несчастью, вошло в обычай переводить их из губернии в губернию часто, иногда через год. А губернатору для того, чтобы взглянуть в свою губернию, мало одного года. Можно представить себе, каково приходится губернии, где иной раз лет в пять

сменилось два-три губернатора. Вот почему, принимая к сердцу интересы Смоленской губ., я испугался весною, когда узнал, что министерство предположило перевести Сосновского, как дельного губернатора, из Смоленска в Саратов, а едва прошел год, как он уселся в Смоленске,— и уговорил гр. Толстого оставить его. Теперь при нем поднялось значительно управление, и серьезные люди ожили, почувяв опору, а негодные стали бояться". И новый предводитель (на место умершего К. Оболенского) подает надежды добрые: человек молодой и серьезный — Хомяков, сын покойного московского поэта и философа-славянофила.

В Смоленской губернии происходит явление, на которое давно следовало бы обратить внимание: происходит польская колонизация, подобно тому, как совершается на юго-западной окраине колонизация немецкая; и видно, что поляки двигаются систематически. Краснинский уезд — лучший в губернии по качеству земель, коренной русский помещичий уезд, скоро станет совсем польский. Большинство имений куплено поляками, которые дают уже тон и уездному земству. Началось с поляков, сосланных во время мятежа и потом возвращенных. Им запрещено селиться в тех местах, откуда они высланы, но не подумали оградить от них Смоленскую окраину, давно обрусевшую. Они-то и принялись закупать имения в Краснинском уезде, а за ними потянулись и другие. Другая язва — евреи, которые набрались в этот край во множестве и все денежные дела в обедневшем Смоленске захватили в свои руки. Иные, записавшись в купцы 1-й гильдии (что нетрудно), покупают с публичных торгов большие имения и таким образом становятся помещиками. Жалость смотреть на старинные, разоренные помещичьи усадьбы.

Из Смоленска, по соседству, проехал я на два дня в Витебск, где не бывал еще до сих пор. Это уж край давней борьбы с польщицкою и с латинством,— борьбы, длящейся до сих пор, но сильно оживившейся в последнее время. И, слава Богу, надежды на успех усиливаются, лишь бы только не опускать нам рук, лишь бы только серьезные русские деятели чувствовали непрерывную нравственную опору в администрации и в общей политике управления. Но в том и беда, что эта опора прерывается опять-таки в лице губернаторской власти. Здесь был губернатором фон-Валь (теперь он на Волыни), человек способный и деятельный, но лишенный русской жилки, сам немец, лютеранин, попавший под сильное влияние поляков.

При нем всюду проникли поляки, и русским людям опоры не было. Хорошо, что его взяли отсюда; хорошо еще, что на место его выбрали Долгорукова.

Русские люди ожили и поднялись. Долгоруков, при всех недостатках, человек живой и деятельный: он поднял значительно русское дело в этом крае. К нему идут люди. Он успел сгруппировать около себя в губернии несколько очень дельных русских людей — предводителей и исправников. Предводители во всех уездах (кроме двух, в том числе губернского) русские; я знаю двоих: городокского — Болдырева и динабургского — Писарева, людей во всех отношениях крепких. В иных уездах успели составиться группы русских людей (предводитель, исправник, голова, церковный староста), дружно и плотно действующие. Особенно приятно было мне убедиться, что с помощью этих людей и некоторых замечательных деятелей из духовенства сильно двинулось дело устройства церковно-приходских школ, имеющее именно в этом крае особливую важность.

Но важнее всего это дело в Режицком уезде, посреди сплошной массы раскольников, в числе 60 000, и самого дурного, темного характера. Это беспоповцы, федосеевцы, переселившиеся сюда еще в прошлом столетии. Они опасны не пропагандою, которой влияние совершенно ничтожно в остальном белорусском населении, но той непроглядной тьмою невежественного разврата, в котором живут и возрастают целые поколения. Основное учение федосеевцев — безбрачие — сделалось между ними источником голого разврата, совершенного извращения семейной жизни, оправданием распутства, многоженства и детоубийств. Все это поддерживается связями с главным и богатым гнездом федосеевцев — с Преображенским кладбищем в Москве. Режицкие раскольничьи селения служат на весь край гнездом воров, конокрадов и злодеев всякого рода. Очевидно, что посреди этой тьмы лучшие, здоровые натуры остаются без опоры и без выхода.

Вот здесь-то выходом к свету может и должна служить только церковь с церковноприходской школой. До сих пор миссионерство в этом крае было крайне слабо и не развито, и по недостатку средств, и по недостатку людей. Существуют два прихода со школами, но этого мало, и людей находить трудно для тяжелой работы. Однако же, в последнее время темная среда значительно тронулась, особенно благодаря истинно евангельскому служению в Таскатском приходе маленького, хилого, большого человечка, иеромонаха Мелитона. Это была поистине ангельская, младенческая душа, исполненная любви и кротости. Он жил там лет 15 со старухой матерью, в совершенной бедности, работая день и ночь над школою, в которую успел привлечь даже девочек. Я знал его лично,— он от времени до времени приезжал в Петербург за книгами. Но его уже нет,— года два тому назад умер этот добрый старичок,— и

конец его был трагический. Приобрел он себе в школу молодого учителя и полюбил его всей душою; вместе они трудились над школой и в церкви. Но вот однажды в соседней министерской школе появилась молодая учительница, как видно, из стриженных. Она, незаметно для Мелитона, соблазнила его любимца Ваню и стала учить своей науке.

Однажды, зайдя в комнату учителя, Мелитон [нашел] у него Ренана “Жизнь Христа”, в русском (гектограф) переводе, и обомлел от ужаса. Стал расспрашивать и услышал грубые ответы. Потом вскоре застал у него учительницу, с наглым взглядом, с наглою речью. Старик не выдержал, заболел нервной горячкой и потерял рассудок. Режицкий купец Масленников, друг Мелитона, обращенный из раскола, рассказывал мне трогательные подробности о последних днях его жизни, как он в бреду поминал своего Ваню и сокрушался об нем.

На место Мелитона назначен толковый священник, и можно надеяться, что при помощи ревнителей в Режице дело не заглохнет.

В Витебске есть два собора — Николаевский и Успенский, оба замечательные громадностью и красотой размеров, особливо последний: оба достались нам из рук иезуитов и базилиан. Успенский собор исторически замечателен. Здесь православные мещане убили мучителя-фанатика Иосафата Кунцевича. За это казнен был целый город, Иосафат возведен в святые, а мещане присуждены разломать старый собор и на место его, построить своими руками новый громадный. В 3-х верстах от города на восхитительном месте, на берегу Двины, стоит Марков монастырь, основанный за 200 с лишком лет Марком Огинским, тогда православным. Деревянный собор, примечательной, оригинальной архитектуры, стоит тут 200 лет, крепкий и свежий, как будто вчера построен.

Еще о Витебске. Губернатор крайне озабочен начавшимся в последние годы и все усиливающимся наплывом в губернию латышей-католиков. Их поселилось уже до 150 000 душ на землях, приобретенных с помощью Крест. банка. И в то же время происходит по местам выселение православных крестьян-белорусов. Латыши отличаются трудолюбием и умением обработать самую бесплодную землю; но нельзя не тревожиться усилением латино-католического населения в таком крае, где вся политика должна быть направлена к усилению православного русского населения.

В Москве готовится на 29 июня съезд противураскольничьих миссионеров, созванных сюда со всех важных в этом отношении пунктов. Он будет происходить в единоверческом монастыре под руководством настоятеля, первого и самого авторитетного из наших миссионеров,— знаменитого Павла Прусского. К этому дню я

отправляю туда Саблера, а из Москвы он должен проехать в Киев, где необходимо подумать со старым митрополитом об организации миссионерства против штунды, сильно распространившейся в этом крае. Дело это здесь совсем не организовано, а дело важное, потому что штунда, усиленно распространяемая пропагандистами из Германии, из Швеции, из наших баптистов и пашковцев грозит очень опасною язвою крестьянскому населению. Начинается с протеста против церкви, а ведет и очень скоро приводит, посреди невежественной массы, к протесту против властей и законов государственных.

Вот, Ваше Величество, и конец продолжительной моей реляции. Дай Бог Вам отдохнуть и освежиться на морском просторе. Но не раз приходилось, посреди здешних дождей и ветров, заботливо думать — благополучно ли Ваше плавание. Третьего дня, ночью, на морском берегу, где я уединяюсь теперь, дул такой свирепый и неистово воющий ветер, что я, проснувшись, стал бояться за Ваше плавание. Да хранит Вас Господь.

Константин Победоносцев

На даче, возле Сергиевской пустыни, 23 июня 1887

68

Вашему Императорскому Величеству известно, какую заразу пустил по всей России безумный Пашков, со своими последователями обоего пола, принадлежащими, к сожалению, к так называемому высшему обществу. Не зная ни своей церкви, ни своего народа, люди эти, зараженные духом самого узкого сектантства, думают проповедовать народу слово Божие, но на самом деле отвлекают народ от церкви, действуя приемами отрицательными, возбуждают крестьян и рабочих, не приготовленных к отпору учением, ругаться над иконами, крестами, церковными обрядами и духовенством. В духе самого нелепого фанатизма господа эти и госпожи не стыдятся подкупать бедный народ подарками и материальными пособиями. Таким образом они развели уже в разных губерниях, по городам и в особенности по селам, или узких и невежественных фанатиков, ругающихся над церковью, посреди селения и посреди самой семьи крестьянской, где водворяется неведомый доньше у нас религиозный раздор; или — толпу лицемеров промышленников, которые, не ценя вообще веры какой бы то ни было, притворством нанимаются в службу Пашкова в виде агентов и разносят отрицательные учения в невежественной среде, которую вообще нетрудно смутить баснями всякого рода. Одна из разносимых таким

образом басен состоит в том, что будто бы уже в столицах все знатные люди, даже царь и царица, обратились в пашковщину или в штунду. А на самом деле народ уже видит, что есть графы и князья и богатые помещики, проживающие в имениях своих и распространяющие пашковщину.

К сожалению, в столицах между высокопоставленными лицами нередко встречаешь мужчин и дам, которые хотя сами не принадлежат к секте, но, привыкнув обо всем судить легко и сами не зная близко ни церкви, ни народного быта, склонны сочувствовать всякой секте под видом религиозного убеждения и готовы возражать противу всякой меры, клонящейся к стеснению свободы сектантской пропаганды.

Вашему Величеству известно, что по обсуждении дела в особом совещании, несколько лет тому назад, состоялось высочайшее повеление — выслать Пашкова и бар. Корфа из России, объявив им, что в случае самовольного их возвращения или продолжения пропаганды имения их будут взяты в опеку.

Пашков и Корф жили с тех пор в Швейцарии и в Англии, но не только не прекратили своей пропаганды, но Пашков в особенности деятельно продолжает ее через своих агентов, к чему имеет он значительные средства в своем большом богатстве и во множестве имений своих по разным губерниям. Управляющими в эти имения ставит он ревностных сектантов, а как у него есть фабрики и заводы со множеством рабочих, то понятно, какие орудия пропаганды сосредоточены в руках его. Так, напр., в главном его имении, селе Матчерке, Моршанского уезда, Тамбовской губ., управляемом Антоном Чанилаш, заводский директор — поляк (ныне высланный) поставил на заводе в должность главных смотрителей 13 молокан.

С разных концов России приходит ко мне множество донесений об этой пропаганде. Пашковцы соединяются в разных местах со штундистами, баптистами, молоканами. Крестьяне волнуются, в сектантствах заводится раздор, ругательства сектантов возбуждают драки и насилия, а когда заводчики и ругатели отдаются под суд, суд нередко оправдывает их при помощи адвокатов,— они возвращаются с торжеством, и зло еще усиливается.

В таком положении дела я изумился на днях, узнав, что Пашков вернулся в Россию, находится у себя в селе Матчерке и продолжает свободно свою пропаганду.

Я не хотел верить этому и запросил тамбовского архиерея, который подтвердил вполне дошедшее до меня известие. Он присылает мне подлинное донесение местного священника, где, между прочим, сказано:

“...5 июля Пашков приходил в дома обоих священников. Меня он не застал в доме и просил моих домашних, чтобы я повидался с ним. На другой день, 6 июля, я имел свидание в его доме. Разговор начался с того, что он укорял меня за то, что я делаю ему вред,— мешаю делать божье дело; затем разговор перешел на почву религиозного спора, из которого я убедился, что Пашков — закоренелый сектант, не оставляющий мысли распространять свое лжеучение. На всех пунктах разговора я энергично возражал ему и заключил беседу тем, что всегда буду противодействовать ему всеми силами”.

Получив такие сведения, я стал разведывать здесь в министерстве внутр. дел, каким образом Пашков очутился в России.

И что же я узнал! Что еще весною получено было всеподданнейшее прошение Пашкова о дозволении ему вернуться, что Рихтер доложил о сем непосредственно Вашему Величеству и что последовало разрешение.

Высылка Пашкова из России последовала по докладу министра внутр. дел, после обстоятельного совещания, в коем и я участвовал.

Итак, не могу не пожалеть всячески, что О. Б. Рихтер не рассудил за благо, прежде доклада Вашему Величеству об этом деле, разъяснить его справками, то есть войти в сношения и со мною (ибо у меня сосредоточены все сведения о Пашкове), и с министром внутренних дел. Тогда О. Б. Рихтер (который сам близко не знает и едва ли понимает вполне все значение этой пропаганды) увидел бы, что Пашков со времени высылки не прекращал своей пропаганды, что учение его распространяется, и что возвращение Пашкова в Россию грозит большим вредом. Я уверен, что и граф Толстой энергично возражал бы против удовлетворения просьбы Пашкова. И теперь, по сведениям, полученным мною из м-ва внутр. дел, оказывается, что Пашков, как только вернулся, первым долгом почел объехать главные гнезда пашковщины; был в Тульской губ., в известном гнезде кн. Гагариной,— в с. Сергиевском; был в Калужской губ. у девиц Козлятиновых, где тоже старое гнездо пропаганды, а ныне обретается и действует у себя, в с. Матчерке.

О всем вышеизложенном почитаю долгом довести до сведения Вашего Императорского Величества.

Константин Победоносцев

30 июля 1887

Еще вчера я утомлял Ваше Величество длинным писанием и уже сегодня позволяю себе то же самое. Не могу утерпеть, когда нужно довести истину до сведения Вашего Величества, посреди того океана лжи и сплетен, в коем мы движемся.

Дело идет снова об известной истории с Катковым. Катков уже умер, и нечего было бы уже теперь нарушать мир над его могилой, когда бы дело касалось только личной его памяти. Но мне представляется необходимым разъяснение настоящего случая, дабы показать, какими средствами пользуется злоба и клевета, дабы очернить в глазах Ваших иного верного слугу Вашего Величества и России.

Каткова эта клевета измучила, тем более, что он не мог добраться до ее источника. Уже вернувшись в Москву, за несколько дней до паралича он писал мне:

“Что все это значит? Моренгейм ли был проводником взведенной на меня клеветы и в разговоре с человеком, который ничего не знал об его участии в этом деле, притворялся тоже ничего не знающим (Моренгейм дал такой ответ русскому, спрашивавшему его по поручению Каткова), или телеграмма, доложенная Государю, шла не от Моренгейма, а прямо от Катакази, и только подкреплена была именем посла? К моему великому счастью, Государь изволил поручить гр. Толстому сообщить мне ее содержание, так что я мог немедленно объявить этот якобы “верный факт” безусловною ложью. Но могло случиться,— и на это, по-видимому, рассчитывалось,— что об этой клевете мне не стало бы известно, и я почувствовал бы только ее последствия, не ведая причины и не зная, в чем оправдываться”.

Катков писал в Париж, желая добраться до истины.

И вот лишь по смерти его обнаружилась истина исследованием, которое с полной достоверностью раскрывает, кто виновник клеветы и интриги.

Благоволите, Ваше Величество, прочесть записку, переданную мне сегодня Ционом. В ней обнаруживается рука давно известного своей способностью к интриге Катакази. К сожалению, этот ловкий грек в последнее время успел втереться в доверие к великим князьям во время пребывания их в Париже, и это обстоятельство дало ему кредит, которого стали опасаться не только посол, но и само министерство иностранных дел. Неблагоприятные слухи о Ционе, дошедшие до Вашего Величества, идут, вероятно, от него же.

Константин Победоносцев

31 июля 1887

Вашему Величеству уже известно, что Айвазовский давал на сих днях обед всем приветствовавшим его по случаю 50-летия его художественной деятельности. На этом обеде хозяин каждому из гостей (коих было не менее 150-ти) подарил по картинке, им написанной и вставленной в фотографию. Я захватил две лишних картинки для того, чтобы переслать их Вашему Величеству; казалось мне, что теперь на чужой стороне эта мелочь из Петербурга на минуту займет Вас.

В то самое время, как мы радовались, ожидая на днях Вашего возвращения, всех опечалила весть о внезапной болезни детей и о том, что придется ждать еще долго. Слава Богу, что болезнь, по-видимому, легкая; станем надеяться, что Бог поможет им вскоре оправиться. Успокоимся тогда только, когда узнаем, что все вы дома, в России. Между тем здешняя машина медленно и тяжело приходит в движение. Отсутствовавшие понемногу возвращаются. 19 октября назначено первое заседание в общем собрании Го-суд. Совета, но все как-то вяло без хозяина. О здоровье гр. Толстого имелись благоприятные сведения. Ожидали его в половине октября, но теперь говорят, что вернется уже к ноябрю.

Я только что вернулся из Москвы, куда ездил на один день, 11 октября. В этот день стараюсь быть там, чтоб участвовать в великом всероссийском торжестве,— в крестном ходе вокруг Кремля в воспоминание выхода из Москвы французов. Это — зрелище, которому нет сравнения, разве в коронационных торжествах: все московское духовенство в процессии, все святые церковные, целый лес исторических хоругвей, несметное число народа на всем пути; процессия развивается лентою версты на полторы и идет часа 2 вокруг всего Кремля с пением, с колокольным звоном, с торжественным молебствием на вершине лобного места, посреди Красной площади, покрытой морем обнаженных голов. На этот раз 11 октября исполнилось 75 лет с великой эпохи 12-го года. И как нарочно после противного дождя со снегом на это время засияло яркое солнце. Прекрасно! Как приятны русскому сердцу эти живые и благоговейные, эти картинные воспоминания великих исторических событий! О, дай, Господи, чтоб все наши бедствия так славно завершились и чтобы всегда миловал нас Бог, как тогда помиловал!

Господь да хранит и милует Вас со всем вашим домом и со всей Россией!

Вашего Величества вернопреданный

Конст. Победоносцев

Петербург, вторник, 13 октября 1887

Сегодня слушалось в общем собрании Государственного Совета дело, которое еще раз доказало, как бессильны мы, русское стадо, перед напором двух-трех немцев.

В прошлом году еще, помнится, лифляндский губернатор в своем отчете распространился об обстоятельстве, давно уже затруднявшем министерство внутр. дел.

Остзейскими губерниями управляют совокупно с баронами и дворянами пасторы, все самого фантастического настроения. Не опасаясь ничего, отрицая все русские законы, они безнаказанно совершают противозаконные действия, совершают вопреки закону требы, крещение, браки и пр. между православными, в проповедях поносят и русскую церковь, и власти; один осмелился даже приводить крестьян к присяге на верность дворянству; один публично призывал молиться в особенности за тех членов царского дома, кои стоят за лютеранство, и т. д.

На практике ничего нельзя сделать с этими пасторами законным порядком. Из числа 139 пасторов 53 находятся под судом за подобные поступки, но дела об них с 1884 года лежат без движения, ибо лютеранские консистории и светские суды упорно отказываются давать этим делам ход, отрицая вину пасторов во всяком случае.

Губернатор указывал, что единственный способ пособить делу и сломить упорство — подвергать преданных суду пасторов, хоть в крайних случаях, временному удалению от должности распоряжением министра внутр. дел. В таком случае они лишились бы половины содержания, и, таким образом, суд принужден бы был производить и оканчивать эти дела.

На этом предположении Ваше Величество изволили сделать одобрительную отметку, которая подлежала исполнению со стороны министерства внутр. дел.

Но от слова как еще далеко до совершения дела!

В конце лета министр внутр. дел внес в комитет министров представление в вышеуказанном смысле.

Оно слушалось осенью. Встал барон Николаи и стал доказывать, что дело это не подлежит ведению комитета, а должно быть рассмотрено в Госуд. Совете, так как предполагает дополнение к статьям устава евангелических консисторий.

Взгляд, очевидно, натянутый, так как предмет представления чисто административного свойства.

К сожалению, в это заседание выехал, по важности дела, сам граф Толстой. Он только что вернулся из отпуска и был в каком-то болезненном настроении, говорил слабо. На предложение бар. Николаи он ответил согласием. Что было делать остальным членам (кои большею частью были иного мнения), когда министр, внесший представление, соглашается передать дело. Я возражал, но гр. Толстой не поддержал. Если б он уперся, дело решилось бы в комитете.

Этот поворот дела был уже нравственно неблагоприятен: весть тотчас перенесена в Ригу, и пастора ободрились.

Через неделю дело слушалось в соед. деп-тах — законов и гражданском — Госуд. Совета. Министерство предложило другую редакцию закона, слабее прежней, но все-таки удовлетворительную: министр вн. д. в потребных случаях предлагает об устранении пастора консистории, и это предложение для консистории обязательно.

Резолюция состоялась единогласная, и дело перешло в общее собрание.

Встал Рихтер и взволнованным голосом стал говорить (я ждал от него более благоразумия) о кострах инквизиции, о Варфоломеевской ночи, об отмене Нантского эдикта при Людовике XIV, о преданности остзейцев правительству и т. п.

К нему присоединился граф Пален с подобными же речами. Оба выразили то мнение, что временное устранение пастора — столь важное дело, что его следует представлять на рассмотрение сената, который может распорядиться в таком только случае, если вина доказана очевидными доказательствами!

Говорили немало, и можно было бы собирать голоса, но те члены предложили передать дело в департаменты для нового обсуждения. К сожалению, председатель поддержал это мнение, и так дело затягивается вновь, и на месте упорствующие пасторы получают новое ободрение.

Рассмотрение дел этого рода в сенате отнимает у меры всю нравственную силу, перенося обсуждение в коллегии, то есть на спорное место, где голос хотя бы одного члена уже парализует силу решения. Притом с этим порядком соединено замедление производства, и открываются пути ходатайствам всякого рода.

А главное, что весьма опасно и о чем может быть не подумали сами г. г. лютеране, — что мера эта послужила бы опасным прецедентом и относительно латинских ксендзов. Тогда непременно поднимется и римская курия и потребует у русского правительства уравнивания своих ксендзов с пасторами. Затруднение будет для правительства немалое.

Константин Победоносцев

1888 ГОД

72

Прочитав записку Любимова, присланную от Вашего Величества, не нахожу в ней ничего такого, чем бы оправдывалось негодование, возбужденное ею у гр. Воронцова. В записке этой много верного и справедливого, а если он, будучи защитником нового университетского устава, старается показать, что этот устав не имел влияния на беспорядки, за это едва ли можно осудить его, хотя взгляд его на дело по необходимости несколько односторонний. Не понимаю также, почему Воронцову показалось, что в записке “безбожно исковеркана родная речь”. Я нахожу, что записка написана ясным и правильным языком. А в письме Воронцова дело решается сразу таким решительным тоном по первому впечатлению.

На мой взгляд, нынешние университетские беспорядки существенно отличаются от прежних, бывших с 1862 года, именно тем, что в них не видно политической подкладки, а видно главным образом мальчишество, охватившее значительную массу разгоряченных студентов. В этом отношении они напоминают истории, и в прежнее время случавшиеся в учебных заведениях большею частью из вздорных причин неудовольствия на начальство. Только теперь все это происходило в громадных размерах. Невозможно относиться серьезно к требованиям, заявленным толпою; невозможно также оставить без строгого и решительного осуждения насилие и дерзость некоторых относительно инспекторов, каковы бы они ни были. Итак, теперь делать какие бы то ни было уступки, хотя бы и основательные, было бы ошибкою со стороны правительства. Теперь всего нужнее дать успокоиться молодым людям и дать замолкнуть всяким сплетням и слухам. Поэтому в совещании, бывшем у гр. Толстого, все согласилось с предложением Вышнеградского отсрочить открытие университетов до начала следующего семестра, т. е. до марта — отсрочить в принципе, дав возможность начать учебные занятия и ранее, если профессора поручатся в том, что беспорядка не будет.

Но из каких причин возникли эти беспорядки? (Какую связь имеют они с новым уставом? С действиями лиц начальственных в

министерстве и в университетах?) Вот вопрос, который теперь служит темой разговоров. Гр. Воронцов предполагает решить его посредством какой-то следственной комиссии из 3 членов Государственного Совета и в результате отыскивать виновных, с тем, чтобы их казнить “беспощадно”. Мысль эта представляется, по меньшей мере, странной. Это придало бы всей истории несоответственные размеры какого-то важного государственного события, взволновало бы умы преимущественно в той же молодежи, которую, напротив, должно успокоить, возбудило бы страсти, породило бы доносы и сплетни всякого рода, коих и без того много,— не привело бы в сущности ни к какому определенному результату, а между тем сразу сделало бы невозможным оставаться нынешнему министерству нар. просв., и связало бы по рукам всех его преемников. Едва ли что могло бы быть вредней этой меры в нынешнем положении дела.

Для меня совершенно понятно, отчего беспорядки возникли в нынешнем их виде. Вот как я объясняю себе это дело.

Ваше Величество изволите припомнить, что я был в числе противников нового устава в целом его виде. Я говорил: “Измените некоторые статьи, ограничьте выборное начало, усиливайте власть начальства, но не ломайте в корне систему всей организации! Вы разрозниваете студентов с профессорами, тогда как укрепление нравственной связи между ними и должно служить главным интересом деятельности и главною опорой порядка. От этого добра не будет. Зачем строить новое учреждение и еще с чужого образца, когда старое учреждение потому только бессильно, что люди не делают в нем своего дела как следует, и власть сама не пользуется своими правами?”

В Ропше, у Вашего Величества, я один был представителем этого мнения против гр. Толстого, Делянова и Островского. Трудно было Вашему Величеству не согласиться с двумя — настоящим и бывшим — министрами народн. просвещения в таком деле, в коем они прямые и ответственные хозяева. Новый устав был утвержден.

В университетах сразу оказалось множество профессоров, недовольных и раздраженных. Студентам, новые порядки показались тяжелы.

Без сомнения, всякий серьезный и добросовестный из профессоров должен бы был, хотя и не сочувствуя новым порядкам, подчиниться им в силу закона, поддерживать их, применить к ним свою деятельность (ибо не все же в них дурное и невозможное к исполнению) и примирять студентов с уставом, а не возбуждать их против него.

Но далеко не все они серьезные. В числе их множество молодых, легкомысленных, самолюбивых, своевольных, есть немало с фан-

тазиями в голове, с политической подкладкой, с желанием произносить возбудительные речи на кафедре. К сожалению, таких немало именно в Москве, где они играют роль в обществе, в литературных кружках, а иные и при дворе кн. Долгорукого.

Итак, для успешного действия нового устава непременно нужно было образовать в среде профессорской здоровый круг влиятельных лиц, которые бы вошли в дух его и оказали бы правительству нравственное содействие к его осуществлению. Вместо того образовался, к несчастью, кружок совершенно противоположного направления,— людей, приносивших с собою в университет желчный, раздраженный протест против новых порядков. Может быть, министерство могло бы действовать с большим искусством и тактом в принятии мер, в выборе людей и пр., но трудно вообще всякому действовать безошибочно при нынешней всеобщей распушенности умов и нравов, а притом министерство с новым уставом поставило себе задачу не по силам трудную и принуждено было проводить новые порядки во что бы то ни стало.

Итак, вот какие горючие элементы накопились в университетах и особенно в Москве! Несколько профессоров, уже заведомо вредных своею деятельностью, пришлось уволить; этим число недовольных и раздраженных кружков еще усилилось, и уволенные продолжали свою деятельность, хотя вне университета, но в университетской, т. е. профессорской и студенческой сфере. Раздражение питалось ежедневными слухами, сплетнями, рассказами о лицах, коим приписывались небывалые действия и слова о разных готовящихся мерах и т. под. Сплетня имеет у нас громадную силу, и это, по моему убеждению, величайшее зло, от которого мы терпим. Люди не находят прямых путей и пробираются окольными путями. Частные собрания, домашние беседы, клубные разговоры, газеты,— все это кишит невероятными историями и рассказами о людях и событиях, вносящими раздражение в общество. Переходя в Москву, слухи этого рода приобретают еще более фантастические формы; это всегда бывало, а теперь, при всеобщей болтовне, чрезмерно усилилось.

В 1886 году Ваше Величество посетили университет и были встречены энтузиазмом студентов. Но,— буду, как всегда, выражать по правде мысль свою,— если бы от меня зависело, я не решился бы устраивать этот прием в университете. Это — не то, что появление Государя в народе, что прибытие Государя в благоустроенное целое, дисциплинированное учебное заведение. Университет в нынешнем положении есть толпа студентов (в Москве 3.500). Поневоле приходилось сортировать ее, отстранять массу лиц недостаточно

благонадежных, допускать кружок некоторых профессоров, которые стояли и хмурились. Все это — недовольные, которые стали еще более усиливать раздражение. В массу молодых людей пушены были толки о подлостях, о шпионствах,— слова, которые способны сами по себе зажигать молодежь без всякой проверки. Вы изволили слушать студенческий хор, студ. оркестр,— учреждения, организованные инспектором. Вдруг поднялись толки, что все это заведено им ради шпионства, и что подло принимать в них участие. Инспектора Брызгалова я не знаю,— может быть, он и действительно имел иногда грубую манеру, не всегда действовал с тактом,— но мало ли каких начальников имели мы в прежнее время, и трудно инспектору студентов сохранить полную безупречность в виду поднимающейся на него травли. И теперь ходят про него рассказы, которых никто не проверял, и которые по проверке оказываются вымыслом, а между тем им верят по ею пору.

Вот под влиянием каких действующих причин разгорелась, по моему мнению, московская история. Любимов правду пишет, что тут немало действовало крайнее легкомыслие нашего общества. Нередко родители, знакомые, вместо того, чтоб сдерживать и урезонивать молодых людей, сами еще возбуждали их под влиянием тех же слухов и сплетен и невообразимой путаницы понятий о долге и порядке. Наконец,— и то беда, что местная администрация идет иногда у нас вразрез с учебным начальством. Я сам был свидетелем в Киеве, как по поводу беспорядков генерал-губернатор и универс. начальство образовали из себя два лагеря и две партии, действовавшие друг против друга. Нечто подобное происходило, кажется, и в Москве. К сожалению, у нас многие, во власти сущие, не понимают, что можно видеть ошибки власти, можно глубоко скорбеть о них, но не следует выставлять их на позор, и в решительные минуты долг велит стоять на стороне власти.

Конечно, если бы в Москве сумели бы власти сразу потушить возникшие беспорядки, то все движение и ограничилось бы одной Москвою. Но от тамошней искры зажглось повсюду. В Петербурге козлом отпущения назначен ректор,— несчастная жертва — и жертва долга, потому что он добросовестно взялся за дело, на которое призвали его, но не рассчитал ни сил своих, ни условий среды, в которой пришлось действовать! Он человек прямолинейный, но не выделанный, без всякой эластичности, которая требуется для администрации. А между тем про него сочинены чудовищные рассказы и, по слухам, зовут его “мерзавцем”, хотя не могут объяснить, за что и почему так его позорят. Его поставили на это место потому, что он человек убеждения.

Не знаю, может быть, удобнее был бы человек гибкий, без убеждений; но легко ли такого найти и выбрать?

Ваше Величество изволите писать, что в удобную минуту призовете меня для словесного объяснения по этому делу; но трудно предвидеть, когда найдется у Вас свободное для этого время; итак, я сел, чтоб написать по возможности обстоятельно свои мысли. Когда благоволите дать мне знать, явлюсь и дополню, что потребуется.

Письмо гр. Воронцова, без сомнения, одному лишь мне будет известно, по доверию Вашего Величества.

Константин Победоносцев

6 января 1888

73

Вчера вечером встретил я на балу Вышнеградского. Он был смущен внезапным падением нашего курса,— и так низко, как он до сих пор еще не падал. “А знаете ли, какая была ближайшая причина этого падения?— сказал он,— известие о решении московских присяжных по делу Кетхудова”.

Решение, по правде, возмутительное. Украдено на почте чиновниками 120 т. рублей, посланных в Берлин, и присяжные признали вора невиновным.

Решение это состоялось под влиянием речи адвоката, доказавшего, что хотя деньги украдены,— но какие деньги? Посланные с ущербом для казны, и куда же? В Берлин,— центр биржевой спекуляции, высасывающей деньги у нашего народа.

Очевидно, что весть о таком решении должна была произвести впечатление в Берлине.

А теперь газеты, защищающие наш суя присяжных во что бы ни стало, принимаются оправдывать этот приговор такими же резонами.

И вот наши международные отношения, запутанные и без того уже всякими недоразумениями, сплетнями, газетными статьями, страдают теперь еще от нелепых приговоров суда.

Поистине, давно пора положить предел этому бесчинию судебных решений! Учреждение присяжных сшито совсем не по нашей мерке, да теперь и повсюду, кроме Англии, оно колеблется. У нас присяжные, безо всякой дисциплины, без строгого руководства, случайно собранные, невежественные, остаются под влиянием адвокатских речей

и всякого рода влиянием слухов³, общественной болтовни, происков и интересов, а председатели, которые имели бы характер, волю и опытность, чтоб руководить прениями,— великая у нас редкость.

Позволяя себе еще раз обратить внимание Вашего Величества на эту настоятельную нужду.

Правда, что не легко сделать это без участия прямой воли Вашего Величества.

Вот уже год прошел с тех пор, как министр юстиции внес в Государственный Совет проект закона об ограничении суда присяжных. Надобно было бы тотчас пустить его в ход, но гражданский департамент не расположен к тому. Дело затянули, придумав потребовать заключения от всех министров, к чему, думаю, и нужды не было. Итак, до сих пор дело лежит, так как, говорят, от 4 министров нет еще заключения. Так оно может недвижимо перейти и в следующий год, если не будет дан толчок сверху. Если б Вашему Величеству угодно было объявить великому князю-председателю решительную волю, надобно надеяться, что дело подвинулось бы.

Константин Победоносцев

11 февраля 1888

74

Думаю, что Вашему Императорскому Величеству будут не без интереса некоторые подробности о нынешнем киевском торжестве.

Я приехал сюда поутру 11 июля, в тот самый час, когда происходило открытие памятника Б. Хмельницкому. В городе шли торопливые приготовления к празднику; но дело об устройстве его было в каком-то неопределенном состоянии,— каждый час распоряжения менялись, и пришлось довольно беседовать и с митрополитом, и с головою, и с А. Р. Дрентельном, чтобы примирить разногласия. Покойный А. Р. относился к этому торжеству с каким-то недоверием и подозрительностью; он опасался до болезненности, чтоб не вышло каких-нибудь манифестаций по поводу славян и славянского вопроса, и потому старался даже до шепетильности устранить всякое участие в торжестве гражданских и военных властей. Ему хотелось сжать все дело в рамки ежегодного празднования 15 июля, исключительно церковного.

³ Так в подлиннике.

А между тем, дело принимало широкие размеры, далеко за пределы этих тесных рамок: дело оказывалось торжеством поистине всенародным, и являлось одушевление замечательное. Ежечасно прибывали делегации из разных городов и учреждений. Из Нижнего голова с гражданами привезли великолепную хоругвь в дар Киеву; московские хоругвеносцы привезли 4 драгоценные хоругви; делегации из разных городов, особливо имеющих историческую связь с Киевом, привезли патриотические адреса; наезжали представителями разных епархий епископы из Нижнего, из Чернигова, из Петербурга и Москвы, из Кишинева и пр.; приехал митрополит черногорский со своим дьяконом. Приехали, несмотря на препятствия, из Сербии, Протич и Груич (бывшие министры и посланники в России); из Румынии — преданные России — кн. Богоридзе, Разновано и несколько других лиц (епископу Мельхиседеку румынское правительство, к стыду своему, не дало отпуска в Киев!). В Австрии правительство формально запретило давать паспорта в Киев; однако, прибыли из Галиции и из Венгрии с риском преследования те же галичане и словаки, которые были в Петербурге на день Кирилла и Мефодия и за то подвергались уже гонению. 13 числа явилось 11 крестьян из Галиции; они тайно пробрались через границу,— их устроили гостеприимно в лавре. Все эти люди благоговейно, со слезами на глазах, ходили по храмам и улицам киевским. Памятник Хмельницкому производил на них сильное впечатление; на нем надпись: “Водим под царя восточного православного”, и эту надпись они пожирали глазами. Даже сербы, проходя мимо, говорили: “Вот наша программа, зачем нам искать другую”.

Русских людей всякого числа прибывало множество,— и все было в радостном ожидании торжества. Необходимо было дать удовлетворение этому чувству; оно не удовлетворилось бы обычным церковным празднованием 15 июля. Я говорил по этому поводу с Дрентельном. От города готовился обед на 450 человек. Этого-то обеда особенно опасался Ал. Романович,— боялся речей со славянской политикой,— и потому объявил заранее, что речей не будет, и всякая речь покрыта будет музыкой. Мне удалось, однако, убедить его, что необходимо дать высказаться патриотическому чувству. Я принял это на свою ответственность: говорить-де я буду один, и то, что я скажу, не будет опасно. На этом Дрентельн успокоился.

Погода установилась прекрасная. Город почистился, украсился и стал действительно чудно хорош, благодаря живописности своей. Церкви все почистились к празднику: в Софийском соборе сняли грязь и копоть, сняли верхний ярус иконостаса, так что нерушимая стена

открылась вся. В Михайловском монастыре идут работы: там открыты недавно под слоем новой живописи интереснейшие фрески, как думают, той же эпохи, как и софийские.

13 числа служили торжественно зауспокойную литургию в маленькой церкви св. Николая на Аскольдовой могиле, и потом на площадке перед церковью, в виду множества народа, унизывавшего соседние вершины, служили соборную панихиду по всем воинам, убиенным на брани в течение 9 столетий! Это была трогательная церемония.

14 числа происходил акт в духовной академии, в старинной зале, увешанной старыми портретами. Это был, так сказать, первый акт торжества, оставивший во всех глубокое впечатление. Проф. Малышевский сказал с одушевлением прекрасную речь, в которой обозрел историю России в связи с Киевом, с церковью, с Польшей и латинством. Все были настроены торжественно. Затем началось чтение адресов от Москвы, от Нижнего, от других городов, одушевленных патриотическим чувством. Выступили с приветствиями митроп. Михаил сербский, черногорец Митрофан, греческий архимандрит Неофит. Напоследок я прочел любопытнейший документ, только что полученный из Лондона,— послание архиепископа кентерберийского Эдуарда киевскому митрополиту Платону. Прилагаю его при сем в русском переводе.

В тот же день вечером, в 6 часов, ударили ко всеобщей. Мы пошли сначала в Софию. Всюду служило по несколько архиереев с превосходными хорами певчих, всюду — великое множество народа, всюду — благолепие. Простояв начало здесь, мы перешли в Андреевский храм, где совершалась главная всеобщая. Лития совершалась вне храма, на высокой площадке, его огибающей, и так, в вышине, над городом, в виду чудной картины Заднепровья, все стояли со свечами, и шла процессия вокруг с осенением крестом на все 4 стороны. Сюда же вышли потом на величание “хвалите”, и тут же было пение канона с акафистом. Подле меня стоял все время Александр Романович с женою... можно ли было подумать, что наутро его уже не станет.

Отсюда — в лавру. Там чудесная картина. В храме стать уже некуда от молящихся, а весь двор, облитый лунным светом, наполнен паломниками-богомольцами, которые группами сидят и лежат тут и тут же проводят ночь в ожидании утреннего колокола.

Все это хождение совершал Саблер со множеством иноязычных, которых водил за собою, показывая и объясняя им,—5 румын, 3 сербов, трех молодых японцев (только что кончивших русскую семинарию в

Токио и присланных в академию) и двух молодых англичан, которые накануне явились из Лондона и теперь с изумлением и, по-видимому, с восторгом смотрели на Киев, на народ и на нашу красоту церковную.

Сегодня, в 8 часов утра, ударили у св. Софии. Как хорошо было в церкви, и сказать невозможно;— все блестело и сияло, все торжествовало и пело! Я смотрел на Протича и Груича,— крупные слезы катились у них по лицу. Явились и два абиссинца, коих привез вчера Анненков; оба стояли в белой одежде и сверху в черных плащах (все это сшили им в Москве и в Петербурге),—оба стояли с достоинством и усердно молились, держа в руках свои книжки, с серьезными лицами;— видно было, что они в изумленном восторге ото всего, что видят. На них смотрела с крылоса умиленным взором землячка их,— черная девица (умница, проживающая в петербургском женском монастыре) в розовом платье и ярко-желтой шляпке.

Пели прекрасно. После обедни Платон сказал, несмотря на свое утомление, прекрасное слово о вере, и затем начался ход. День был совсем блестящий и знойный. Процессия двинулась от св. Софии, мимо Михайловского монастыря, вверх на гору, к памятнику Владимира, где служили молебствие, потом вниз, на реку, где устроена иордань, отсюда — к Рождественской церкви, где митрополит с возвышения благословлял крестом на все стороны: тут стоял хор из 500 мальчиков и девочек и пел тропарь св. Владимиру. Войска на проходе играли “Коль славен”. Два хора пели все время на ходу. Новые блестящие хоругви несли московские хоругвеносцы, потому что здешние не сладили бы с ними.

Я не в силах описать всю красоту и величие этого хода! Киев — единственная местность, на которой может развернуться цельная картина шествия со всею массою народа, потому что здесь горы, с которых все видно. Куда ни взглянешь, все покрыто массою людей, с самою живописною постановкой: все вокруг, все вершины унижены, а внизу на Днепре, против иордани, масса пароходов, униженных народом. Картина — единственная. Иностранцы, бывшие с нами, совсем подавлены впечатлением ото всего, что сегодня видели,— тут сама собою сказывается вся мощная сила русского народа, одушевляемого верой, и в чертах симпатичных. Наши англичане верить не хотели, что все это собралось здесь само собой, без всяких созывов и приглашений.

Ход едва кончился в начале 3 часа, а в 3 часа надо было уже ехать к обеду. Этот обед останется у всех надолго в памяти. Хотелось, чтоб он не походил на обычные в этих случаях обеды, а носил на себе печать торжества религиозного и национального. Поэтому прямо после

супа, когда еще вина не пили, начал я первую свою речь, которая должна была заключиться не тостом, а молитвой... Певчие на хорах начали, а собрание подхватило “Тебе Бога хвалим”. С этой минуты обеспечено было особое настроение, которое затем и поддерживалось последующими речами. Нижегородский предводитель Демидов прекрасно сказал приветственный адрес нижегородцев Киеву. Вслед за последним тостом главные гости разъехались, остальные, вероятно, досиживают до ночи уже с самыми затейными речами и тостами.

Праздник наш омрачился, однако, внезапной кончиною Дрентельна. Весть об этом принесена в церковь еще в половине литургии и поразила нас, как громом. Он был весел и бодр сегодня утром и весело сел на седло, чтобы сопровождать по обычаю процессию, но едва сел, как удар поразил его, и он скончался тут же, прежде чем его сняли. Кончина эта, надо думать, была для него легкая, но ужасно подумать о несчастной жене его, с которою они дружно жили все время,— я знал его еще неженатого и потом видел его жизнь. Сегодня вечером я был на панихиде и видел ее: она сидит, окаменев, как убитая...

Теперь и для русских людей здесь вопрос великий,— кто его заменит? Он был очень тверд в своей политике относительно поляков и немцев, и если преемник его будет держаться иной политики, беда будет этому краю. К сожалению, Волынская губерния переполнена немцами, которые успели прочно здесь утвердиться.

Вечером, в 9 часов, я поехал к в. к. Александре Петровне, зная, что она нетерпеливо ждет меня; она уже поужинала и собиралась спать, но обрадовалась мне и с восторгом слушала, что я ей рассказывал,— лежала и плакала. Я был в первый раз у Ее Высочества по приезде, 12 числа, был во 2-м часу,— у нее накрывали стол, и она оставила меня обедать. Вывели и Илюшу, и Наташу; и тот, и другая с виду несколько абиссинского типа, и оба приготавливаются к духовному званию. За столом сидело человек 18,— какие-то домашние девицы в белых платьях, одна игуменья, старичок Лабзин, купец из Павловского посада со спутником-мужичком и с дочерью. Вел. княгиня благодушно всех угощала. Со мною долго говорила она, плакала, говоря об Вашем Величестве, об Императрице, о королеве греческой, которую обожает. Речи ее мне понравились,— она говорила многое разумно, а вид у нее самый здоровый и веселый. Очень добра великая княгиня.

Но вот как я уже утомил Ваше Величество своим длинным писанием. Сам я не имел еще отдыха с выезда из Петербурга, а здесь только ежеминутное нервное возбуждение заставляет меня забывать крайнюю усталость. Но я совсем удовлетворен всем, что сегодня видел

и чувствовал. И сейчас обрадовала меня телеграмма, что Ваше Величество с Императрицей изволили участвовать в крестном ходе и на воде, и на площади. Послезавтра хочу двинуться обратно в Мариенбад и жду отдыха в вагоне.

Дай, Боже, Вашему Величеству здоровья и благоденствия и возможного отдыха, пока придет время для новых трудов.

Вашего Величества преданнейший
Констант. Победоносцев

Киев. 15 июля 1888

75

Мне доставлено сюда письмо великого князя Сергея Александровича, по содержанию коего Вашему Величеству угодно иметь в виду мой отзыв. Я имел уже случай и прежде слышать желания и предположения Его Высочества относительно Высочайших наград, которые ему желательно привезти с собою в Иерусалим. Ничего не имею возразить против наград, означенных в списке. Напротив того, считаю их полезными для дела и отвечающими той цели, для коей великий князь предпринимает путешествие.

Вследствие того товарищ обер-прокурора, с согласия моего, представит Вашему Величеству всеподданнейший доклад в этом смысле.

Поистине скажу, что в иерусалимском деле, имеющем для нас большую важность, только Палестинское общество принялось делать и делает настоящее дело, привлекая к себе сочувствие русского народа и добровольные пожертвования, и потому, что взялось за дело не чиновничьи, и потому, что заправляет делом человек, душою ему преданный, русский, знающий и Иерусалим, и Россию, разумный и образованный — В. И. Хитрово. Его стараниями и привлечены к этому делу люди преданные. В настоящее критическое время, когда на Востоке ослабела, по милости западных интриг, материальная сила России, всего важнее охранять там источники нашей нравственной силы, незаметно для глаз, но существенно привлекающей к нам сочувствие местного населения. Этого нельзя достигнуть формальным действием бюрократических властей. Вот почему мне представляется полезным поощрить палестинских деятелей. На награды архим. Антонину косо смотрит Азиатский департамент. Но Антонин — единственный энергичный деятель наш в Палестине из лиц, облеченных властью. Своими учреждениями в Палестине, церквами, странноприимными домами он сделал то, что русский человек в его

приютах чувствует себя дома, и русская церковь является в привлекательном благолепии. Характер его тяжел, это правда; но многое из неприятных с ним столкновений зависит от ложного положения, в которое поставлена миссия относительно консульства. Когда не будет Антонина, затруднительно будет и заменить его: люди мягкие и послушные будут жить в мире с консульством, но превратятся в чиновников — вялых и бездеятельных. Ложное положение миссии нашей нужно прекратить, но вдруг нельзя это сделать, о чем я имел уже случай однажды докладывать Вашему Величеству. Оно происходит от неестественной связи, в которую поставлена миссия с консульством и с Палестинскою комиссией. Русский консул должен стоять отдельно и не связан с хозяйством русских учреждений. Он должен быть беспристрастным их наблюдателем и справедливым защитником русских интересов в стране. Между тем, иерусалимский консул поставлен как бы хозяином в миссии, имеет в ней помещение и право распоряжения и даже получает значительную часть своего содержания не из казны, а из бюджета Палестинской комиссии, т. е. из суммы, которой прямое назначение — на миссию. В таком положении консул становится участником всех мелких хозяйственных и домашних сплетен и дразг, которыми изобилует иерусалимский быт. В эти сплетни и дразги он, как консул, впутывает и министерство иностр. дел,— отсюда масса переписки, основанной на таких взаимных пререканиях и жалобах, коим не следовало бы и доходить до министерства. С другой стороны, ложно и положение Палестинской комиссии, составляющей как бы часть Азиатского департамента и ведающей хозяйством русской миссии с особым бюджетом, куда входят и церковные сборы на миссию, и откуда производится расход на некоторых чиновников Азиатского департамента, заведывающих делами комиссии. У Палестинского же общества своя сумма и свой бюджет, хотя в сущности и то, и другое учреждение должны бы служить общей цели. Итак, казалось бы, лучше и для единства действия, и даже для экономии дело Палестинской комиссии, отвязав от министерства, соединить с Палестинским обществом, тем более, что оба учреждения имеют теперь одного председателя — великого князя. Но до сих пор министерство так ревниво относится к своему праву заведовать Палестинскою комиссией, что поднимать об этом вопрос очень трудно сразу,— авось, он еще созреет.

Теперь Палестинскому обществу приходится считаться и с этой ревностью и со многими препятствиями и в самой Палестине, и в официальных сферах, дома, в России. В Палестине требует крайней осмотрительности и мудрости змеиной отношение к патриарху и к

грекам, ненавидящим все то, что идет мимо их кармана. Всякая новая арабская школа, новый приют, новая русская церковь — возбуждают со стороны греков сплетни, клеветы, жалобы, пререкания о власти и компетенции местного греческого духовенства. К сожалению, эта греческая интрига находит себе опору в России, в лице некоторых лживых ревнителей восточной греческой церкви; таков, напр., г. Филиппов, ядовитый ревнитель какой-то греческой автономии, готовый на обвинения русской церкви перед греками. Вел. князю известно, сколько из-за него было вначале недоразумений и сплетен с патриархом, и как, наконец, Филиппов, уличенный вел. князем в явной клевете, должен был оставить Палестинское общество; с тех пор не перестает тайно ему противодействовать. Этот эпизод с Филипповым случился именно по поводу учителя Кезмы, представляемого ныне к награде, о чем, если угодно Вашему Величеству, изволите спросить у великого князя. Теперь Филиппов, соединившись с кн. Мещерским, открыл в “Гражданине” арену для возвеличения патриарха и для клевет на русских деятелей в Иерусалиме.

Но довольно об этом предмете. Пользуюсь этим случаем, чтобы прибавить еще несколько слов о здешних местах. С одной стороны, не могу выразить, какое наслаждение доставляют здесь восхитительные красоты природы, посреди чудных гор и зелени, и на ярком солнце, и под облачным небом. С другой стороны, не могу выразить, до чего омерзительна здесь та масса клеветы и лжи, и ненависти, которая обрушивается на Россию и на русский народ в здешних газетах,— а здесь все читают газеты с утра до ночи. Газеты вообще — царство лжи, но австрийские и венгерские в особенности, и к ним, действительно, можно приложить слово Спасителя иудеям: “Вы отца вашего дьявола и похоти его творите, он — ложь и отец лжи”.— Кстати же и газеты почти все жидовские. Но и независимо от газет поразительно, как здесь и государственные люди, и дипломаты, не зная России, боятся ее и ненавидят инстинктивно. Дай Бог нам пережить это время и, будучи в мире со всеми, никому из них не верить. Все одинаково стремятся теперь задавить повсюду русский элемент — и ложью, и обманом, и, если можно, насилием... К киевскому празднику, казалось бы, не за что привязаться, но он не дает им покою: изо всех сил хотят доказать, что это было политическое фиаско. Слава Богу, что и на обеде политических речей не было: за последним кушаньем митрополит встал, и все за ним ушли; осталось небольшое собрание охотников до вечера, и тут, вероятно, в тесном кружке, много было речей. Теперь жидовские газеты стараются тут именно изукрасить политическую агитацию графа Игнатьева и, так наз., панславистов.

Но киевский праздник оставил и тяжкие воспоминания. Кончину Дрентельна не скоро забудешь, и кто его заменит? И меня лично постигло великое горе. Через 3 дня после праздника скончался там же человек незаменимый, правая рука моя, Крыжановский — чистая душа, горячее русское сердце, ум образованный. Он у меня вел главным образом и балтийские дела, и униатские, и чешские. С весны я послал его на Вольнь — к чехам, и он там делал великое дело; его полюбили, ему верили... Сам он старый киевлянин, уже больной, работал изо всех сил для праздника, дождался его, радовался и не вынес. Кем заменить его, трудно и придумать!

Простите за длинное писание. Бог да хранит и да благословит все пути Вашего Величества, и да пошлет Вам людей разумных, честных, способных, с горячим русским сердцем, — о Боже, как они нужны!

Вашего Императорского Величества
вернопреданный

Константин Победоносцев

Зальцбург. 4 августа 1888.

76

Во Владикавказе — епископ Иосиф, человек старый и ума небольшого, но давно в этом краю и с самого начала управлял делами осетинской миссии. Он знает хорошо осетинский язык; издал словарь осетинского языка, единственный существующий, и значительное число переводов богослужебных и назидательных книг с русского языка на осетинский.

Осетинские приходы и школы нуждаются в священниках и учителях. Этой потребности не могли удовлетворять воспитанники наших семинарий; они не могли подходить к простому, полудикому и бедному быту осетинских селений.

Итак, для этой потребности устроено года 2 тому назад особое училище в Ардонском селении, близ Владикавказа. С простым курсом, приуроченным к местной потребности, оно имеет целью готовить к служению детей осетин, не отрывая их от сельского быта. На первый раз дело это начато удачно; смотрителем училища св. синод назначил прекрасного молодого монаха, скромного и усердного. До сих пор все известия, получаемые с места и от духовного, и от гражданского начальства, весьма утешительны. Живущий в Ардоне начальник местных войск, быв в Петербурге, говорил мне об училище этом с большой похвалою.

В Новом Афоне будет, конечно, ожидать приезда Их Величеств епископ сухумский Геннадий, — первый епископ вновь учрежденной епархии, едва ли не беднейшей из всех епархий. О плачевном состоянии тамошних церквей я уже имел случай представить особую записку. Бедное абхазское население не может устроить себе церкви; есть там и русские поселения без церквей. Потребность великая, а средств нет.

В такую епархию надо было искать епископа не из ученых, а простого, но усердного и хозяйственного. После долгих исканий выбрали опытного иеромонаха Троице-Сергиевской лавры, управлявшего там 28 лет хозяйством. Положение его трудное. Он не имеет еще покуда и постоянной резиденции, и устроенного дома; не имеет и своей церкви, потому что в Сухуме одна маленькая церковь, где и священнику тесно служить. На первый раз главным ему пристанищем служит Ново-Афонский монастырь, откуда он объезжает свою епархию.

Ново-Афонский монастырь — замечательное учреждение, благотворнейшее для целого края и в религиозном и в культурном отношении. Это — точно улей пчел, неутомимо работающих. Он составляет колонию Пантелеймоновского монастыря на Афоне и состоит в зависимости от него. Игумен Иерон, симпатичнейший старец, конечно, обратит на себя внимание Его Величества. Все, что возведено и воздвигнуто трудами монахов, в высшей степени замечательно. Помещение для Их Величеств будет устроено, конечно, в старой генуэзской башне, у монастырских ворот. Местность необыкновенно живописна, и воздух приятен очень. Если будет погода, и время позволит, как хорошо было бы, если б довелось Их Величеств подняться по устроенной монахами удобной дороге на высокую гору над монастырем, где наверху интересные развалины старого собора и следы целого города из первых веков христианства. Подняться туда верхом стоит небольшого труда, но кому это удавалось, тот не забудет своих впечатлений по редкой грандиозности видов, отсюда открывающихся.

Примечателен в монастыре казначей Иннокентий, из казаков, когда-то бывший удалым наездником. Примечателен старичок Захария, страстный любитель растений, собравший в маленьком садике своей кельи редкие экземпляры местной растительности.

В монастыре устроена школа для абхазских мальчиков, единственная в своем роде. Они и поют в церкви некоторые молитвы на своем языке, похожем на птичье щебетанье. При мне пели они “Отче наш”.

По другую сторону Сухума есть другой монастырей, Драндский, составившийся отчасти тоже из афонцев; но он только что начинает устраиваться в порядке.

В прелестном Батуме, кроме многого другого, заслуживает внимания городское начальное училище, состоящее под ведением смотрителя Богданова и сестры его. Я видел там с величайшим интересом множество мальчиков и девочек 11-ти национальностей, собранных вместе и обучающихся по-русски письму и чтению. В связи с ним ремесленные мастерские. Двор стережет старый турок, очень симпатичный, большой любитель детей. Года два тому назад дом училища сгорел по несчастью; теперь, вероятно, оно в новом помещении.

В Тифлисе много учебных заведений, и все стоят внимания, особенно 1-я гимназия (возле дворца), женская гимназия, учительская семинария. По внешности судя, они в большом порядке.

Но есть там малое и скромное женское епархиальное училище, на которое желательно было бы обратить внимание Государыни Императрицы. Как бы они были счастливы, если б Ее Величеству благоугодно было посетить их. Училище ведется прекрасно, скромно и стоит внимания. Девочки почти все бедные, большею частью голые сироты, но многие из них за воспитание и красоту оказываются бесприданницами: женихи являются сами. В прошлом году начальница сказывала, что из 17-ти выпущенных — все сироты — 8 оказались невестами при самом выпуске.

В Тифлисе новый экзарх — преосв. Палладий (бывший прежде вологодским, рязанским, тамбовским, казанским). Он имеет большую опытность и обладает тактом в обращении с людьми. Мягок в манерах, но настойчив. Щедр и гостеприимен. До сих пор из Грузии от местного населения слышны только похвалы ему.

У него два викария — Александр и Виссарион. Оба жалкие, но из грузин некого, кроме их, было выбрать.

В Кутаисе архиерей, тоже из грузин, преосв. Григорий, единственный представитель учености в грузинском духовенстве. Он довольно умен, академического образования, проповедник и издал на грузинском языке 2 тома проповедей, — едва ли не единственное в этом роде издание.

В Кутаисе, возле замечательных развалин старого громадного собора, помещается кутаисское духовное училище. Там у нас более 700 мальчиков — все беднота и голь. Если б Его Высочеству, в. к. цесаревичу угодно было посетить училище, стоило бы дать кое-какие

деньги на угощение мальчикам — это для них великий праздник. А покормить детей — великое дело.

В Батуме, конечно, будет епископ мингрельский, красивый мужчина, родом из князей Дадианов. Он не замечательных способностей, но характера безупречного, держит себя с достоинством, строг с духовенством и имеет авторитет в местном населении, привыкшем почитать Дадианов.

Владикавказ примечателен еще тем, что там обилие сектантов разного рода (вообще их немало в Терской области). В последнее время туда сильно проникла и пашковская пропаганда. В последние годы явился сильным против них орудием местный священник Мамацев (родом из грузин), искусный образованный и усердный. Толпы народа, иногда в несколько тысяч, собирались слушать его. Собрания, за недостатком закрытого помещения, происходили на площади. Но он возбудил такое сочувствие в местном населении, что в короткое время по подписке собрано было несколько тысяч рублей, и для него построен большой балаган, где, вероятно, и происходят ныне беседы.

31 августа 1888

77

Долгом почитаю представить вниманию Вашего Величества нижеследующее.

Теперь внимание всех русских людей, принимающих к сердцу благо России, занято вопросом: кто будет преемником Дрентельна в Киеве? Все чувствуют, как это важно, — будет ли продолжаться система управления в русском духе, или совершится опять несчастный поворот, вроде того, который был в Вильне и в Варшаве? Все зависит от лица; а ныне столько людей, колеблющихся в направлении, что поневоле приходится думать со страхом: кто-то будет, — русский ли человек по духу и разуму, или человек лишь по имени русский, но духа иностранного.

Называют много имен, конечно, без всякого основания, ибо никто не может знать, кто имеется в виду.

Но в последнее время стали усиленно называть одно имя, которое возбуждает сильные опасения. Мне уже писали из Петербурга, что говорят о Владимире Бобринском, а теперь И. Д. Делянов пишет из Москвы, что там слух этот распространен сильно и возбуждает опасения. Не могу знать, есть ли что основательное в этом слухе, и было ли произнесено имя гр. Бобринского в советах Вашего Величества.

Но не могу умолчать, что, по моему мнению и по мнению многих русских людей, такое назначение было бы бедственным для края.

Бобринские все, сколько я их ни знаю, люди чужестранного воспитания, чужестранного образа мысли, космополиты в политике и исполненные либеральных фантазий. А гр. Владимир Бобринский (управляющий одно время министерством путей сообщения) известен в особенности своею деятельностью в прибалтийских губерниях, когда покойный Государь в начале царствования посылал его исследовать вопрос о движении к православию эстов и латышей. Тогда молодой Бобринский, попав совершенно под влияние баронов, представил дело в извращенном виде и был одним из главных виновников торжества немцев в этом вопросе.

(Без даты)

78

Ваше Императорское Величество. Слава Богу! Вы возвращаетесь к нам невредимы, и благослови Боже день и час Вашего возвращения!

Но какие дни, какие ощущения мы переживаем! Какого чуда милости Бог судил нас быть свидетелями!

Мы радуемся и благодарим Бога горячо. Но с каким трепетом соединяется наша радость, и какой ужас остался позади нас и пугает нас черною тенью! У всех на душе страшная поистине мысль о том, что могло случиться и что не случилось истинно потому только, что Бог нас не по грехам нашим помиловал. Эта мысль долго еще не успокоится,— и вот два дня, как я не могу ничем спокойно заняться.

То же трепетное чувство,— я убежден в том,— охватит всю Россию. Как после страшного сна человек, просыпаясь, ищет руками и глазами увериться в том, что он не наяву чувствовал ужас, так после бывшего ужаса люди пожелают всюду стряхнуть с себя страх и ужас наяву. Бог внушил Вам остановиться и в Харькове, и в Москве, и слава Богу,— народ (Вас) там видел и обрадован. Но вся Россия теперь, можно сказать, жаждет увидеть и осязать наяву царя своего.

Для Вашего Величества это — один из тех редких дней, когда Бог открывается человеку в судьбах его. Но вместе с тем, смею думать, это такой день, когда особенно ощущается живое общение русского царя с народом, и народу потребно царское слово.

Смею представить эту мысль вниманию Вашего Величества.

Если бы Вам благоугодно было принять ее, то на этот случай представляю и образец манифеста, который соответствовал бы настоящей потребности!

Душа просится скорее увидеть Вас. Не смею беспокоить Вас в день Вашего приезда в Гатчину. Попытаюсь на другой день, если не изволите вскоре сюда пожаловать.

Все одним сердцем молимся,— да хранит Вас Господь на входах и на выходах Ваших.

Вашего Императорского Величества
вернопреданный

Константин Победоносцев

Петербург. 20 октября 1888

79

По делу о земских начальниках было три субботних заседания в соединенных д-тах Государственного Совета.

Все возражали, хотя и с разных точек зрения, противу проекта в том виде, как он был представлен. Но в сущности все возражения сводились к одному: гр. Толстой хочет устроить власть для крестьянского мира. Такую власть невозможно обособить и поставить правильно, без связи со всеми прочими властями. Необходимо, по крайней мере, поставить земского начальника так, чтобы он был властью в целом территориальном участке и в прямой зависимости от общих губернских властей. Иначе выйдет путаница.

Но граф Толстой во втором заседании заявил, что он понимает своего земского начальника исключительно крестьянским, и от этого взгляда отступить не может.

Желательно было избежать в этом пункте разногласия, и потому в последнем заседании, 17 декабря, когда бар. Николай обратился ко мне, я, по соглашению и с Островским и с Манассеиным, заявил следующее:

“В самом начале обсуждения, по предварительному вопросу, поставленному председателем, многие члены высказались в таком смысле, что реформа, предлагаемая гр. Толстым, неполна, недостаточна и потому неверна, ибо угрожает смешением властей, тогда как требуется главное всего единство власти. Для достижения этой цели необходимо организовать управление всего уезда, в котором найдут свое место и участковые начальники.

Если бы нам предстояло теперь (лет 10 тому назад) обсуждать предварительный вопрос: как следует приступить к реформе местного управления, я непременно присоединился бы к этому мнению.

Но в настоящую минуту дело, как оно поставлено министром внутренних дел, представляется в ином виде. Он говорит нам, что время не терпит. Прошло семь лет в работах о реформе местного управления; если теперь обратить их назад, пройдет еще столько же, и едва ли что будет сделано. Между тем в деревне неурядица усиливается, и вопрос о водворении там порядка— самый настоятельный,— крестьянство составляет главную силу государства и 90 % всего населения...

Нельзя не согласиться в этом с министром внутренних дел и потому необходимо остановиться на его проекте и принять его к обсуждению.

Действительно, крестьянское общежитие настоятельно требует власти и порядка. С 1861 года, когда издало крестьянское положение, опыт показал его недостаточность именно в этом отношении. Нельзя сказать, чтобы эти предметы и тогда оставлены были без внимания законодателем; но он предполагал, что крестьянские власти сами будут блюсти порядок; это не оправдалось и не могло оправдаться.

Никакое общежитие человеческое не может обойтись без полиции и суда. И в положении 1861 года находим зачатки этих учреждений, но хилые и слабые, неспособные к развитию, без крепкого начала. Сельская власть учреждена в лице сел. старосты и вол. старшины. В законе прямо указаны полицейские их обязанности,— в общем праве принимать необходимые меры для охранения благочиния, порядка и безопасности, предупреждать потравы, порубки, задерживать бродяг, делать дознания, задерживать виновных и пр., и пр. Но эта власть осталась только на бумаге. Отчего? Оттого, что она бесформенная, выборная и лишенная авторитета, не связанная с источником авторитета в государстве. Власть, для того, чтобы быть властью действительной, должна носить на себе печать государства и иметь опору свою вне среды местной общественной и выше ее. Без этой санкции она не может действовать. Сельская власть, завися исключительно от выбора, б. частью беспорядочного, случайного или прямо развратного, чувствует около себя лишь гнетущую силу той же беспорядочной среды, которая ее выбрала, и ей только подчиняется, не имея другой, высшей опоры вне сельского мира. Итак, сошло на то, что эта власть потеряла всякое значение права и стала лишь тяжелой повинностью. В старосты выбираются самые плохие, захудалые мужики, обрекаемые на то, чтобы высидывать штрафы и пени,

налагаемые на них за чужие прегрешения. Действительная сила принадлежит кулакам и горланам сходки.

Надобно поставить в деревне действительные органы полицейской власти так, чтобы они имели опору вне деревни, как слуги государству и блюстители порядка; надо снабдить их инструкцией, коей они не имеют, и приставить к ним живое лицо для надзора и руководства.

Этой цели желает достигнуть министр внутренних дел посредством учреждения земских или сельских начальников. Нельзя отрицать необходимости подобного учреждения.

Министр внутренних дел хочет, чтобы оно было не территориальной властью, а в особенности крестьянским учреждением. Согласимся с ним и в этом. Нельзя оспаривать, что с этой точки зрения учреждение будет преимущественно крестьянское.

Преимущественно — это так. Но назвать его исключительно крестьянским едва ли решится и сам министр в. д. Он сам в своем проекте расширяет его за пределы крестьянской общины. Он привлекает к его ведомству не одних крестьян, но и мещан, и купцов, живущих в деревне, хотя и не принадлежащих к составу сельского общества, и даже живущих вне крестьянской территории лиц других сословий, по некоторым договорам с крестьянами.

На этом основании нам и следует обсудить проект в отдельных частях и подробностях, что весьма важно. Новый закон может или ухудшить положение, или улучшить его, смотря по тому, как определится положение новой должности и круг ее действий в ряду других учреждений.— Наряду с нею останется в той же среде сельского крестьянского общества действие и общей полиции, и мировых судебных учреждений. Если не определены будут взаимные отношения и пределы власти и компетенции, вместо пользы будет вред, и вместо упрощения и объединения властей — умножение властей в одном и том же предмете,— еще хуже прежнего. Необходимо связать земского начальника и с высшими властями, чтобы ясно было, от кого он зависит, и кто ему приказывает. В проекте это неясно, и земский начальник является в губернии властью, не подчиненною губернатору, который дает ему только предложения. Это будет аномалия, грозящая новым раздроблением властей.

Все это надо обсудить и упорядочить. Министр внутренних дел заявил нам, что он не станет отстаивать каждую отдельную статью своего проекта и готов на изменения, если убедится в их необходимости.

Итак, для чего нам делать разногласие,— в сущности не практического, а теоретического свойства? Мы можем прямо признать, что предлагаемое гр. Толстым учреждение есть преимущественно крестьянское, и на этом установиться, с тем, чтобы рассматривать проект по статьям, причем обнаружатся, если придется, разногласия мнений по отдельным предметам”.

Вот что я говорил, надеясь, что этим путем дело выведено будет на правый путь, и мы избежим на самом пороге обсуждения и по предварительному вопросу разногласия.

И все готовы были согласиться с этим мнением, но, к удивлению моему и общему, не согласился граф Толстой, пожелав сделать разногласие. Какая ему от этого польза или польза делу, не могу уяснить. Только дело замедлится. Положим, что через месяц, при обыкновенном ходе производства, его мнение (к коему и я, и Островский должны были примкнуть) утвердится, т. е. сказано будет: обсуждайте учреждение, как крестьянское. Ведь все равно при обсуждении статей нельзя будет избежать разногласий, и весьма существенных, ибо все зависит не от идеи учреждения, а от его постановки в подробностях. А в том виде как изложен проект гр. Толстого, он, по моему глубокому убеждению, разделяемому весьма многими, может произвести только вред и не только не утвердит порядка, но вызовет беспорядки, породив смещение властей и крайнюю путаницу отношений.

Чем же объяснить это желание гр. Толстого произвести разногласие?

Я объясняю его себе только недоразумением. Гр. Толстой с самого начала во всех возражениях против его проекта заподозрил какую-то принципиальную оппозицию и стоит на этом впечатлении, сколько я ни убеждал его. К сожалению, по состоянию его здоровья, он не выдерживает долгой беседы и вникания в подробности дела. Мне кажется, и в настоящем случае он заподозрит, что хотят свести рассуждение на какую-то неудобную почву, в чем-то уловить его напрасно. Настояв на разногласии, он только отдалил дело, на скорейшем решении коего сам настаивал. А в этом деле подробности постановки учреждения так важны, что обсуждение их непременно потребует и много трудов, и немало времени. Решить эти важные вопросы быстро и без внимательного, подробного обсуждения, значило бы поставить на карту великий вопрос о водворении порядка и мира в сельском населении России.

(Без даты)

1889 ГОД

80

Позвольте высказать Вашему Величеству мои впечатления по поводу представления “Купца Калашникова”.

После репетиции я вышел из театра как ошеломленный и не мог отделаться целый день от тяжелого чувства — будто после какого-то страшного кошмара.

Но я хотел еще проверить свои впечатления публичным представлением и был на нем.

Я вынес из него еще более тягостное чувство и убедился, что многие разделяют его со мною.

Ничего светлого, ничего возвышающего душу, ничего идеального,— это одна сплошная, живая, действующая перед зрителем картина чудовищного порока, разврата, насилия. Царь — чудовище; все около него — развратные, пьяные разбойники; народ — несчастные холопы; и церковь и вера — одно кощунство над верою! Как будто нарочно искусство хотело втоптать в грязь все идеалы русской земли — царя, церковь, народ. И все завершается невыразимо печальною, безотрадною похоронною песнью над человеком, казнимым в честь пороку и насилию.

В поэме или, правильнее, в песне-балладе у Лермонтова выходит поэтично; но перенесенное на сцену, в действии нет и не могло быть следа поэзии,— осталось одно действие, отвратительное, и, прямо скажу, недостойное искусства. Сценическая постановка старалась придать ему реальность, и реальность выходит фальшивая, неестественная, как бы тенденциозная. Кто видел обстановку монастырского жития Александровской слободы? Возможно ли, чтоб оргии опричников происходили там же, в церкви, где царь совершал свои моления? Но декораторы устроили палату совсем в виде церкви, расписали ее изображениями святых, и даже с венчиками около головы, что бывает лишь в церкви. И здесь вряд ли за буйною сценой происходит церковное пение (с мотивом, взятым из церкви, с словами из псалмов), царь канонаршит, и вслед за тем тут же пляска скоморохов и повальное пьянство.

Царь — чудовище, зверь и ничего более. И тут же, в посмеяние правде, слова молитвы за царя и беспрестанно поминается: царь православный...

Но история представляет нам страшную драму в жизни Грозного, с великою борьбою, которую один суд Божий решит по правде. В этой душе мы видим черты добродетели и с ужасом узнаем, как они исчезают в чертах зверя; но мы знаем, какая была борьба, как этот человек злодействовал и каялся, и страдал, и боролся с собою, и усиленно искал в своей совести оправдания своих злодеяний. Видим, как с ним вступали в борьбу, ради правды, ради царской чести его, прямые русские люди и становились мучениками правды. Есть драма А. Толстого “Смерть И. Грозного”,— ее признали нужным снять со сцены; но там есть борьба, есть движение истории... А тут, в опере, ничего нет, кроме гнусностей, собранных в один момент, на одну сцену, и, можно сказать, в одну палату, изображающую собой церковь, и перемешанных с молитвою, которая, имея церковный вид, в то же время представляется не иным чем, как страшным кощунством. Ведь в ежедневной жизни мы встречаем людей, которые строго соблюдают церковные обряды, не пропускают ни одной службы в церкви, а дома — развратничают и грабят; но если б эти люди в самой церкви, посреди молитвы и перемешивая с молитвой, совершали свой разврат и неистовства,— нам было бы невозможно смотреть на такое кощунство, мы убежали бы от этого зрелища...

И неужели это искусство? В третьем акте, под звуки музыки, дерутся на кулачках, прыгают, кувыркаются, проделывается недостойная искусства штука с татаринном... и, в конце концов, царская забава заключается отсылкою на казнь мужа, потерпевшего насилие от опричника... Эти слова Грозного имеют смысл в песне Лермонтова,— да ведь то песня, то сказка, родившаяся в фантазии поэта, и всякий чувствует, что это говорит поэт в лице Грозного! Но когда нам показывают на сцене живого Грозного, и эти стихи влагают в уста ему,— жутко становится и противно.

Я пишу эти строки ночью, после спектакля, под свежим впечатлением. Верите ли, Ваше Величество, что, выходя из ложи, я видел двух человек, у которых слезы были на глазах, и слышал вот какие речи:

“Боже мой! Зачем это нам показывают такую картину, и зачем, зачем выбрали для этого такую пору, когда, можно сказать, что русская земля помолодела и вся устремила очи на Царя своего, распознавая в нем черты того идеала, который народ горячо, страстно желает распознать в Царе своем? В первый раз, когда давали “Калашникова”, в

1880 году, была совсем другая пора,— пора безумия, раздражения, великой смуты. А теперь! Теперь, положим, Царь и Царица в простоте и в чистоте своей мысли не видят, но мы, русские, мы, народ, чувствуем себя оскорбленными этою картиной, в которой все опозорено, что для нас составляет святыню!”

Такие речи слышал я сегодня, и нет сомнения, что у многих русских людей шевелятся в душе подобные мысли после этого представления.

Константин Победоносцев

11 января 1889

81

Несколько лет уже продолжают здесь, в Петербурге, в Москве и в других больших городах настойчивые ходатайства со стороны приказчиков, сидельцев и других рабочих и служебных людей о законодательном или правительственном распоряжении, чтобы на воскресные дни и большие праздники прекращаема была торговля в магазинах, лавках и др. заведениях. Эти ходатайства поддерживаются духовенством и многими ревнителями благочестия, с целью освящения праздничных дней и предоставления рабочему народу праздничного отдыха.

Несколько лет тому назад я входил по сему предмету в сношение с министром внутренних дел. Граф Толстой отклонил возбуждение вопроса о сем законодательным порядком, сославшись на существующий закон, в силу коего городским Думам предоставлено делать по этому предмету обязательные постановления.

Я, с своей стороны, не счел нужным настаивать далее, сознавая, что постановление закона по этому предмету соединено с затруднениями. Именно:

1. Закон о соблюдении праздничного дня должен иметь единство и цельность, должен быть проникнут одною мыслью; в противном случае он будет фальшивый и лицемерный. Понятен закон этого рода в Англии, где в праздник прекращается всякий шум и закрыты все торговые места и места увеселений. А где нельзя этого сделать, там законодательное прекращение всяких работ может обратиться лишь в поощрение лени и праздности. У нас в больших городах праздник отворяет широкую дверь не покою и тишине, а разгулу и разврату всякого рода, и всюду отворяются ловушки для привлечения праздной толпы. Открыты настезь кабаки и трактиры, и всюду кишат увесели-

тельные заведения, рассчитанные на испорченные вкусы и низкие инстинкты толпы. Очевидно, что в эти места (а не в церковь и не в тишину домашнего крова, лишь у немногих благоустроенного) направится масса служебного люда и в вечер субботний, и в воскресный день. Таковы печальные плоды новейшей цивилизации, проникнутой коммерческим началом! Нечего и думать, например, здесь, в Петербурге, или в Москве об устранении или даже ограничении в праздник увеселительных мест, которые, как грибы, разрастаются повсюду, принимая более и более характер вульгарный. Этому воспротивятся прежде всего самые власти и с финансовой, и с полицейской точки зрения, не говоря о побуждениях личных.

2. Другое затруднение тоже немалое. Оно представляется для законодательства всюду, где только возбуждался этот вопрос, донныне служащий предметом пререканий. При нынешнем развитии торговли, промышленности и вообще социального быта, многие производства требуют работы непрерывной и не допускают отдыха. Итак, при установлении законодательным путем прекращения работ по праздникам приходится исключать целые категории таких производств, которые не подлежат этому ограничению или подлежат в особой мере. Это — работа очень сложная и сомнительная, потому что закон бессилён со всею точностью означить все роды производств и определить соответственное экономическое и социальное значение каждого. Так, года 4 тому назад в Австрии был издан такой закон, с таблицею разных производств на нескольких страницах. Но он оказался в таком несоответствии с действительными потребностями жизни, что вскоре после издания послужил поводом к народным волнениям в Вене. И у нас, в Москве, с год тому назад Думою издано было подобное постановление, также возбудившее множество пререканий и ропот, так что в нынешнем году сама же Дума отменила его.

С другой стороны, в Думах и городских управлениях крайне трудно проводить постановления об ограничении торговли в праздники. Есть города, в коих эта цель достигнута (напр., Смоленск и нек. др.). Но вообще и особенно в больших городах достичь результата крайне трудно. Думы состоят большею частью из купцов, трактирщиков и т. под., и всюду образуется сильная партия, не допускающая никаких ограничений торговли, для них выгодной. О евреях,— великой нашей язве, которая проникла всюду,— и говорить нечего. В Западном и Юго-Западном крае дошло до того, что рабочее население все в кабале у евреев, и рабочему в праздник невозможно и думать о церкви,— еврей не пускает. В городах, напр., в Могилеве, Витебске и пр., видишь в церкви странный для нас обычай. После евангелия служба останав-

ливаются, ставятся ширмы и начинается исповедь. Спрашиваешь, что это значит? Это значит, что православным рабочим нет времени целый год для говенья, а как-нибудь, отпросившись у еврея, прибегают в церковь для исповеди и причастия.

Из вышеизложенного можно видеть, что вопрос об удовлетворении ходатайства приказчиков и сидельцев не принадлежит к числу легких. Но многие из хозяев сами ощущают необходимость запирать магазины по праздникам, но не решаются взять на себя добровольный почин, и просят предписание. Пусть-де прикажут нам,— тогда все закроем. А то как же я закрою свою лавку в гостином дворе, когда у соседа открыта? Известно, с каким трудом у нас в России люди соглашаются во взаимном интересе и как часто в подобных случаях для разрешения затруднений взывают к правительству о приказании или предписании.

Не сомневаюсь, что из подобных побуждений проистекает и это прошение торговцев, которое представляю при сем на благоусмотрение Вашего Величества. Думаю, что если Вам угодно будет объявить им слово благодарности или похвалы, то этот пример найдет много подражателей.

Константин Победоносцев

Петербург, 20 мая 1889

82

Вашему Величеству известно, какую страшную язву в нашем народе составляет пьянство, с каждым годом возрастающее. Оно составляет главную причину и обеднения крестьян и расстройств крестьянской семьи, и всякого рода беспорядков. Можно прямо сказать, что большая часть преступлений, в народе совершающихся, имеет причиною пьянство.

К сожалению, донныне питейный дом служит главным источником государственных доходов. В последнем законоположении думали облегчить зло, заменив кабаки трактиром; но вышло еще хуже, ибо трактиры, коих заведение облегчено, фактически стали питейными домами, и притом тайная продажа вина, за которою уследить трудно, до того усилилась, что в иных селениях торгуют вином едва ли не в каждом доме. Таким образом, питейное дело, которое казна привыкла считать главным источником дохода, на самом деле становится источником народного обеднения, то есть истощения той самой платежной силы, на которой весь государственный доход основан.

Нельзя примириться с этим злом; на этом состоянии нельзя успокоиться.

В ту пору, когда освобождались крестьяне, нельзя было не опасаться, как бы свобода, внезапно данная, с ослаблением сельской дисциплины (хотя и суровой и нередко своекорыстной и произвольной) не повела к чрезмерному усилению пьянства в народе.

Тогда люди, принимавшие к сердцу эту великую заботу, предприняли привлекать народ к воздержанию от вина возбуждением нравственно-религиозного чувства, посредством учреждения союзов или обществ трезвости. Тогда это движение исходило от духовенства, преимущественно на юге России, где стали по призыву священников возникать одно за другим общества трезвости.

Но это движение встречено было враждебно питейно-акцизным управлением, из опасения, что пострадают от него питейные доходы. Министерство финансов очень решительно потребовало от духовной власти остановить и запретить общества трезвости. Синод не мог согласиться на столь решительную и постыдную меру, но вынужден был обставить это дело такими затруднениями, что все общества трезвости закрылись, а священники, заводившие дело, были парализованы, и затем в духовенстве укоренилась апатия к этому учреждению, соединенная со страхом ответственности.

С тех пор прошло много времени, и об обществах трезвости не было слуха. Между тем пьянство усилилось до того и губительные его последствия стали так очевидны в крестьянском быту и хозяйстве, что из среды самих крестьян послышались голоса, спасите нас от пьянства! Люди усердно стали думать опять об обществах трезвости.

При рассмотрении в Государственном Совете нового питейного устава предполагалось включить в него несколько статей, облегчающих противодействие пьянству в среде самого общества. К сожалению, существенные из них не были приняты, однако удалось провести одну статью, в коей косвенно упомянуты общества трезвости. Это нужно было для того, чтобы показать, что общество трезвости не есть какое-либо противозаконное учреждение.

С прошлого года оживилось вновь движение к трезвости. Мне уже доводилось докладывать Вашему Величеству о деятельности человека, поистине замечательного,— Сергея Рачинского, в одной из самых глухих местностей, в Бельском уезде Смоленской губернии. Вот уже более 20 лет, как этот человек, ученый, один из блестящих профессоров московского университета, оставив службу, поселился в своем родовом имении и все свои силы посвящает нравственно-религиозному культурному просвещению народа, устроив целую сеть

1890 ГОД

сельских школ. Трудно и перечислить, сколько он людей поставил на ноги и сколько способствовал к оздоровлению темной среды крестьянской около себя. Многих он уже отвлек от пьянства, многие из его питомцев стоят теперь лучшими священниками, дьяконами, псаломщиками, сельскими учителями.

Видя около себя страшную картину пьянства со всеми его последствиями, он давно ищет средства помочь беде посредством общества трезвости, которое мало-помалу сгруппировалось около него.

Прошлым летом он решился выступить в публику с своим заявлением, которое появилось в “Русском Вестнике”, потом перепечатано в “Церковных Ведомостях” и, разойдясь по всей России, привлекло к нему горячие отзывы отовсюду. В ответ на эти отзывы он написал открытое письмо к приходским священникам, которое разослано на прошлой неделе во все приходы при “Церковных Ведомостях”.

Прилагаю и то, и другое. Благоволите, Ваше Величество, прочесть эти листочки: я считаю долгом обратить Ваше внимание на это дело, важное в особенности в настоящую минуту.

Народ шевелится всюду и всюду ищет инстинктивно выхода из своей темноты и из бед своих. Россия велика и обширна; далеко не везде есть законные пастыри, которые могли и умели бы овладеть этим движением, руководить его, научить и просветить. Тут являются сектанты — деятели опасные. Они привлекают народ, между прочим, во имя трезвости, но в то же время отводят его от церкви и вместе с тем от национальности и, составляя секту, развивают в ней дух гордости, но настоящего просвещения не дают народу. Между тем нередко сектанты эти, обращаясь к православным, укоряют их и смущают такими словами: мы трезвы и богатеем, а вы в своей церкви пьянствуете и разоряетесь!

Вот еще причина, почему необходимо навстречу этому движению пустить из среды церковной здоровое движение к отрезвлению народа. Нет сомнения, что на этот призыв многие откликнутся.

Константин Победоносцев

Петербург. 12 декабря 1889

83

Я имел случай докладывать Вашему Величеству, что у братьев Юрия Ф. Самарина хранится интересная переписка его с баронессою Раден. Многие из этих писем — превосходные, написанные мастерски, как умел он писать и она умела.

Думаю, что некоторые письма, именно те, которые касаются до балтийских дел, будут иметь особый интерес для Вашего Величества. Писаны они неразборчиво, и я распорядился (с разрешения брата) переписать их и при сем имею честь представить.

Письма 60-х годов были в самый разгар полемики между Самариным и Эдитою Раден по поводу балтийских дел и особенно по поводу издания “Окраин”. Произошел почти что разрыв между ними, но ненадолго. Оба они смягчились и между ними укрепилась дружба, связанная нежным чувством. Тон писем 70-х годов совсем изменяется, и они становятся еще интереснее. Последнее из представляемых писем не касается балтийских дел, — оно писано Самариным из деревни, и так хорошо, что я не колеблюсь обратиться на него внимание Вашего Величества.

Константин Победоносцев

3 февраля 1890

84

Имею честь доложить Вашему Императорскому Величеству, что я вернулся из своей поездки в Пермь и Екатеринбург. Нужно было ознакомиться с этими местами и уладить в екатеринбургской новой епархии некоторые довольно острые недоразумения в тамошнем епархиальном управлении, чего и удалось достигнуть. Приятно и интересно было трехдневное плавание по Каме. В Елабуге, в Перми, в Екатеринбурге довелось встретить немало замечательных русских людей, местных деятелей и щедрых жертвователей, и видеть учреждения замечательные, как, например, земскую больницу для сумасшедших в Екатеринбурге. Я проезжал несколько дальше, — на

Березовские золотые прииски, и осматривал по дороге церковноприходские школы; был на Верхне-Исетском железном заводе и на гранильной фабрике придворного ведомства, издавна запущенной и теперь только начинающей обновляться. От Перми до Екатеринбурга ездил со мною деятельный пермский губернатор Лукошков. Громадные пространства пермские изобилуют богатством неисчерпаемым. Недавно еще громадное рабочее население на заводах (есть заводы, где рабочих не менее 30.000) отчаянно бедствовало и волновалось за недостатком работ и падением цен; но в последние годы, благодаря охранительным пошлинам, повсюду работы оживились и рабочие вздохнули. Но в нынешнем лете два больших завода — Верхне-Уфалейский и Невьянский — постигнуты великим бедствием — страшным пожаром. И тут, и там сгорело по 1.000 домов, и если не успеют обстроиться к зиме, можно опасаться нищеты, воровства, грабежей и разбоев. Особенно грозит эта опасность Невьянскому заводу, так как вокруг него порублены все леса, и строиться нечем. Лес надо привозить издалека и потому просят от казенного управления из общих лесов 80 т. дерев, с тем, чтобы разрешен был перевоз их по жел. дороге бесплатно или по уменьшенной таксе, дабы можно было приступить к делу до осени. Убедясь в отчаянном положении рабочих и в неотложности нужды, я позволил себе телеграфировать о сем с дороги и министру госуд. имуществ, и мин. финансов; от последнего получил известие о разрешении перевозки бревен.

Но большую нужду встретил я ныне на Волге и даже на Каме от небывалого доселе обмеления рек: затруднения крайние в перевозке грузов и убытки миллионные. Кама до сих пор славилась многоводием, а теперь и на Каме беспрерывно остановки за мелководием. Эти затруднения отражаются, конечно, и на нижегородской ярмарке, где до сих пор еще мало движения.

В Казани успел я осмотреть интересную выставку. Там все в великом ожидании и в робкой надежде, — не приедет ли цесаревич. Я не смел ни убивать эту надежду, ни поддерживать ее. Я уехал отсюда сам с некоторою надеждой, слышав от Вашего Величества, что Император германский пробудет здесь недолго; но, приехав сюда, узнаю, что он останется едва ли до 14 августа.

Посреди лагерных занятий не осмеливаюсь утруждать Ваше Величество просьбою о личном докладе, но слышу, что Вы изволите переехать в Петергоф 1 августа, и тогда уже 2 числа попытаюсь, если найдется время, просить о приеме.

Константин Победоносцев

Сергиево. 29 июля 1890

1891 ГОД

85

В иностранных государствах, когда та или другая партия желает провести какую-либо меру или осуществить учреждение вопреки мнению или решению правительства, употребляются для сего такие средства: созываются митинги, приводится в движение газетная печать и таким образом производится агитация, которую выставляют, как выражение общественного мнения, и, наконец, достигают своей цели подбором голосов в парламентах.

У нас с 60-х годов тоже употребляются для сего подобные средства в иной форме.

Известная партия начинает агитацию во влиятельных кружках общества, иногда преимущественно через женщин, а затем агитация эта отражается в кружках правительственных и нередко достигает своей цели, так что этим путем проводятся иногда в законодательство такие меры, которые вовсе не согласны с выраженным направлением правительства.

Вот один из таких примеров. Наряду со многими идеями, проникшими в наше общество с 60-х годов из Западной Европы, проникла и идея женской эмансипации и стала волновать умы, распространяясь. Явились фанатики уравнения женщин с мужчиной во всех правах общественных, учреждения женских курсов и допущения женщин в университет.

Под влиянием этих идей учреждены были в 70-х годах курсы при медико-хирургической академии, выпускавшие женщин-врачей с правами. Известно, какое вредное нравственное действие имели эти курсы. Правда, что иные из кончивших курсы женщин заявили и еще заявляют в разных местах полезную свою деятельность, но в массе слушательниц происходило самое безобразное развращение понятий, и трудно исчислить, сколько их развратилось и погибло.

Курсы эти были закрыты по Высоч. повелению в 1882 г., к великому негодованию всех поборников женской эмансипации.

И они тотчас же открыли агитацию о восстановлении их в ином виде, если можно, еще более решительном. Поднялись толки и в

обществе, и в печати, причем на первый план выставлялась всегда польза, которую могут приносить женщины на врачебном поприще.

В этой агитации руководящую роль взяли на себя дамы из общества. Некоторые из них, дабы достигнуть цели, заявили значительные денежные пожертвования на учреждение высших врачебных курсов. Эти пожертвования и стали предлогом к возбуждению вновь вопроса, казавшегося решенным. Но главные жертвовательницы известны, как фанатические поборницы самой идеи женской эмансипации.

Это средство подействовало, и последствия показывают, как искусно было оно придумано.

Со стороны частных лиц, некоторых земских деятелей, бывших преподавателей и слушательниц возникли ходатайства на Высочайшее имя об упрочении будущности курсов. И вот в том же 1882 году по Высочайшему повелению открыто совещание нескольких министров по этому предмету. Объявлено, что Государь Император не препятствует такому учреждению, лишь бы оно было не казенное, а частное, и содержалось на частные средства, из пожертвований.

Тогда совещание признало, что можно допустить на будущее время к медицинскому образованию лиц женского пола, для приготовления ученых акушеров к специальному лечению женских и детских болезней. Это специальное учебное заведение должно быть учреждено в размере средств, имеющих образоваться от пожертвований в ведомстве м-ва нар. просвещения.

Для разработки положения о сем составлен комитет под председ. товарища мин. нар. просвещения.

Комитет действовал с 1883 по 1891 год, собирая сведения и выслушивая специалистов.

Ныне из комитета вышло уже нечто новое, далеко за пределы размеров прежде предположенных, именно:

Вместо учебного заведения образован целый женский университет, под названием женского медицинского института, который предположено устроить в Петербурге, о чем уже состоялся в 1891 году всеподданнейший доклад министра народного просвещения. В этом институте предполагается уже полный университетский курс, и он будет выпускать уже не ученых акушеров, как предполагалось прежде, а женщин-врачей, с полным правом лечения всех болезней. Итак, дело сводится в 1891 году, даже с излишком, на то самое, что в 1882 году было уничтожено.

Составлен устав с обширным штатом, в коем исчислено на одно лишь жалованье директору, профессорам и пр. до 52.000 руб., не считая

еще многих других расходов — на устройство дома, снабжение, библиотеку, на учреждение пансиона, и т. п. Эти расходы даже не исчислены, а они будут громадные⁴.

Неизвестно, на какие средства все это будет устроено, а уже министр н. пр. внес устав женского института на утверждение Госуд. Совета, и 18 мая он принят соединенными департаментами.

На какие же средства можно рассчитывать? Оказывается, что ныне имеется в распоряжении не более 30.000 р. в год — процентов с пожертвованного капитала. Ничего,— отвечают,— мы можем открыть институт, когда половина исчисленного (и то не вполне бюджета в 52 т. р.) будет обеспечена, а там — что Бог даст.

Решение это встречено будет с восторгом всеми сторонниками высшего уравнения женщин с мужчинами. Неудовлетворительно ли оно для правительства? В этом позволительно усомниться.

Является учреждение странного вида. Оно называется как бы частным, но организовано в виде университета и дает права на звание врача. Оно открывается, не имея достаточных средств для своего обеспечения даже самыми необходимыми принадлежностями. При нем состоит какой-то попечительный комитет из жертвователей и других лиц, кои должны будут заботиться о доставлении ему материальных средств. Устав его утверждается прежде точного исчисления всей суммы, какая потребна будет при его открытии, и предполагается открыть его лишь на кое-какие средства.

Ясно до очевидности, что за сим последует, и что, без сомнения, тайно имеют в виду зачинщики и поборники всего этого дела.

Откроют этот институт с разрешения правительства, пригласят профессоров, наберут девиц, продержатся кое-как некоторое время и затем обратятся к правительству, которому затем предстоять будет или закрыть учреждение, или поддерживать на средства государственного казначейства (на большую сумму) целый университет женский, не им, не правительством задуманный, но, так сказать, навязанный ему — и кем же навязанный? Кружком поборников женской эмансипации, то есть такого направления, которое составляет оппозицию мерам правительства.

Можно сказать с уверенностью, что правительство изберет последний путь, ибо будут доказывать, что нельзя же распустить девиц и уничтожить такой храм науки, уже пущенный в действие.

---

⁴ Ежегодное содержание медицинского факультета в Томске стоит казне 200000 р. в год. (*Примеч. подлин.*)

И таким образом план оппозиции удастся вполне, а правительство окажется в несвойственной ему роли быть исполнителем не собственной воли и не своего решения.

Покойный граф Д. А. Толстой предвидел все это и в своем отзыве министру нар. просвещ. от 19 апр. 1889 года (помещенном в печатной записке Госуд. Совета) восставал решительно против предполагаемого учреждения (еще не предвидя, что из него выродится не только заведение для акушерок, но целый женский университет). Он справедливо опасался, что это учреждение будет усиленным повторением прежних женских курсов и станет, при нынешнем настроении молодежи, наплывающей в столицу, центром вредной агитации и источником беспорядков.

Вот каково положение дела, затруднительное для правительства.

Чтоб выйти из него, надлежало бы, кажется, отклонить рассмотрение и утверждение в Государственном Совете внесенного туда устава, до тех пор по крайней мере, пока образуется такой капитал, процентами с коего могло бы быть снабжено, устроено, пущено в ход и поддерживаемо, по самому точному расчету, учреждение, в размере не университетского, но такого заведения, которое имелось в виду в 1883 году.

Май 1891

86

Поездка моя в Псков была крайне интересна и поучительна. Для русского человека древний русский город, исполненный исторических воспоминаний, кажется святынею, и в этом смысле Псков — на первом месте: здесь каждая пядь земли или полита кровью, или носит на себе след исторического события. Едешь, и говорят: здесь волновалось вече; отсюда Александр Невский шел на ледяное побоище; тут граждане псковские встречали Василия Ивановича — первого рушителя псковской свободы; здесь юродивый Николай, с куском кровавого мяса, остановил кровожадного Грозного; а вот и мощи этого юродивого в соборе; отсюда, с колокольни, Стефан Баторий смотрел на приступ 8 сентября; вот свежий пролом, заложенный в одну ночь псковскими гражданами и женщинами — и так на каждом шагу. Старая псковская стена — поистине великая святыня, подобная севастопольской,— Грозный не решился двинуть свое войско, и одни граждане отстояли свой город против целой армии первого полководца Батория, к удивлению всей Европы, и на спасение всей Руси, ибо если б не устоял

Псков, не устоять бы и Москве. И это спасение приписал народ не себе, а заступничеству матери Божией,— в отчаянную минуту, когда враги ворвались уже в город и спасенья не было, пронесли по стенам древнюю икону Печерскую, вынесли из собора мощи Всеволода-Гавриила — “князь святой, сам спасай свой город”. И чудо совершилось,— мужики, женщины и дети прогнали сильных рыцарей. Все это помнит народ с горячею молитвой, и ежегодно с 3 по 15 октября совершается великое торжество в память осады — крестный ход из Печерского монастыря вокруг стен всего города, со вселенскою панихидою у пролома, и тут же празднуется другое избавление Пскова в 1812 году, тоже приписываемое чуду великой милости Божией.

Почти все церкви в городе древние, старинного типа XIV и XV столетия, с звонницами вместо колоколен. Два прекрасных женских монастыря и одна община сестер со школою. Мужской монастырь один и совсем убогий; но этот монастырь — драгоценность дальней старины, едва ли не единственное церковное здание, оставшееся в целости с XII столетия. Это монастырь Спасо-Мирожский. Но эта драгоценность возбуждает скорбное чувство. Несколько лет тому назад открыто, что на стенах собора под слоем штукатурки, сверху донизу, таятся фрески XII столетия, в высшей степени замечательные. Начали смывать штукатурку; работы поручены академику Суслову и начаты. Церковь заставлена лесами, и то, что открыто до сих пор, превосходно. Но вот беда: года полтора тому назад все работы прерваны, академик Суслов уехал на другие работы, кажется, в Суздаль, и дело покинуто. Это дело еще не погребло, но вот что прискорбно и вот что смущает псковитян: производители работ, вероятно, для исследования кладки старого здания, отбили всю штукатурку наружной стены собора, и она стоит уже второй год оголенная; итак, угрожает опасность разрушения зданию, которое держалось с XII столетия. Стыдно покидать таким образом старину и было бы желательно внушить кому следует, чтобы, по крайней мере, прикрыли торчащие камни новой штукатуркой, дабы предохранить все здание от разрушения.

Еще замечательное здание во Пскове,— это так назыв. Поганкины палаты, сохранившиеся, надо полагать, от XIV или от XV столетия. Это громадный дом, принадлежавший богатому купцу, может быть, еще Ганзейской эпохи. Стены необъятной толщины, лестницы, окна, двери — все цело; расположение комнат очень любопытное; громадные помещения для склада товаров, внизу — следы бывшего монетного двора. Эти палаты в прошлом столетии куплены в казну и ныне обращены в склад провиантского ведомства; это обстоятельство, может быть, и предохранило их от разрушения.

В воскресенье случилось мне присутствовать на трогательной церемонии, которую только в нашей церкви и у нашего народа можно видеть. В соборе понадобилось перелить большой колокол, который уже около 200 лет знаком был всем жителям; в последнее время он треснул и звук его испортился. И вот в воскресенье, после торжественной вечерни, которую служил архиерей, происходило прощание с колоколом. Собралось великое множество народа. После вечерни кафедральный протоиерей сказал прекрасное слово, в котором пояснил, что значил этот колокол, 200 лет призывавший на молитву псковичей. После того все вышли на площадь и на прощанье ударили в колокол три раза торжественно, затем отвязали язык и спустили его с колокольни.

Во Пскове приятно было мне встречаться с людьми приятными, добрыми и симпатичными, начиная с губернатора. Особливо приятное впечатление произвели на меня земские начальники Псковского уезда, которые к этому случаю все собрались в город,— все местные дворяне помещики, коренные русские люди, из здоровой партии псковского земства, которое в прежнее время отличалось либеральным настроением.

Целый приятнейший день провел я в Псковско-Печерском монастыре, который давно желал видеть, как древнейшую в том крае твердыню русского православия и русской державы, подобную Троицкой лавре. Дай Бог, чтобы довелось когда-нибудь Вашему Величеству ознакомиться с этим монастырем и вообще со Псковом. Благоволите прочесть несколько страничек о Печерской обители, при сем прилагаемые. Они очень интересны и изображают всю историческую важность этого места. Монастырь в последние годы пришел в крайнее запустение, и потому еще желательно было осмотреть его. Теперь, когда его взяли из-под управления епископов и поручили новому архимандриту, человеку хозяйственному, он приходит в порядок; а новая Псково-Рижская жел. дорога приблизила его к городу и облегчила путь богомольцам.

В окрестностях монастыря надо было посмотреть поселения так назыв. “полуверцев” и посетить некоторые школы. Это племя полуверцев очень интересное: потомки Чуди, поселившиеся здесь около монастыря и под кровом его с XIV столетия. Они сохранили свой язык, отличный и от латышского, и от эстонского, и, быв окрещены издавна, сохранили непоколебимо православие и любовь к Печерскому монастырю, несмотря на усилившийся около них наплыв лютеран-латышей с кирками, пасторами и школами. Здоровое, рослое и красивое племя; женщины носят оригинальные костюмы — на груди большие серебряные бляхи, увешанные старыми монетами. По-русски знают они

плохо, особенно женщины, и теперь особенно нужны для них русские школы, которые и заводятся. Между русскими детьми полuverческие скоро научаются языку, и двоих, очень способных, я наметил для приема по их желанию в духовное училище.

Окрестности Пскова очень интересны, очень живописны. Когда стоишь на развалинах древних стен, за собором, на так назыв. Детинце, открывается со всех сторон обширный живописный вид на р. Великую и на даль, со множеством церквей. Их теперь до 50-ти в городе, а во время осады считалось 366, и иностранцы изумлялись богатству города, считая его одним из знаменитейших в Европе.

Другая, столь же интересная моя поездка была по р. Великой на Чудское озеро и на острова, числом три, где живет на маленьком пространстве, без пашни, большое население рыбаков, живущее ловлею снетков, которыми избилует Чудское озеро. На каждом острове все население со всею мелюзгою мальчишек и девочек провожало нас и в рошу, и в церковь, и в школу.

Слава Богу, в нынешнем году Псковская губерния принадлежит к числу счастливых, в надежде на хороший урожай — и все в этой надежде веселы. Но из средней России, особенно из степной полосы, приходят отчаянные, страшные вести. Во многих уездах Самарской, Пензенской, Симбирской губерний уже теперь голод, хоть и страшно произнести это слово, а цены на хлеб повсюду растут с каждым днем.

Вернувшись в Петербург, я попал прямо на скорбные похороны. Скончался, после тяжелой болезни, инспектор Добровольного флота Бахтин. Это большая потеря, и трудно будет заменить ее. Бахтин был в этом деле с самого начала, и на нем держалась вся его хозяйственная организация. Он был человек честный, опытный и усердный. Дай Бог, чтобы выбор ему преемника был по крайней мере удачный.

Этотую краткою реляцией о своей поездке смею утрудить Ваше Величество, в той надежде, что во время путешествия по шхерам может найтись для нее досужная минута.

Господь да хранит Ваше Величество со всеми спутниками до благополучного возвращения.

Вернопреданный
Константин Победоносцев

Петербург. 22 июня 1891

Решаюсь писать к Вашему Величеству о предметах неутешительных.

Если б я знал заранее, что жена Льва Толстого просит аудиенции у Вашего Величества, я стал бы умолять Вас не принимать ее. Произошло то, чего можно было опасаться. Графиня Толстая вернулась от Вас с мыслью, что муж ее в Вас имеет защиту и оправдание во всем, за что негодуют на него здравомыслящие и благочестивые люди в России. Вы разрешили ей поместить “Крейцерову сонату” в полном собрании сочинений Толстого. Можно было предвидеть, как они этим разрешением воспользуются. Полное это собрание состоит из 13 томов, кои могут быть пущены в продажу отдельно, 13-й том — небольшая книжка, в которой помещены вместе с “Крейцеровой сонатой” мелкие статьи такого же духа. Эту книжку они пустили в продажу отдельно, и вот уже вышло третье отдельное ее издание. Теперь эта книжка в руках и у гимназистов, и у молодых девиц. По дороге от Севастополя я видел ее в продаже на станциях и в чтении в вагонах. Книжный рынок наполнен 13-м томом Толстого. Мало того,— он объявил в газетах, что предоставляет всем и каждому перепечатывать и издавать все статьи из последних томов своих сочинений, то есть все произведения новейшего, вредного, пагубного направления. Недавно, когда ему возражали против этого заявления, он отвечал, что ему дела нет до того, какое действие произведут его статьи, так как убеждение его твердо. Толстой — фанатик своего безумия и, к несчастью, увлекает и приводит в безумие тысячи легкомысленных людей. Сколько вреда и пагубы от него произошло,— трудно и исчислить. К несчастью, безумцы, уверовавшие в Толстого, одержимы так же, как и он, духом неукротимой пропаганды и стремятся проводить его учение в действие и проводить в народ. Таких примеров уже немало, но самый разительный пример — кн. Хилкова, гвардейского офицера, который поселился в Сумском уезде, Харьковской губ., роздал всю землю крестьянам и, основавшись на хуторе, проповедует крестьянам толстовское евангелие, с отрицанием церкви и брака, на началах социализма. Можно себе представить, какое действие производит он на невежественную массу! Зло это растет и распространяется уже до границ Курской губ., в местности, где уже давно в народе заметен дух беспокойный. Вот уже скоро 5 лет, как я пишу об этом и губернатору, и в министерство, но не могу достигнуть решительных мер, а между тем Хилков успел уже развратить около себя целое население села Павловки и соседних деревень. Он рассылает и вблизи, и вдалеке вредные листы и брошюры, которым крестьяне верят. Народ совсем отстал от церкви: в двух приходах церкви стоят пустые, и причты голодают и подвергаются насмешкам и оскорблениям. В приходе 6.000 душ, и в большие праздники, напр., в Покров, было в церкви всего 5 старух. Под влиянием Хилкова крестьяне для

общественных должностей отказываются принимать присягу. Такое положение грозит большою опасностью, и, по последним известиям, я убедительнейше прошу министра о высылке Хилкова, который уже хвалится перед народом: “ничего мне не делают, стало быть, я учу правильно”. Теперь надеюсь, что в министерстве сделают должное распоряжение.

Нельзя скрывать от себя, что в последние годы крайне усилилось умственное возбуждение под влиянием сочинений графа Толстого и угрожает распространением странных, извращенных понятий о вере, о церкви, о правительстве и обществе; направление вполне отрицательное, отчужденное не только от церкви, но и от национальности. Точно какое-то эпидемическое сумасшествие охватило умы. К Толстому примкнул совершенно обезумевший Соловьев, выставляя себя каким-то пророком, и, несмотря на явную нелепость и несостоятельность всего, что он проповедует, его слушают, его читают, ему рукоплещут, как было недавно в Москве. Кружки этого рода сгруппировались особенно в Москве и, к сожалению, около университета, где три общества: юридическое, любителей словесности и новое, психологическое, собирают публику, большею частью из неопытной молодежи, для распространения самых извращенных идей; все они имеют свои издания такого же направления. В Москве же развелись ныне либеральные богачи-купцы и купчихи, поддерживающие капиталом и учреждения духа эмансипации (вроде женских курсов), и журналы вредного направления. Так, на счет одной купчихи издается журнал “Русская Мысль”, к сожалению, самый распространенный из всех русских журналов; он в руках у всей молодежи, и множество голов сбито им с толку. Так, купец Абрикосов (конфетное заведение) поддерживает журнал: “Вопросы философии и психологии”, служащий ареною для Соловьева и отчасти для Толстого. В этих-то кругах ходит легенда о том, что вся эта вредная литература может рассчитывать на защиту у Вашего Величества противу всякого стеснения речей и писаний, и эта легенда усилилась особенно после того, как принята была Вашим Величеством графиня Толстая.

Теперь у этих людей проявились новые фантазии и возникли новые надежды на деятельность в народе по случаю голода. За границу ненавистники России, коим имя легион, социалисты и анархисты всякого рода основывают на голоде самые дикие планы и предположения,— иные задумывают высылать эмиссаров для того, чтобы мутить народ и восстанавлять против правительства; немудрено, что, не зная России вовсе, они воображают, что это легкое дело. Но и у нас немало людей, хотя и не прямо злонамеренных, но безумных,

которые предпринимают по случаю голода проводить в народ свою веру и свои социальные фантазии под видом помощи. Толстой написал на эту тему безумную статью, которую, конечно, не пропустят в журнале, где она печатается, но которую, конечно, постараются распространить в списках. Недавно одна богатая московская купчиха являлась к И. Н. Дурново, предлагая 300.000 р. на пособия, с тем, что для раздачи их она будет посылать своих агентов. Когда ей было в том отказано, она объявила, что все-таки пошлет их без всякого разрешения. Ей было отвечено, что в таком случае агентов ее будут арестовывать. Она ушла с негодованием, а через несколько дней в лондонском “Daily News” явилась телеграмма из Петербурга, что министр внутр. дел приказал арестовывать агентов общества для раздач пособий...

Все это показывает, сколько нужно осторожности. Год очень тяжелый, и предстоит зима в особенности тяжкая, но с Божией помощью, авось, переживем и оправимся.

Простите, Ваше Величество, что нарушаю покой Ваш в Ливадии такими вестями и такими мыслями; но мне казалось нелишним доложить Вам о некоторых обстоятельствах, которые могли бы и не дойти до Вашего сведения.

Константин Победоносцев

Петербург. 1 ноября 1891

1892 ГОД

88

Смею утруждать Ваше Императорское Величество настоящею своею заботой, так как она относится и до церковных дел.

Сегодня услышал я о предположении взять из Ревеля князя Шаховского и перевести его в Курск. Это известие смутило меня и смутит, несомненно, всех русских деятелей в Прибалтийском крае. Я уверен, что это перемещение отразится неблагоприятно на русском деле в этих окраинах.

Направление кн. Шаховского давно уже обозначилось и было весьма важно, что для тамошнего немецкого населения он был олицетворением неуклонных начал новой русской политики. К нему начали уже привыкать и, при самом раздражении, отдавать ему справедливость. Тем не менее известно, что представители эстляндского дворянства всячески желали именно от него избавиться и не раз хлопотали об этом распускаемыми об нем слухами в разных слоях общества. Теперь перевод его, несомненно, будет истолкован в Остзейском крае, как победа над русскою партией и как поворот в политике правительства, а всех русских деятелей обескуражит. Переводом Синягина в Москву было уже несколько расстроено дружное действие администрации в трех губерниях, а перевод кн. Шаховского еще более расстроит его, ибо он считался до сих пор главным, в русском смысле, деятелем. Думаю, что осторожнее было бы дать ему еще закончить начатое. На окраинах России еще нужнее, нежели внутри, прочные администраторы. Не могу не опасаться, что с устранением его и дело, которое он вел 7 лет, будет расстраиваться: несомненно, что люди, которых он с самого начала привлек к делу и собрал около себя (ив этом немалая его заслуга), после него разойдутся. Придут новые люди, которых, не знаю, сумеет ли прибрать и направить его преемник. А опыты, к сожалению, показывают нам, что преемник, по большей части, старается не продолжать дела своего предшественника, а напротив, приступает к нему с критикой и старается поставить новое свое на место прежнего. И этого в особенности надо опасаться в деле, едва лишь устанавливаемом, остзейской администрации.

Но в таком деле, какого требует Остзейский край, мало еще сделает администрация, если ограничится одними приказами, распоряжениями и решениями. Необходимо насаждать в крае такие учреждения, которые могли бы в местном населении явить образцы русской православной и национальной культуры и возбудить к себе сочувствие. В этом отношении кн. Шаховской, совместно со своей женою, положили доброе начало учреждению, которое обещает принести обильные плоды, но, начав развиваться, может без них заглохнуть. Я имею в виду женскую общину, основанную кн. Шаховском в Чевве и теперь переносимую в Пюхтицу, где из нее должен возникнуть монастырь. Эта община успела уже привлечь общее сочувствие и богослужением, и больницею, и школою с приютом для детей; княг. Шаховская, при содействии покойной матери Марии и других лиц, успела привлечь к этому учреждению женщин усердных и деятельных и сама составляет душу его. Дело удалось вполне и до такой степени, что владелец Пюхтицы Дикгоф, прежде сильно враждовавший против общины, теперь настолько полюбил ее, что пожертвовал ей даром лютеранскую недостроенную церковь, которую прежде едва соглашался уступить за 10 т. руб. Итак, если супруги Шаховские выедут из края,— и это важное для русского дела учреждение должно будет пошатнуться, так как и собранные княгиней Шаховскою монахини и учительницы едва ли останутся без нее...

Прошу прощения у Вашего Величества, что все эти соображения осмеливаюсь представить на Ваше благосклонное усмотрение.

Константин Победоносцев

Петербург. 5 мая 1892

89

Завтра, по всей вероятности, министр внутренних дел будет докладывать Вашему Императорскому Величеству об исходе прискорбной истории, которая разыгралась в Варшаве по духовному ведомству.

Для разбора дел по просьбам о принадлежности лиц, происшедших от прежних униатов, к православной церкви или к католической, существуют смешанные комиссии, коих постановления восходят на утверждение духовной консистории.

В недавнее время открылось, что в среде чиновников консистории образовалась шайка мошенников, которая в связи с некоторыми польскими адвокатами и ксендзами брала с просителей деньги за успешное по желанию их окончание дела. Бралась деньги по

обыкновенно и с правых, и с неправых. Главным орудием этого беззакония был дьякон замковой церкви Родкевич, заведовавший производством этих дел в консистории, а члены, по доверию к нему, подписывали иногда без рассуждения, что он представлял им. Генерал-губернатор признает неудобным направлять это дело к судебному производству, т. е. к огласке, и предполагает покончить его административным порядком, именно выслать виновных из тамошнего края в распоряжение административных властей.

Св. синод сделал уже в пределах своей власти возможное распоряжение. Именно,— все члены варшавской консистории за небрежение к своему долгу уволены от должностей и заменены новыми. Что касается до главного виновного, дьякона Родкевича, уже низведенного варшавским духовным начальством в причетники, то он по распоряжению синода будет выслан в крепость Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря и там лишен сана.

Константин Победоносцев

12 августа 1892

Два квакера, подавшие адрес Вашему Величеству, мне известны. Они были у меня еще 16 октября и истомили меня длинной беседой. Это — мономаны, от времени до времени являющиеся просвещать Россию.

Один из них явился из Австралии. Он говорит, что, живучи в Сиднее, однажды ночью услышал глас: “Иди в Россию проповедовать Христа”. И немедленно отправился. В Англии присоединился к нему другой квакер, из Глочстера. Этот последний говорит о себе, что он состоит при своем товарище, как верная собака. “Нет, возражает на это другой, ты для меня гораздо более, чем собака”.

Напрасно объяснял я им, что в России живут не дикие люди, что у нас есть церковь и Христос проповедуется; что у нас не позволена свободная пропаганда всяких сект и всяких учений. Они все стоят на своем. Что же вы стали бы делать, как бы стали проповедовать в народе, не имея об нем понятия и не зная языка? И на это они не дают определенного ответа, а только говорят, что желают водворить свободу проповеди и отвратить от преследований за веру.

Освободившись от них, я отослал их к Саблеру и к кн. Кантакузену, коих они томили подобными же разговорами. Кажется, они были у Плеве.

Конечно, писание их к Вашему Величеству не требует никакого ответа. Я советовал им уезжать отсюда как можно скорее, но вижу, что они все еще проживают здесь. Не сомневаюсь, что они вошли уже в беседу с графиней И. А. Толстой, которая охотно принимает всяких чудаков из Англии, и с разными дамами пашковского круга, ведущими здесь безумную пропаганду между бедным населением.

Константин Победоносцев

Петербург, 10 ноября 1892

1893 ГОД

91

Зная, как занято время у Вашего Императорского Величества, воздерживаюсь просить разрешения явиться лично.

Долгом почитаю доложить, что нынешнее состояние митрополита Московского не подает надежды на скорое выздоровление. Он не в силах сознательно распоряжаться, и в делах уже оказывается застой. Посему сегодня от синода послан указ старшему викарию, епископу дмитровскому Александру, вступить временно в управление епархией.

Из Америки получают довольно часто любопытные известия. Слава Богу, в первый раз там явился епископ разумный и заботливый, и потому дело оживилось. Но его положение тяжелое, ибо людей надежных почти совсем нет, и трудно найти здесь охотно желающих туда ехать. Много приходится распутывать и улаживать ошибок и упущений прежнего времени. Очень сожалею, что новый наш посланник не повидался со мною. Зато нахожу я большое подспорье в умном, образованном и любезном американском посланнике Уайте, с которым нередко вижусь.

Между тамошними русскими галичанами возникло сильное движение к православию и все усиливается. Затруднение наше в том, что приходится назначать жалованье священникам новых приходов. В последнее время образовался новый приход в Стритторе, близ Чикаго, где присоединилось 600 человек. Любопытно, что они, никем не побуждаемые, придумали 6 декабря послать наследнику цесаревичу поздравление с днем ангела и очень были обрадованы ответною телеграммой Его Высочества: "Most happy to hear such good news. Thank new converted orthodoxes".

Константин Победоносцев

14 января 1893

92

По приказанию Вашего Императорского Величества я имел объяснение с протоиереем Павловским, и вот сущность того, что я услышал от него.

“По завещанию покойного И. В. Рождественского,— говорит Павловский,— я был назначен его душеприказчиком, по особому его ко мне доверию, что означено и в самом завещании, где сказано, что мне поручается исполнение всех распоряжений по словесному или письменному заявлению покойного, причем сказано, должен я помнить, что единственный в том отчет отдам перед Вечным Судиею. Еще при жизни своей покойный вручил мне особую, на двух листах собственноручную записку о его распоряжениях, где особое было постановление и о дневнике, после него оставшемся. Об этом дневнике И. В. очень заботился и при жизни говаривал мне, что он никаких мемуаров не вел, а записывал кое-что коротко, отходя ко сну, и то не для сохранения, а для того, как говорил он, чтобы предостеречь себя на будущее время от прежних погрешностей. Он заботился, чтобы по смерти его дневник этот (всего около 30 тетрадей) не попал в посторонние руки, и потом в особой записке выразил свою волю, чтобы эти тетради послужили мне для его биографии, которую предоставил мне писать, а затем настоятельно требовал, чтобы я сжег их.

По кончине И. В-ча я немедленно приступил к исполнению завещания. Приходилось передать некоторые вещи, иконы и т. п. великим князьям. Для сего я явился к в. кн. Сергею Александровичу (в 1882 г.). При этом свидании в. князь спросил меня: правда ли, что после Ив. В. остался дневник, и когда я отвечал утвердительно, в. кн. пожелал — нельзя ли дать ему его на прочтение, причем выразил, что особенно интересуется тем временем, когда И. В. был с малолетними князьями в Гапсале. Вернувшись домой, я отобрал 10 тетрадей, относившихся к этому времени, и передал их вел. князю.

Прошло более года с того времени, но тетрадей мне не возвращал вел. князь, а без них я не мог приняться за составление биографии. Тогда я просил Веру Перовскую напомнить о них вел. князю. Через несколько времени Вера Перовская передала мне ответ, что вел. князь поручил Арсеньеву объясниться со мною о тетрадях.

Вслед за тем я получил от Арсеньева приглашение явиться к нему, в морской корпус. Это свидание привело меня в крайнее недоумение. Арсеньев заговорил со мною каким-то решительным тоном и стал от меня требовать все тетради, говоря, что я обязан отдать их по долгу верноподданного. Я ответил ему, что не ему учить меня о долге верноподданного, которому я учил целое поколение и его еще могу поучить. Если бы Великий Князь обратился ко мне сам, или Вы

(обращаясь ко мне) спросили у меня, я не затруднился бы отдать, но Арсеньеву я отказался отдать именно потому, что он мог прочесть, что там писано, а я обязан был скрывать тетради от всех посторонних, притом я знал, что в тетрадях есть места, относящиеся к Арсеньеву.

После этого объяснения я решился прямо исполнить волю завещания, и сжег все остальные тетради”.

“Прошло с тех пор около 10 лет. Меня беспокоила мысль, что остаются еще у в. князя тетради, не уничтоженные. Тогда (в декабре прошлого года) я решился через фрейлину Козлянинову опять напомнить о них Великому Князю. Козлянинова потом сказала мне, что на это напоминание в. князь только изменился в лице и отошел в сторону”.

Вот содержание того, что я слышал от прот. Павловского; он удостоверяет, что объявил сущую правду, и просит меня оправдать его перед Вашим Величеством. Если бы, говорит, Государь тогда спросил у меня эти тетради, хоть через вас, я немедленно отдал бы их.

Я просил его принести мне подлинную записку И. В. Рождественского и его завещание. Я видел сегодня и то, и другое и, зная рукопись И. В., убедился в подлинности. Прилагаю примем выписку из подлинной записки относительно дневника. Эта записка передана была Павловскому в конверте, на котором рукою И. В. написано: “Душеприказчикам моим,— протоиерею Павлу Васильевичу Лебедеву (он умер раньше смерти завещателя) и Леониду. Андреевичу Павловскому,— распоряжения мои по духовному завещанию”.

Павловский говорит, что и сам он не читал всего дневника, за многие годы состоявшего из кратких заметок, а лишь пробегал кое-что (так как не приступал к составлению биографии). И. В. был человек сдержанный и потому уже, по словам Павловского, не позволил бы себе распространяться.

По предложению моему Павловский принес мне письмо, в коем удостоверяет, что дневника этого никто не читал и копии с него не снимались.

Константин Победоносцев

Петербург. 27 апреля 1893

Ваше Высокопревосходительство, милостивый государь Константин Петрович!

О судьбе дневника протоиерея Иоанна Васильевича Рождественского, скончавшегося 10 октября 1882 года, имею честь сообщить Вашему Высокопревосходительству следующее:

Десять тетрадей этого дневника представлены мною 7-го декабря 1882 года Его Императорскому Высочеству Великому Князю Сергею Александровичу, до настоятельному его желанию. По прошествии некоторого времени я обратился с покорнейшей просьбою возвратить мне эти тетради, необходимые для биографии протоиерея И. В. Рождественского, составлением которой я предполагал заняться, но вице-адмирал Арсеньев заявил мне, что тетради дневника не могут быть мне возвращены. Поставленный в невозможность воспользоваться для биографии протоиерея И. В. Рождественского тем источником, который указан им самим в его собственноручной записке душеприказчикам, я, согласно той же записке, которую я имел честь представить Вашему Высокопревосходительству в подлиннике для прочтения, и копию с которой при сем прилагаю, все оставшиеся у меня тетради дневника протоиерея И. В. Рождественского уничтожил. Свидетельствуюсь своею иерейскою совестью”, что дневника этого никто не читал и никто никаких копий с него не снимал.

Имею честь быть Вашего Высокопревосходительства всепокорнейшим слугою и усердным богомольцем.

Протоиерей Леонид Павловский

Копия

27 апреля 1893

Из собственноручной записки протоиерея Иоанна Васильевича Рождественского душеприказчикам.

Записки мои (дневник) и сохранившиеся письма разных лиц, как не имеющие интереса ни для кого, кроме меня,— все уничтожить. В письмах архиерейских найдется кое-что, достойное памяти впоследствии, равное и в дневнике моем есть заметки, не лишённые общего интереса и годные для моей биографии, но у кого достанет досуга и усердия разбирать весь хлам и делать серьезный выбор?

(Писано 2 апреля 1872)

93

По поводу дневника И. В. Рождественского приходит и мне на мысль заранее заявить пред Вашим Императорским Величеством, что я, с тех пор, как переехал сюда из Москвы и вступил в непременную и разнообразную работу, не имел обычая записывать все то, что со мною случалось, и чему я был свидетелем. И не потому, чтоб я считал это ненужным или опасным, а просто потому, что не находил к тому досуга

и времени и не могу понять до сих пор, как успевают люди занятые делами записывать еще дневные происшествия, разговоры и суждения. Днем занят, а к ночи такая усталость, что нет сил записывать о себе. Я записываю каждый день только имена, кто был у меня, у кого я был, какие были заседания, только для практической цели, то есть, чтобы вспомнить, когда нужно имена и числа. Следовательно, нет повода опасаться, что после моей смерти останется что-либо подобное.

Правда, в последние годы, особенно с 70-х годов, я был свидетелем, отчасти и участником, многих важных событий и мог бы многое интересное записать, но никогда не успевал это делать, притом, чем важнее события, тем труднее описывать их, а в последние годы прошлого и в первое время нового царствования все, что я видел, производило во мне такое сильное возбуждение, что не было бы силы с пером в руке вести какую-нибудь хронику.

Это же возбуждение, при сердечной боли о многом, не позволяло мне передать кому-либо свои впечатления, конечно, кроме жены моей, которая одинаково со мною хранила их в душе глубоко. Был один только человек, очень близкий по душе нам обоим — это покойная Катерина Федоровна Тютчева. К ней одной писал я по душе в тревожную эпоху 1880—1881 года, и эти письма составляют единственный материал моих впечатлений. После ее смерти переписка эта возвращена мне, и я намерен когда-нибудь, запечатав ее, отдать на хранение в Публичную Библиотеку.

Вашему Величеству памятно, что в первые годы Вашего царствования Вы оказывали мне близкое доверие. Следы его действительно хранятся у меня, но не в виде каких-либо записок. Это — разного рода бумаги, которые характеризуют эпоху с ее волнениями, отчасти все, что от Вас мне присылалось, и записочки Ваши. С своих писем ничего у меня не оставляется, ибо я пишу все прямо набело. Все эти материалы никому, кроме меня, неизвестны, но я собирал их по годам в папки, коих имею несколько, с надписью:

“Novum regnum”. Вот — одно, что после меня останется, в качестве исторического материала,— и все это я готов буду хоть теперь же сдать в безопасное место.

Пишу об этом вот с какою целью. Я уже стал стар и вероятно недолго уже останусь,— да и вообще слишком 3/4 жизни уже прожито, а человек может умереть внезапно, и не хотелось бы мне, чтобы после меня жену мою тревожили розысками бумаг, имеющих политическое значение.

Константин Победоносцев

28 апреля 1893

В дополнение к прежде изложенному, спешу к отъезду курьера прибавить, что следствие о покушении на меня производится. Молодой человек возбуждает крайнюю жалость, весь больной, истомленный и, как видно слабоумный, расстроенный нервами. Запиравшись вначале, он сознался на другой день в беседе со следователем, но на вопросы о том, что побудило его к такому поступку, дает странный ответ: его так истомили болезни, что он искал смерти и способом к тому выбрал это покушение, которое могло привести его к казни.

Такое объяснение — или указывает на крайне расстроенное воображение, если оно искренне, в чем можно сомневаться, если же оно придумано, то должен быть другой мотив. Прележав 2 1/2 месяца в больнице, он прямо оттуда пошел на покушение. Если он служил притом орудием сторонних внушений, то, спрашивается, откуда они явились и где они явились,— во Пскове ли еще или в больнице?

Константин Победоносцев

Петербург. 23 июня 1893

1894 ГОД

95

Ваше Императорское Величество.

Вчера, приехав в комитет, я застал всех г. г. министров в величайшем смущении по поводу нового указа, присланного к опубликованию.

Сегодня только мог я ознакомиться с содержанием этого указа, и в силу своей верноподданнической преданности, не могу удержаться, чтобы не исповедать перед Вашим Величеством и мое величайшее смущение и опасение.

Что касается до общей мысли указа,— т. е. до учреждения инспекторского департамента,— никто не смел бы себя в праве возражать против воли Вашего Величества, коль скоро она выражена.

Но в редакции этого указа есть статья 8-я, придающая всему учреждению особое значение, которое трудно понять. Трудно понять, чтобы эта редакция выражала и подлинную мысль Вашего Величества. Не могу не подивиться, что лица, подносившие указ к подписанию Вашему, не доложили Вам каждое слово, каждую фразу, дабы могло быть взвешено значение и смысл каждого слова, должествующего получить силу закона, подлежащего исполнению.

В самом деле, вот что означает редакция 8-й статьи: что Император, оставляя на месте избранных им министров, выражает в самом законе прямое недоверие к ним, ограничивая их в существенном условии всякого управления, то есть в праве избирать и назначать подчиненные орудия исполнительной власти, и всякое назначение подвергает проверке особого трибунала, по докладу коего всякое назначение, во всей необъятной России, до последних низших чинов, может быть лишено утверждения. Таким образом, министры превращаются из духовного орудия правительства, облеченного монаршим доверием, в механического приставника, лишённого власти и неразлучной с властью ответственности. В таком положении для министра становится невозможным самое отправление власти, и в государственный механизм вносится страшное начало безвластия.

Не может быть, невозможно и немыслимо, чтобы такова была мысль Вашего Величества. Дерзаю сказать: не то написано в этом указе, что вы приказали написать. Не может быть, чтобы сама верховная власть перед лицом народа устанавливала начало безвластия.

Дело представляется мне столь важным, что смею еще сказать: вся Россия придет в смущение от этой редакции 8-й статьи указа. Смею уверить Ваше Величество, что ни в одном государстве, ни в каком законодательстве не бывало такого закона. И когда эта 8-я статья огласится в Европе, она произведет изумление: в одних — крайнее смущение, в других — злорадование.

В России же и ныне отовсюду несутся сетования о том, что власти расшатаны, что пружины их ослабели. А предполагаемым правилом 8-й статьи произведено будет решительное колебание властей.

Благоволите, Ваше Величество, обратить внимание на практические последствия этого правила.

Все подчиненные чины, назначаемые министрами и местными начальствами, призываются, каждый в кругу своем, к деятельности со властью, которою облечены. Силу свою получают от санкции высшей власти и прежде получения ее не могут действовать с уверенностью власти. Теперь каково же будет положение хотя бы полицейского чиновника, назначаемого в Сибири губернаторскою властью, — доколе, может быть через год или долее, не придет из Петербурга приказ об его утверждении? А что, если вместо утверждения получится из инспекторского департамента (как бывает с наградами) бумага о том, что Высочайшего соизволения не последовало? Как разуметь тогда и в какой силе признать те действия, распоряжения, приговоры, которые от него последовали? И если он послан был своим начальством на службу в дальний край, на чей счет возвращать его? Может случиться и ныне, что чиновник назначен с нарушением правил о чинах и формах, и назначение может быть признано недействительным; но до того времени он все-таки был законною властью, и его действия сохраняют свою силу. Что сказать затем о назначениях, которые ради государственной безопасности требуют немедленных уполномочий, — а нужда в этом ныне часто встречается. Положение министра внутренних дел, в особенности, станет при действии нового правила поистине безотрадным и просто невозможным.

То же прилагается и к увольнению от службы. Ныне закон предоставляет начальству спасительное право освобождаться от негодных чиновников, от нерадивых, от негодных, от взяточников, коих нельзя прямо обличить. Они увольняются приказом или по прошению. Теперь и увольнение подобных людей до утверждения из Петербурга

тоже остается в неизвестности. А что, если и в подобных случаях получится бумага, что утверждения не последовало? Тогда весь авторитет начальства окончательно подорван.

Что сказать еще затем о назначениях в сфере педагогической, по учебным заведениям, где беспрестанно приходится одного учителя, директора заменять другим и увольнять немедленно учителей неблагонадежных и вредных в нравственном и политическом отношении? Какая смута произойдет в этой сфере, когда назначения и увольнения во всей России подойдут под то же правило!

Смею указать и еще на одну великую опасность, угрожающую крайнею деморализацией всего дела. По идее все назначения, увольнения и пр. исходят от Высочайшей власти. Но ведь это одна фикция, ибо, без сомнения, о личностях в необъятной массе чиновников со всей России Ваше Величество не может иметь отдельного соображения. Доклады будет представлять управляющий, но ведь и он относительно этой массы почти в том же положении. Однако, он имеет право возражать, представлять свое veto противу предположений министерств и местных начальств. На чем же он будет основываться? На докладах своей канцелярии? Но и эта канцелярия, подобно всем канцеляриям, не застрахована от своей свойственной всем язвы — пристрастия, покровительства, кляузы и, наконец, взяточничества. Что, если в промежуток между предположением и утверждением станут обращаться в канцелярию эти ходатайства, заискивания, сплетни, нарекания, обвинения и, — обычное дело, — приношения? В этом месте может развиться самая гибельная эксплуатация назначений на места, и канцелярия инспекторского департамента может обратиться в страшилище министров.

Простите, Ваше Величество. В прежнее время Вы устаивали меня доверия, когда я смел обращаться к вам с предупреждениями о том, что, по моему глубокому убеждению, грозило недоразумением или ошибкою в сознании Вашего Величества. Не погневайтесь и теперь за мое писание, — думаю, что Вы не сомневаетесь и ныне в его беспристрастии. Прикажите, ради правды, ради блага общественного, — смею сказать, ради славы имени Вашего, — отсрочить опубликование указа, доколе не будет строго пересмотрена вся редакция оногo, особливо в 8-й статье. Если эта статья появится, как она есть, в виде закона, трудно будет уже потом дать ей приличное истолкование в ином смысле!

Вашего Императорского Величества
вернопреданный

Константин Победоносцев

Петербург. 11 мая 1894

Вот буквально текст 8-й статьи указа:

Никакое должностное лицо гражданского ведомства не может считаться назначенным на должность или уволенным от нее до воследования Высочайшего о том приказа. Но подлежащим начальствам, от коих зависит определение к должности и увольнение от нее, представляется и впредь замещать вакантные места по своему усмотрению, в пределах предоставленной им власти, а равно освобождать от исполнения обязанностей по должностям (?) и допускать к сдаче дел, с тем, однако, что назначенные указанным порядком лица считаются назначенными в том только случае, ЕСЛИ назначение будет подтверждено Высочайшим приказом, причем назначение это следует считать с того времени, когда состоялось распоряжение о возложении на данное лицо исполнения обязанностей по должности; лицам же уволенным изъясненным порядком может быть выдан аттестат не ранее воследования об увольнении Высочайшего приказа.

96-97

Вашему Величеству известно уже, что в Уральском войске поднялось в последние годы сильное движение к соединению с православною церковью на началах единоверия. Движение это не останавливается, благодаря разумным мерам атамана и деятельности миссионера Ксенофонта Крючкова. Дар Вашего Величества — походная церковь, сильно возбудил к тому же население Уральской области. Описание бывшего по сему случаю торжества в Уральске распространено в казачьих войсках, особливо в Терском, и повсюду возбуждает сочувственные толки.

Приятно мне доложить Вашему Величеству, что ныне подобное же движение возникает и в Терском войске, которое через конвойных ближе поставлено ко дворцу. А Терское войско отличалось всегда упорным фанатизмом, даже в лице станичных атаманов и самых генералов.

У нас уже давно, очень давно, с 1816 года, ведется дело о построении православной единоверческой церкви в станице Червленной, где горсть ново-православных была подавлена массою фанатических раскольников, имевших там свои 2 церкви с колоколами. Место для церкви давно уже отведено, но оно заросло травой и бурьяном; кресты, поставленные на нем с 1817 года, давно сгнили и три раза были заменяемы. Все усилия разбивались о грубое противодействие, не

столько со стороны казаков, сколько со стороны станичного начальства; а терские атаманы, в силу какого-то суеверного страха перед массою раскола, отказывали в своем содействии. Но сооружение там православной церкви было крайне важно именно в этом месте, а денег не было. Православные казаки бедны, а все мои усилия выпросить деньги у военного министра из войскового капитала оказались тщетными. Но, слава Богу, в прошлом году добрый человек, князь Николай Петр. Мещерский, прислал в мое распоряжение 10.000 руб. на построение церкви, там, где в ней крайняя нужда. С весны дело закипело, слава Богу, без инженеров, которые довели бы цифру расхода до невероятных размеров. План был готов, и я поручил дело тому же Крючкову, который закупил лес и все материалы в Астрахани и за 500 верст с великими трудностями доставил все это в Червленую. Теперь церковь почти совсем готова и обойдется тысяч в 8. Только что началась стройка, как все население оживилось и приняло в ней сердечное участие, не исключая даже раскольников.

Примечательно, что передает мне Крючков, только на днях приехавший оттуда и из станицы Прочно-Окопской, служащей главною твердыней и центром раскола в Терском войске. Именно там поднимается сильное движение к соединению — необходимо и там строить церковь. До сих пор у них действовал лже-епископ Силуан, простой безграмотный мужик, но чрезвычайно наглый. Переезжая из здешних станиц на Дон и оттуда сюда, встречаемый с почетом станичными властями, он открыто служил с собором 12-ти попов и даже имел наглость украшать себя лентою Анны I степени. К счастью, ему перестают верить, и раздаются уже голоса, особенно из среды конвойных, что лучше быть в одной церкви с Царем и под правильным епископом.

Константин Победоносцев

(Без даты)

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПИСЬМО К НИКОЛАЮ II

Родился я в Москве, в семье профессора моск. университета. У отца моего было 11 человек детей, кои все устроены трудами отца. Воспитан в семье благочестивой, преданной царю и отечеству, трудолюбивой. Меня, последнего сына, отец свез в Петербург и успел определить в 1841 году в училище правоверения. Я кончил курс в 1846 году и поселился в родном доме в Москве, на службе в сенате.

По природе нисколько не честолюбивый, я ничего не искал, никуда не просился, довольный тем, что у меня было и своей работою, преданный умственным интересам, не искал никакой карьеры и всю жизнь не просился ни на какое место, но не отказывался, когда был в силах, ни от какой работы, и ни от какого служебного поручения. В 50-х годах московский университет, оскудев профессорами юристами, обратился ко мне, и я не отказался, оставаясь на службе в сенате, читать там лекции, по 8 часов в неделю, в течение 5 лет.

Когда начались реформы по кончине Императора Николая и в Петербурге закипела работа разных комиссий, меня перезывали туда, но я отказывался пуститься в неведомое море новой работы, которая пугала меня.

Но, наконец, нельзя было уклониться. В 1861 году граф Строганов стал вызывать меня для преподавания юридических наук цесаревичу Николаю Александровичу. Из чувства патриотизма я не мог отказаться и переехал на целый год в Петербург.

Это решило дальнейшую судьбу мою роковым образом.

В 1863 году меня пригласили сопутствовать цесаревичу в поездке по России. Я стал известен и двору. По окончании поездки я вернулся в Москву к своим занятиям и мечтал остаться тут.

Но Богу угодно было иначе. Цесаревич скончался, оплаканный всею Россией. Новый цесаревич, слышав обо мне доброе от покойного брата, пожелал меня иметь при себе для преподавания. Я не мог уклониться и переехал в Петербург в 1866 году на жительство и на службу. Тут довелось мне последовательно вести занятия и с в. кн. Владимиром, и с цесаревной Марией Федоровной, и с в. кн. Сергием, и

даже с в. кн. Николаем Константиновичем. Я стал известен в правящих кругах, обо мне стали говорить и придавать моей деятельности преувеличенное значение. Я попал, без всякой вины своей, в атмосферу лжи, клеветы, слухов и сплетен. О, как блажен человек, не знающий всего этого и живущий тихо, никем не знаемый на своем деле!

Цесаревич сочувственно относился ко мне и показывал мне доверие. В Аничковом дворце я стал привычным лицом. Но в ту пору из министров и правящих лиц никто не имел общения с цесаревичем, и эта среда питалась всякими слухами и сплетнями об его характере и настроении. Меня они тоже не знали и питали себя подозрениями о каком-то моем влиянии на цесаревича, а Государю тогдашние временщики — гр. Шувалов, Валуев и пр.— внушали такие же подозрения. С другой стороны, в силу того же мнения обо мне, люди, осуждая и браня меня на стороне, старались быть со мною любезными.

Без всякого ходатайства с моей стороны и без всякого участия цесаревича я был назначен членом Госуд. Совета и тут получил возможность высказывать вслух свои мнения по государственным вопросам,— мнения, коих никогда ни от кого не скрывал. Так, мало-помалу приобрел я репутацию упорного консерватора — в противодействии новым направлениям и веяниям государственных либералов.

К концу царствования эти влияния и направления приобрели господственное значение. Началось, в виду общего недовольства, безумное стремление к конституции, то есть к гибели России. Это стало в умах какою-то заразой: русские люди, сохранившие еще разум и память прошедшего, ждали в страхе, что будет, ибо покойного Государя склонили уже совсем к этому гибельному шагу.

Таково было настроение, что и катастрофа 1-го марта никого не образумила. Напротив, кучка людей, державших власть в руках, спешила тем более в первые же дни после катастрофы достичь своей цели. Молодой Государь, захваченный врасплох страшным событием, казалось им, не мог воспротивиться,— никто из них не знал его, и все они надеялись захватить его в свои руки и управлять им.

Положение его было ужасное,— он не знал, как поступить и что делать, чтобы из него выйти. Я видел, до чего разгорались страсти, и прямо боялся за его безопасность,— нечего и говорить, как боялся за судьбу России.

И, правда, чтобы выйти из этого положения, я убедил его сделать решительный шаг — издать манифест 29 апреля 1881 года. Всем было более или менее известно мое в этом деле участие.

И вот с этого рокового для меня дня начинается и продолжается, разгораясь, злобное на меня чувство, питаюсь и в России, и всюду за границей всеобщим шатанием умов, сплетнею, господствующею ныне во всех кругах общества, невежеством русской интеллигенции и ненавистью иностранной интеллигенции ко всякой русской силе.

К несчастью, и у нас, и там существует закоренелое мнение, что в России при самодержавной власти есть непременно тот или другой — один человек всемогущий, который всем распоряжается и от которого все зависит. И вот этим человеком все и всюду стали считать меня и доньне считают, — человека, всегда уклоняющегося от всякого исключительного присвоения себе какой-либо власти.

Естественно, что молодой Государь на первых порах, чувствуя себя одиноким, растерянным, стал обращаться ко мне,— к человеку, ближе ему известному и преданному. Он советовался со мною о людях, и мне довелось в немногих случаях указывать ему на людей: на барона Николаи — для народн. просвещ., на графа Дмитрия Толстого — для мин. вн. дел, и, к счастью, я не ошибся. Когда ко мне обращались, я отвечал; когда государь поручал мне работу, я ее исполнял. Но вот и все. Ни разу я не позволял себе ни выпрашивать для кого-либо милостей или назначений и тому под.

Но люди воображали обо мне иначе, и тут пришлось мне видеть много людской пошлости в нашем обществе. Ко мне обращались за милостями и назначениями; а когда я отвечал, что не вмешиваюсь в эти дела и ничего не могу, кроме того, что касается до порученного мне дела — мне не верили и бранили меня. С другой стороны, возбуждалась ко мне ненависть иных людей из придворной и других сфер, которым иногда случалось мне помешать в осуществлении разных своекорыстных планов.

Я видел очень ясно свое положение. Несмотря на все доверие ко мне Государя, я мог предвидеть, что и оно может поколебаться, и знал, какими внушениями оно колеблется у государей. Стоит только заподозрить человека в том, что он ищет преобладания над волею и решением государя. Зависть и интрига — дело обычное в придворных сферах. Люди, составлявшие обычное общество Аничкова дворца, не зная меня, не имея прямого со мною общения, слышали только разговоры и анекдоты обо мне в гостиных и, передавая их, успевали производить впечатление и на Императрицу Марию Федоровну, и на Государя отчасти. Я продолжал исполнять его поручения, но уже чувствовал в последние годы, что на меня что-то насажено. Не мешаясь ни в какие дела других ведомств, я вел жизнь уединенную; однако, при всем том всюду — и в России и за границей — я продолжал считаться

всесильным человеком, от которого все исходит, в России, и на мой счет ставились все и всякий распоряжения правительства, о коих я даже не имел понятия. Из разных углов России, из Европы, из Америки сыпались мне злобные, угрожающие письма то от нигилистов, анархистов, либералов всех оттенков, то от жидов, приписывавших мне лично все ограничения, все распоряжения об их высылке и проч.

Настало новое царствование, и все противоправительственные, лже-либеральные элементы оживились новою надеждою. Оставаясь едва не старейшим из старых слуг трех царствований, я готов был на службу новому Государю в чем мог. Но уже настало другое время — люди вокруг меня и в кругах правительственных все переменялись: люди нового поколения, чуждые прежних преданий, прежних порядков, минувших событий. Я сам ослабел. На первых порах нового царствования я считал своим долгом говорить иногда молодому Государю о делах и людях, но этому надо было вскоре положить предел, и я ограничился только делами порученного мне звания, а люди вокруг меня и около престола стали все новые — люди нового поколения, многие знавшие и меня только по слухам обо мне и толкам.

И, несмотря на все это, не только не замолкли, но еще разгорелись и усилились нелепые обо мне слухи, будто я всесильный человек в России. Они не затихли и в высших кругах общества, судящих о положении дела только по газетам да на основании болтовни в гостиных, а в разросшихся кружках анархистов, социалистов, радикалов — и за границей и в России — я стал, более чем когда-либо, человеком, стоящим на дороге против всего прогресса и главным виновником всякого стеснения, всякого преследования, гасителем всякого света. Таково ощущение всей обезумевшей теперь молодежи и в столицах, и во всех углах России: толпа людей, не имеющих никакого понятия о ходе государственных дел, о пружинах администрации, о делах и о людях, выставляет меня виновником всех,— что у них слывет,— злоупотреблений, насилий, ретроградных мер, и кричит, что во имя свободы надобно меня уничтожить. От этого предрассудка, от этого злобного ко мне представления я, неповинный ни в чем, что мне приписывают, не в силах отделаться и принужден по необходимости терпеть его. Можно судить, как оно разлилось повсюду, когда представителем его явился из небольшого кружка самарского несчастный Лаговский, стрелявший в меня. В своем показании он прямо объясняет, что хотел истребить меня, как главного виновника всяких стеснений, мешающих прогрессу и свободе. Любопытно, что на первом месте в указании вин моих он ставит: “распространяет в народе суеверие и невежество посредством церковноприходских школ”. Из

этого, уже видно, в каком невежестве и в какой дикости ума и сердца растет и развивается эта масса недоучек или пролетариев науки, воспитанная на статьях либеральных газет, на нелепых прокламациях, на подпольных памфлетах, на слухах и сплетнях, из уст в уста передающихся. И мне ставится в вину дело, которое я считаю в нынешнее время самым важным и нужным для России делом,— ибо в народе вся сила государства, и уберечь народ от невежества, от дикости нравов, от разврата, от губительной заразы нелепых возмутительных учений — можно уберечь только посредством церкви и школы, связанной с церковью.

Вот — судьба моей жизни. И я верю, что руководит ею провидение, которое, помимо моей воли, нередко вопреки ей, ставило меня в положение видное на дело, от коего я не вправе был и не мог уклониться.